

ISSN 2782-3377

ЖУРНАЛ
NOMADIC CIVILIZATION:
HISTORICAL RESEARCH

N.C.
H.R.

1(3) / 2021

e-ISSN: 2782-3377

16+

ЖУРНАЛ
NOMADIC CIVILIZATION:
HISTORICAL RESEARCH

Научный электронный журнал

www.nomadic-kalmsu.ru

Том 1 № 3

2021

e-ISSN: 2782-3377

16+

NOMADIC CIVILIZATION: HISTORICAL RESEARCH

Academic E-Journal

www.nomadic-kalmsu.ru

Volume 1, Number 3

2021

NOMADIC CIVILIZATION: HISTORICAL RESEARCH
КОЧЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2021 № 3

Основан в 2021 году

Журнал «Nomadic civilization: historical research» – международный научный журнал в электронном формате, публикующий в открытом доступе на своих страницах труды теоретического и прикладного характера по актуальным вопросам истории и культуры кочевых народов Евразии.

Исследования специалистов в области кочевниковедения в целом обобщают историко-научный материал и воссоздают целостную картину кочевого евразийского мира. Издание сетевого журнала обеспечивает выполнение важной научной функции – коммуникативно-информационной, что не только позволяет накапливать достижения отечественной и зарубежной науки в области изучения кочевых евразийских народов, но и служит основой для новых открытий и идей в исследовании указанной проблематики.

Миссия журнала «Nomadic civilization: historical research» – поддержка развития отечественного и зарубежного кочевниковедения; публикация оригинальных и переводных статей; презентация научных идей и обсуждение дискуссионных вопросов, а также создание площадки для профессионального общения широкого круга специалистов-кочевниковедов.

Научный сетевой журнал предоставит возможность исследователям опубликовать результаты собственной научной и прикладной деятельности.

Основная цель журнала – предоставить возможность научному сообществу публиковать новейшие оригинальные результаты своих исследований в области кочевниковедения, привлечь внимание ученых, включая специалистов из смежных областей, а также преподавателей вузов, читающих лекции по соответствующей тематике, к перспективным и актуальным направлениям современной науки.

Важнейшими задачами журнала являются:

- синтез фундаментальной науки и прикладных исследований в указанной области;
- продвижение результатов междисциплинарных исследований в данной сфере;
- усиление интеграции российских ученых в международное научное сообщество.

Разделы журнала:

Отечественная история; всеобщая история; археология; этнография, этнология и антропология; историография, источниковедение и методы исторического исследования; история международных отношений и внешней политики; теория и история культуры; теология.

Мы выходим 4 раза в год.

Рабочими языками сетевого издания являются русский, английский, монгольский, немецкий, калмыцкий.

- Государственная регистрация в Роскомнадзоре: Свидетельство о регистрации СМИ (электронная версия): Эл. № ФС77-80170 от 31 декабря 2020 г.
- ISSN: 2782-3377
- Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 16 лет.

NOMADIC CIVILIZATION: HISTORICAL RESEARCH
КОЧЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2021 № 3

The journal was founded in 2021

The journal “Nomadic civilization: historical research” is an international electronic scientific journal devoted to theoretical and applied significance of topical historical and cultural issues of nomadic Eurasian peoples.

The research of specialists in the field of nomad studies as a whole generalizes the historical and scientific material and recreates a holistic picture of the nomadic Eurasian world. The publication of the electronic journal contributes to the realization of an important scientific function (communicative and informational), which allows to accumulate not only the achievements of domestic and foreign science in the field of Nomad studies, but also serves as the basis for new discoveries and ideas in the study of this scientific problem.

The mission of the journal “Nomadic civilization: historical research” is to support the development of national and foreign studies on nomadism; to publish original and translated articles; to present scientific ideas and discuss controversial issues, as well as to create a platform for professional communication of a wide range of nomadic specialists.

The scientific journal will provide an opportunity for researchers to publish the results of their own scientific and applied activities.

The main purpose of the journal is to provide an opportunity for the scientific community to publish the latest original results of their research in the field of nomadic civilizations and cultures, to draw attention of scientists, including specialists from related fields, as well as university teachers who give lectures on relevant topics to promising and relevant areas of modern science.

The most important tasks of the journal are:

- synthesis of basic science and applied research in the field of Nomad studies;
- promotion of the results of interdisciplinary research in this field;
- strengthening the integration of Russian scientists into the international scientific community.

Sections of the journal:

National history; general history; archeology; ethnography, ethnology and anthropology; historiography, source studies and methods of historical research; history of international relations and foreign policy; theory and cultural history; theology

Published four times a year

The working languages of the network edition are Russian, English, Mongolian, German, Kalmyk.

- State registration of Roskomnadzor. Certificate of Media Registration (electronic version): Registration record № ФС77-80170 from December 31, 2020.
- ISSN: 2782-3377
- The materials published in the journal are intended for persons over 16 years.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Бадмаева Екатерина Николаевна, доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (Элиста, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Омакаева Эллага Уляевна, кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (Элиста, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шорковиц Дитмар, доктор исторических наук, профессор, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Берлин, Германия)

Попова Ирина Федоровна, доктор исторических наук, профессор, Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Сампилдондов Чулуун, академик, доктор исторических наук, Международная Ассоциация монголоведения (Улан-Батор, Монголия)

На. Сухбаатар, доктор исторических наук, профессор, Монгольский государственный университет образования (Улан-Батор, Монголия)

Артыкбаев Жамбыл Омарович, доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет им Л. Н. Гумилева (Нур-Султан, Казахстан)

Кидирниязов Даниял Сайдахмедович, доктор исторических наук, профессор, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН Институт истории, археологии и этнографии (Махачкала, Россия)

Колесникова Марина Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» (Ставрополь, Россия)

Кундакбаева Жанат Бековна, доктор исторических наук, профессор, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (Алматы, Казахстан).

Кольцов Петр Михайлович, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (Элиста, Россия)

Команджаев Александр Нармаевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (Элиста, Россия)

Убушаев Владимир Бадахевич, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (Элиста, Россия)

Лиджиева Ирина Владимировна, доктор исторических наук, ФБГУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН» (Ростов-на-Дону, Россия)

Очир-Горяева Мария Александровна, доктор исторических наук, ФБГУН «Калмыцкий научный центр РАН» (Элиста, Россия)

Торопицын Илья Васильевич, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет» (Астрахань, Россия)

NOMADIC CIVILIZATION: HISTORICAL RESEARCH

КОЧЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

EDITOR-IN-CHIEF

Badmaeva Ekaterina Nikolaevna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (Elista, Russia)

DEPUTY CHIEF EDITOR

Omakaeva Ellara Ulyaevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (Elista, Russia)

EDITORIAL BOARD

Schorkowits Dittmar, Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher, Max Planck Institute for Social Anthropology (Germany)

Popova Irina Fedorovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

Sampildondov Chuluun, Academician, Doctor of Historical Sciences, International Association of Mongolian Studies (Ulan-Bator, Mongolia)

Sukhebaatar Nadmidyn, Doctor of Historical Sciences, Professor, Mongolian State University of Education (Ulan-Bator, Mongolia)

Artykbaev Zhambyl Omarovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Nur-Sultan, Kazakhstan)

Kidirniyazov Daniyal Saidakhmedovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russia)

Kolesnikova Marina Evgenievna, Doctor of Historical Sciences, Professor, North Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Kundakbaeva Zhanat Bekovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan)

Koltsov Petr Mikhailovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kalmyk State University named after V.I. B. B. Gorodovikov (Elista, Russia)

Komandzhaev Alexander Narmaevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kalmyk State University named after V.I. B. B. Gorodovikov (Elista, Russia)

Ubushaev Vladimir Badakhaevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kalmyk State University named after V.I. B. B. Gorodovikov (Elista, Russia)

Lidzhieva Irina Vladimirovna, Doctor of Historical Sciences, Federal Research Center The Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russia)

Ochir-Goryaeva Maria Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia)

Toropitsyn Ilya Vasilievich, Candidate of Historical Sciences, Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)

NOMADIC CIVILIZATION: HISTORICAL RESEARCH
КОЧЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Ульжаева Ш.М., Кидирниязов Д.С.
Дипломатический протокол в империи Амира Темура
(по произведениям Руи Гонсалеса де Клавихо) 9

Цыремпилов Н.В.
К истории ойратского буддийского монастыря Аблай-кит 21

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Тепкеев В.Т.
К вопросу о попытке польского короля Яна III Собеского
установить польско-калмыцкие отношения в 1683–1686 гг. 30

ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Өрнөхдэлгэр Д.
Монголчуудын тэмээн жингийн соёл 41

Батырева К.П., Бембеев Е.В., Мукабенова Ж.А.
Калмыцкие меры длины: этнолингвистический аспект 53

**ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Бадмаева Е.Н., Омакаева Э.У.
Трансформация традиционных кочевых обществ Прикаспийского региона
в контексте социально-экономической политики Советского государства
в 1920–1930-е гг.: современное состояние вопроса 65

ПЕРЕВОДЫ

Шорковиц Д.
Была ли Россия колониальной империей? Часть 2 (публикуется в сокращении) 79

РЕЦЕНЗИИ

Бату Д. «Жангар»-ын туулийн түүхэн үндэс эрилгэлж өргөтгөж
гүнзгийрүүлэх дорвитой нэгэн бүтээл. Номын шүүмж:
Мөнхөө Б. Жангарын зохиогдсон газарзүйн орчин хийгээд
нийгмийн түүхэн сурвалж 88

NOMADIC CIVILIZATION: HISTORICAL RESEARCH
КОЧЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

CONTENTS

GENERAL HISTORY

Ulzhaeva Sh.M., Kidirniyazov D.S.
Diplomatic protocol in the empire of Amir Temur
(based on the works of Rui Gonzalez de Clavijo) 9

Tsyrempilov N.V.
To the history of the Oirat Buddhist monastery Ablai-kit 21

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

Төркеев В.Т.
On the question of the attempt of the Polish king Jan III Sobieski
to establish Polish-Kalmyk relations in 1683–1686 30

ETHNOGRAPHY, ETHNOLOGY AND ANTHROPOLOGY

Өрнөхдэлгэр Д.
Монголчуудын тэмээн жингийн соёл 41

Batyreva K.P., Bembeev E.V., Mukabenova Zh.A.
Kalmyk measures of length: ethnolinguistic aspect 53

**HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS
OF HISTORICAL RESEARCH**

Badmaeva E.N., Oмакаева E.U.
Transformation of traditional nomadic societies of the Caspian region
in the context of socio-economic policy of the Soviet state in 1920–1930:
the current state of the issue 65

TRANSLATIONS

Shorkovits D.
Was Russia a Colonial Empire? Part 2 79

REVIEWS

Batu D.
A significant work that seeks to expand and deepen the historical roots
of the Jangar epic Book review: Munkhuu B. Historical background
of the geographical environment and society of the creation of «Jangar» 88

УДК 94(5)

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ПРОТОКОЛ В ИМПЕРИИ АМИРА ТЕМУРА (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ РУИ ГОНСАЛЕСА ДЕ КЛАВИХО)

Ульжаева Шохистахон Мамажоновна

доктор исторических наук, зав. кафедрой гуманитарных наук,
Ташкентский институт инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства,
Ташкент, Республика Узбекистан
E-mail: sh.uljayeva@tiiame.uz

Даниял Сайдахмедович Кидирниязов

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Российская
Федерация
E-mail: daniyal2006@rambler.ru

А н н о т а ц и я

В статье рассматривается дипломатический протокол, применяемый во дворе Сохибкирана Амира Темура. Именно в годы правления этого легендарного восточного правителя были выработаны основы дипломатического протокола, способствовавшие укреплению уважения и доверия иностранных посланников к туранскому государству и его правителю, превращению страны в одно из самых могущественных государств на Востоке. Данная дипломатическая церемония анализируется в статье на примере визита посла короля Испании Руи Гонсалеса де Клавихо в Самарканд в 1403–1406 годах и на основе его мемуаров, написанных во время этой миссии и по ее итогам. Многие нормы и правила организации визита иностранных посланников в Туранию, действовавшие во дворе Амира Темура, вошли в опосредованном виде в современный дипломатический протокол и сегодня служат чрезвычайно важному делу развития политического и делового сотрудничества между странами, народами, а также международными взаимодействующими организациями, представляющими как общественно-политическую сферу, так и деловые круги.

К л ю ч е в ы е с л о в а

Амир Темур, Самарканд, дипломатический прием, Мовароуннахр.

UDC 94(5)

DIPLOMATIC PROTOCOL IN THE EMPIRE OF AMIR TEMUR (BASED ON THE WORKS OF RUI GONZALEZ DE CLAVIJO)

Shokhistakhon M. Ulzhaeva

Dr. Sc. (History), Professor, head Department of Humanities,
Tashkent Institute of Irrigation and Agricultural Mechanization Engineers, Tashkent,
Republic of Uzbekistan
E-mail: sh.uljayeva@tiiame.uz

Daniyal S. Kidirniyazov

Dr. Sc. (History), Professor, Leading Researcher, Institute of History,
Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center
of the Russian Academy of Sciences,
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research
Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation
E-mail: daniyal2006@rambler.ru

Annotation

The article examines the diplomatic protocol used in the courtyard of Sohirkiran Amir Temur. It was during the reign of this legendary eastern ruler that the foundations of the diplomatic protocol were developed, which contributed to strengthening the respect and trust of foreign envoys to the Turanian state and its ruler, turning the country into one of the most powerful states in the East. This diplomatic ceremony is analyzed in the article on the example of the visit of the Ambassador of the King of Spain Rui Gonzalez de Clavijo to Samarkand in 1403-1406 and on the basis of his memoirs written during this mission and following it. Many norms and rules for organizing the visit of foreign envoys to Turania, which operated in the courtyard of Amir Temur, were indirectly included in the modern diplomatic protocol and today serve the extremely important cause of the development of political and business cooperation between countries, peoples, as well as international interacting organizations representing both social and political sphere, and business circles.

Key words

Amir Temur, Samarkand, diplomatic reception, Movarounnahr.

ВВЕДЕНИЕ

Дипломатический протокол в общепринятом сегодня значении — совокупность общепринятых правил, традиций и условностей, соблюдаемых официальными органами и лицами в процессе международного общения (Борунков, 2007: 24). В современном мире протокольными нормами так или иначе регулируются основные формы дипломатической практики.

Однако установленный в наше время общепринятый дипломатический протокол с его различными вариациями появился неодномоментно и не в процессе принятия общего, согласованного решения одного или нескольких авторитетных международных форумов. Его основы в том или ином виде зародились и развивались последовательно, как на Востоке, так и на Западе. Свое нынешнее выражение дипломатический протокол получил в процессе и в результате активного многолетнего диалога правителей, вождей племен, королей, президентов, лидеров государств, стран, общественных деятелей, представителей бизнес-сообщества. Правила и нормы дипломатического протокола, отшлифованные и апробированные в течение длительного исторического времени в процессе множества двусторонних и многосторонних международных встреч, переговоров, стали сегодня основой дипломатического и предпринимательского этикета.

Не углубляясь в историю вопроса скажем, что на Востоке одним из правителей, внесших значимый вклад в разработку протокольных правил и норм, был Сохибкиран Амир Темур. Этот государственный муж был не только выдающимся политиком и полководцем, о чем написано сотни работ, что, безусловно, справедливо, но и искусным дипломатом. Одним из свидетельств признания дипломатии Амира Темура является, в частности, направление иностранными государствами своих послов к его двору. Немаловажную роль в выстраивании прочных международных связей сыграл дипломатический протокол, введенный Амиром Темуром для встречи, приема и проводов иностранных посланников, посещавших Амира Темура и государство Темуридов. Одним из первых детальное описание дипломатического этикета, принятого во дворе Амира Темура, дал в своих мемуарах посол испанского короля Клавихо Р.Г. Данное произведение в темуроведении еще не подвергалось достаточному детальному анализу, хотя для раскрытия многогранной личности легендарного восточного правителя оно, безусловно, имеет большое значение. В настоящей статье мы попытаемся проанализировать протокольные правила и нормы Амира Темура, опираясь в основном на мемуары посла короля Испании Руи Гонсалеса де Клавихо (1881). Именно мемуары испанского посланника стали предметом исследования. Цель исследования — детально проанализировать письменные свидетельства посла короля Испании и на их основе выявить и раскрыть правила, условности и традиции дипломатического протокола, принятые во дворе Амира Темура, отвечавшие интересам поддержания его общения с иноземными посланниками. Сеем надеяться, что проведенное нами исследование дипломатического наследия восточного правителя, поможет еще больше раскрыть яркую, незаурядную личность Сохибкирана Амира Темура, особо почитаемого на Востоке, проследить его выдающуюся роль в мировой истории. В решении этой общей исследовательской задачи востоковедов мира видится нам актуальность изучаемой нами темы.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалами исследования послужили мемуары посла короля Испании Руи Гонсалеса де Клавихо. Методы исследования — историко-сравнительный, проблемно-хронологический и ретроспективный. Теоретико-методологической основой исследования послужили такие научные принципы как историзм, объективность, преемственность, сравнительный анализ. При написании статьи особое значение придавалось осмыслению рассматриваемой научной проблемы с концептуальных позиций нового исторического мышления, сложившегося в настоящее время в востоковедных исследованиях ученых России, Узбекистана и других стран.

ОБСУЖДЕНИЕ

Жизнь и деятельность Амира Темура постоянно находилась в центре внимания учёных западного и восточного мира. Одним из первых исследователей, начавших научное изучение жизни и деятельности этого восточного правителя, был итальянский ученый Перондино, выпустивший в 1553 г. во Флоренции свой труд «Величие Тамерлана Скифского» (1553)]. На Западе еще начиная с XVIII в. стал возрастать интерес к личности выдающегося восточного правителя, о нем писали Э. Гиббон (1888), Ф. Шлоссер (1876), Г. Вебер (1887) и др. В их работах рассматривается уникальная личность Амира Темура, его многогранная деятельность в области государственности, общественно-политического устройства, социально-экономических отношений и т. д. Ученые евразийского пространства также посвятили Амиру Темуру немало работ, составивших солидную историографию. Следует отметить ряд интересных работ российских исследователей — профессора Московского университета Т.М Грановского (1986), известных востоковедов В. В. Бартольда (1963), А. Ю. Якубовского (1939), Н. И. Конрада (1969), А. П. Новосельцева (1973), М. И. Иванина (1975) и др. В работах ученых республик СССР, следуя официальной точки зрения на жизнь и деятельность Амира Темура принижалась его роль в мировой истории, в оценках легендарного правителя и выводах о нем содержались ряд спорных моментов. Если говорить о современной российской исторической науке, то в ней продолжает оставаться значительный интерес к личности и деятельности Амира Темура. Аналогичное внимание к этому выдающемуся историческому деятелю уделяется и в Китайской Народной Республике, где придается большое значение к изучению его жизни и наследия. В 1996 г. в Пекине состоялась международная научная конференция «Амир Темур и его роль в мировой истории», организованная Академией общественных наук КНР и Всеитайской ассоциацией исследователей проблем Восточной Европы и Центральной Азии.

В Узбекистане о Туранском владыке по понятным причинам вышло множество работ. В годы СССР опубликование статьи «Роль и место Амира Темура в истории Средней Азии» (1968) академика И. Муминова, издание книги «Зафарнаме» (1972) Шарафуддина Али Язди вызвали широкий резонанс среди научной общественности, однако сами исследования подверглись обструкции со стороны официальных властей за «выпячивание» положительной стороны деятельности туранского правителя.

В новейший период научная общественность Узбекистана постоянно проводит научные форумы о жизни и деятельности Амира Темура, в частности, в 1996 г. с участием ученых-востоковедов со всего мира прошли международные научные конференции «Расцвет науки, культуры и образования в эпоху Темуридов» и «Амир Темура и его роль в мировой истории». Научная общественность выступила за объективное исследование жизни и деятельности Амира Темура, призвала коллег уделять больше внимания малоизученным проблемам темуроведения. Еще раньше в республике было издано Уложение Темура (1992). Некоторые работы, созданные в постсоветский период учеными Узбекистана, стали отличаться новыми исследовательскими подходами в изучении жизни и деятельности Амира Темура, его эпохи, привлечением широкого круга письменных источников о восточном правителе. Появились работы, исследующие международные связи государства темуридов, его дипломатических отношений с иноземными странами. В их ряду можно назвать исследования, вышедшие в Узбекистане: А. Урунбаева и О. Буриева (1996), М. Холбекова (1996), Л. Керэн и А. Саидова (1996), Э. Ртвеладзе и А. Саидова (1999), Б. Ахмедова, Р. Муклинова и Г. Пугаченковой (1999), М. Абдураимова (2001), Б. Ахмедова (2001), А. Хужаева (2010), Ш. Улжаевой (2019) и др.

Одним словом в востоковедении на сегодняшний день имеется огромное количество работ об Амуре Темуре, как говорится, несть им числа, неслучайно ведь сложилось самостоятельное научное направление — «темуроведение». Сегодня Тамерлан почти единодушно признается выдающимся политическим и государственным деятелем Востока, а не азиатским «сокрушителем народов». Важно подчеркнуть, что в мировой историографии высоко оценены международные связи государства Амира Темура, признанные самыми яркими страницами истории дипломатических отношений.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В 1403–1406 гг. посол короля Испании Руи Гонсалеса де Клавихо посетил Самарканд, столицу страны, в ответ на посольство Амира Темура и выполнил свою дипломатическую миссию. По воспоминаниям он написал книгу «Дневник поездки в Самарканд, дворец Амира Темура» (2010), в которой содержится ценная информация об отношении восточного правителя к послам, дипломатическому приему. Посол отметил, что его с уважением и почетом встретили с самого момента въезда в страну до приезда в Самарканд. В то время даже Византия платила налоги Амиру Темуру, и поэтому посла и его соратников встретил наместник византийской столицы Константинополь и незамедлительно сопроводил до следующего адреса. Местные чиновники, обслуживающие послов, в каждом пункте пребывания испанских посланников, постоянно напоминали им, что их ждет Сахибкиран Амир Темура и потому они должны как можно скорее отправить гостей до правительственного двора. В правление Амира Темура были чиновники, у которых были особые документы для сопровождения послов. Они, при необходимости, в случае, например, когда лошади устали или для других нужд послов, могли снять и скорей всего в действительности снимали с лошади сына или внука великого эмира. По действующему протоколу послов сопровождали из одного места в другое не менее 20 кавалерийских гвардейцев. Об этом Руи Госалес де Клавихо писал в своих дневниках

и свидетельствовал, что видел как египетских послов сопровождали 20 кавалерийских гвардейцев (Клавихо, 2010:145) Аналогичное уважение проявлялось ко всем послам других стран и в этом отношении протокол выполнялся неукоснительно, во всяком случае в период правления самого Амира Темура. Испанский посол, впервые прибывший в Самарканд, по заведенному дипломатическому протоколу, поселился в Гулбоге. Показ достопримечательностей Самарканда являлся частью дипломатического протокола, принятого по велению самого восточного правителя. Прибывшим послам показывали красивейшие места города и его окрестностей. Самарканд уже в то время отличался неповторимой архитектурой, прекрасными общественными и частными зданиями. В особенности восхищали туристов и послов великолепные сады, окружавшие Самарканд, они сравнивали его с «городом в лесу». Красоты столицы государства Амира Темура производили на туристов и послов яркое и неизгладимое впечатление. Клавихо, по его словам, под незабываемым впечатлением оставил восторженную записку. В своих мемуарах он написал: «Вокруг Самарканда так много фруктовых садов и виноградников, что это почти как если бы вы приближались к лесу высоких деревьев в центре города, который в некоторых местах тянется на пару лиг (5-10 километров)» (Клавихо, 2010:153).

Вскоре после осмотра достопримечательностей города специальный дворцовый чиновник, назначенный для организации приема высокопоставленных гостей, сказал, что уже идет прием послов золотоордынского хана Тохтамишхана и им надо подождать. Клавихо в своих дневниках упоминает, что, согласно протоколу, послов принимали через несколько дней, и чем важнее было посольство, тем больше времени уходило на подготовку встречи. Клавихо с интересом рассказывает о красочных шелковых шатрах в садах, об их золотой и серебряной обстановке, а также о вкусе и изобретательности местных мастеров при обустройстве садов. Послы вошли в сад через очень большие и высокие ворота, украшенные золотой и синей плиткой. У двери стоял вооруженный копьями стражник. У входа было украшено шесть слонов, а над каждым из них были нашиты два флага. Прием послов прошел в парке Дилкушо. В центре четырех ворот сада находился роскошный дворец. У дворца было три этажа, на каждом из которых находился фонтан. Стены дворца были украшены мемориальными досками сражений Сахибкирана. Перед приемом пришли два чиновника и попросили послов по установленной традиции передать подарки королю. После того, как послы вручили подарки особым слугам, те сказали, что разложат их (красиво), а затем передадут людям, которые вручат подарки королю. Традиционно после вручения подарков послы, согласно протокольным правилам, следовали за специально приставленными к ним офицерами. По свидетельству Клавихо, во время приема, он видел, как послы Египта (Вавилон) и других стран следовали за двумя приставленными к ним чиновниками, передали дары в соответствии с тем же установленным правилом (Клавихо, 2010:154).

Дальше действие продолжилось следующим образом. Послы, следуя за специальным посланником, немного подождя по приказу офицеров, вошли, опять же по отданному ими приказу, в зал приемов. Два офицера держали послов за руки. Мухаммада Кеши, посланного Амиром Темуром королю Кастилии, также сопровождали послы. Он был одет по-испански, и его соотечественники смотрели на него с улыбкой. Прием у правителя прошел пышно и достойно. На приеме присутствовали родственники Амира Темура — его племянник, сыновья и внуки, королевы

дворца, придворные слуги, министры, эмиры и другие сановники. Испанские послы по установленной во дворце традиции отдали дань уважения племяннику и внуку Амира Темура. Трое внуков Амира Темура преподнесли письмо испанского короля Амиру Темуру. Описывая сам прием, Клавихо пишет: «Мне казалось, что король сидит на пороге роскошной задней двери. Он сидел на трибуне. Перед ним выскакивал фонтан, а в бассейне фонтана плавали красные яблоки. Король сидел на шелковом одеяле, прислонившись к подушке» (Клавихо, 2010:156). По принятому местному обычаю, испанский посол встал на правое колено и положил руки королю на грудь. После этого испанские посланники преклонили еще дважды колени перед правителем. Как пишет автор мемуаров, доверенные эмиры Амира Темура забрали испанских послов из рук Шахмалика Мирзы, Бурундук Мирзы, Шейха Нуриддина и поставили их на колени перед королем¹. Амир Темур пристально посмотрел на приближавшихся к нему послов и сказал: «Как поживает мой сын, король? Он здоров?²»

После того, как послы передали письмо, они произнесли слова пожелания от короля Амиру Темуру. После этого, Тамурбек обратился к кавалерам, сидевшим у его ног, из которых один, говорят, был сыном сеньора Тотамиха [Тохтамыш], правившего в Тарталии, а другой — из рода императоров самаркандских, а прочие были важными лицами из рода самого сеньора, и сказал им: «Посмотрите на этих посланников, которых прислал ко мне мой сын, король Испании, первый из всех королей, какие есть у франков, что живут на краю мира. Они на самом деле великий народ, и я благословляю моего сына, короля [Испании]. Было бы достаточным, если бы он прислал вас только с письмом, без подарков, так как я очень рад узнать о его здоровье и делах, не меньше, чем получить подарки³». Судя по сказанным Амиром Темуром словам, восточный правитель тепло относился к королю Испании, и вряд ли это было дань правилам хорошего тона, он действительно стремился к установлению и развитию дружественных дипломатических отношений между королевством Амира Темура и королевством Кастилия.

Организация приема испанских посланников проходила, как видим, по устоявшимся во дворце правилам и традициям. В своих мемуарах Клавихо сообщал, что во дворце была особая дисциплина и что у каждого из присутствующих — гостей и хозяев — было свое предназначенное только ему место. По свидетельству автора, на официальные приемы могли ходить даже женщины, приглашенные на него: «После того, как все расселись по своим местам, Кано (Бибиханум), великая жена сеньора (Темура), вышла из одной из преград, установленных около шатров, чтобы принять участие в застолье. Она была в малиновом платье с золотыми цветами, платье было без рукавов, воротник не был глубоко вырезан, только голова была достойна торчать, и у нее была резьба по размеру рук, стороны юбки были очень широкими. Около 15 женщин носили юбки, чтобы они могли свободно ходить, не порезав талию. На их лицах было столько пудры, что оно было похоже на бумагу. Я знаю, что там столько пудры, чтобы не попадать на солнце. Так защищают лицо от солнца все аристократичные дамы, прошедшие долгий путь и зимой, и летом. Лицо каное было покрыто

¹ <https://military.wikireading.ru/34188>

² <https://military.wikireading.ru/34188>

³ <https://military.wikireading.ru/34188>

легкой белой сетью, а на его голове была шапка из красного сукна, напоминавшая шлем рыцарей, сражающихся на турнире. Сеть медленно падала королю на плечи. Но этот шлем был очень длинным, в нем было много большого блестящего круглого жемчуга, рубинов, бирюзы и множества других, очень тонко обработанных камней. Сеть, упавшая на его плечо, тоже была золотым цветком, а на ней была золотая корона, очень красивая, украшенная множеством драгоценных камней. На его вершине было яркое и необычайно красивое, мощное светящееся устройство, исходившее из трех рубинов, двух пальцев. На кончике устройства была большая брошка на уровне локтя, одни перья загибались вниз, другие — к лицу и глазам. Эти перья были связаны золотой цепочкой, конец системы напоминал белую кисть из камня и перламутровые птичьи крылья. Пока дама шла, брошь раскачивалась во все стороны. Его темные волосы ниспадали ему на плечи и расплывались. Несколько аристократических дам последовали за ним, трезвые, чтобы поймать шлем на голове. Всего за Каноз последовало более трехсот знатных женщин»¹.

Автор мемуаров сообщает, что после выхода Клавиджо Бибиханима, жены и невестки Амира Темура входили в один круг и принимали участие в торжестве. Церемонии приема зачастую были привязаны к свадьбе, и потому принцессы Тимуридов также принимали активное участие в дипломатических церемониях и даже устраивали банкеты в честь послов. На официальных приемах с участием высокопоставленных гостей соблюдались определенные правила, как при приготовлении блюд к столу, так и на самом обеде. На столе стояла вареная, соленая, жареная баранина, а также жареная конина. Посуду ставили на позолоченную кожаную скатерть с круглым бортиком. Повара сняли костыли с края стола, ломившемся от поданных блюд с мясом, и отнесли блюда к кожаному столу, где сидели Амир Темура и послы. Когда слуги, принесшие мясо, остановились в двадцати шагах от царя, на их месте оказались мясорубки. Эти люди полностью соблюдали правила санитарии и гигиены, носили платок, кожаные перчатки. Встав на колени, они нарубили мясо. Нарезанное мясо поместили в золотые, серебряные, керамические миски и другую драгоценную фарфоровую посуду. Конину также профильтровали в золотые и серебряные сосуды. Бараньи бедра, конские почки и бараньи головы были упакованы и декорированы в отдельные контейнеры и подарены гостям. Мясо было добавлено и во многие другие блюда. По словам Клавихо, мясо постоянно подавалось на стол, все время приносили свежеприготовленные блюда из мяса. Принесли тарелки с супом, которые облили мясом, как капусту. Для этих блюд подали тонко испеченный хлеб лочира, на его кусочки положили четыре сложенных куска мяса. После этого этот своеобразный бутерброд двое (трое) из королевских дворян, принцев и вельмож подали королю, послам и чиновникам. По обычаю того времени, часть подаваемой еды отправляли домой. Амир Темура приказал, чтобы два куска мяса, которые торжественно поставили перед ним, были переданы испанским посланцем. На приеме Клавихо сказал королю, что им было выдано слишком много мяса и его трудно будет забрать домой, если они этого захотят. Кроме мясных блюд на стол подавали баранью колбасу и другие блюда, фрукты и дыни. В золотых и серебряных кувшинах преподносили кумыс из березового молока, смешанный со сладостями. Обслуживающий персонал подавали напитки, держа их на руках, покрытых белой тканью, похожую на полотенце.

¹ <https://military.wikireading.ru/34188>

Испанский посол и турист приготовили для правителя официальные подарки на девяти сосудах. Подарки состояли из девяти серебряных чашек с сахаром, изюмом, миндалем, фисташками и другими сладостями, а также кусочка шелковой ткани. Подарки были сделаны Шейхом Нуриддином Шахмалик Мирзе. Во время их вручения были проведены церемонии подбрасывания монет. После приема были выставлены подарки, привезенные послами разных стран. Королю подарили триста лошадей и вручили множество других подарков. Вручение подарков являлось своеобразным способом “покорения сердец” послами хозяев, в то же время в этом таился своеобразный расчет, направленный на привлечение через иностранных посланников “сердец” других глав государств и завязывание с их странами обширных торгово-экономических связей и дружеских отношений. Поэтому, на таких приемах подарки послов представляли собой самые ценные, редкие товары своего времени: породистых лошадей, мулов, верблюдов, великолепных птиц, золото, серебряные монеты и многое другое. Среди подарков, присланных испанским королем, правитель предпочел, в частности, ткани более красно-лилового оттенка. Он раздал ткани Леди и другим принцессам. Послы Тохтамышхана вручили подарки королю в виде водоплавающих птиц, шуб, белых лисиц и соколов. Последние особо ценились среди восточных государств, где была развита охота со специально обученными птицами. По старинным традициям посещающим страну послам преподносили барабаны, пояса, а вассальным наместникам и королям — золотые короны и другие ценные подарки. После церемонии за послами ухаживал специальный офицер, назначенный губернатором. Этот чиновник был главным привратником, отвечавшим за обеспечение послов всем необходимым и за их безопасность.

На официальных приемах особое внимание уделялось внешнему виду приглашенных, которых тщательно досматривали на стойке регистрации. Женщины были в праздничных нарядах, их украшали драгоценности Малой Азии, Исфахана, Молтона, Гянджи, Дамаска, Бурсы, Венеции. Мужчины носили оружие и пояса, украшенные редкими камнями. О масштабах празднеств в Кёнигиле можно судить по установленным возле резиденции короля около 20 тысяч шатров. В самой свадебной церемонии приняли участие, кроме гостей из других государств, члены дворца, министры и представители различных слоев местного населения. Клавихо писал, что большое внимание организаторы торжеств уделяли порядку размещения палаток, оборудования, внешнему и внутреннему оформлению шатров и пр. К примеру, украшения палаток внутри и наружи должны были соответствовать статусному положению того или иного официального лица, присутствующего на церемониальных мероприятиях.

Установленные во дворе Тамерлана нормы и правила дипломатического протокола, как показывает наше небольшое исследование, способствовали укреплению доверия чужеземных государств к восточному правителю и его державе, развитию взаимовыгодного сотрудничества Турунии со странами окружающего мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сохибкиран Амир Темур вошел в мировую историю, в том числе, как искусный дипломат своей эпохи. То, что он был таковым, к сожалению, признается не всеми, о нем больше говорят как о великом полководстве, создателе мощного и

долгое время непобедимого государства. На самом деле, периоду его правления характерно сочетание успешных боевых действий и не менее искусных шагов на дипломатическом поприще. Предназначенную им миссию объединения и укрепления Туранского государства он, бесспорно, выполнил, в том числе, за счет своих незаурядных личных дипломатических качеств. Амир Темура имел и развивал обширные внешнеполитические связи, как на Востоке, так и на Западе. Только в Китай, по словам китайских ученых, он неоднократно отправлял своих послов с целью налаживания и укрепления с Срединной империей дружеских, взаимовыгодных отношений (Хўжаев, 2010:199). На протяжении всего периода своего правления Амир Темура стремился развивать многосторонние связи с разными землями, о чем свидетельствуют значительное количество посольских визитов посланников Амира Темура в иноземные государства, так и немалое число принятых им в своем дворце на самом высоком уровне иностранных посольств и миссий. Как показали мемуары испанского посла Руи Гонсалес де Клавиксо, дипломатическому протоколу туранский правитель придавал большое и важное значение. Амиром Темуром была разработана целостная процедура, связанная с встречей, приемом и проживанием иностранных посланников, участием в праздничных церемониях, рассадкой и обслуживанием гостей на церемониальном обеде, обязательным обменом подарками, торжественными проводами и пр. В основе этой сложной процедуры лежали каноны восточного этикета с выраженным подчеркиванием уважительного и дружелюбного отношения к гостям. Именно в годы правления Амира Темура, им и его чиновниками, были выработаны основы дипломатического протокола, способствовавшие укреплению уважения и доверия иностранных посланников к туранскому государству и его правителю, превращению страны в одно из самых могущественных государств на Востоке. Многие нормы и правила организации визита иностранных посланников в Турацию, действовавшие во дворе Амира Темура, а также правила поведения хозяев и гостей, вошли в опосредованном виде в современный дипломатический протокол, стали составной частью дипломатического и предпринимательского этикета, и служат чрезвычайно важным делом развития межгосударственного сотрудничества, общественных и деловых связей во всем мире.

Литература

- Абдураимов, М. (2001). *Темура ва Тўхтамиш*. Тошкент.
- Ахмедов, Б.А. (2001). *Амир Темура дарслари*. Тошкент: Шарк.
- Ахмедов, Б., Муслимов Р., Пугаченкова Г. (1999). *История Амира*. Ташкент: Шарк.
- Бартольд, В.В. (1963). *История культурной жизни Туркестана*. Соч. Т. II. М: Акад. наук СССР.
- Борунков, А.Ф. (2007). *Дипломатический протокол в России*. Изд. 3-е доп. М: Международные отношения.
- Вебер, Г. (1887). *Всеобщая история*. Т. VIII. М: Издательство Москва.
- Гиббон, Э. (1888). *История упадка и разрушения Римской империи*/Перевод с англ. В.Н. Неведомского. Ч. VII. М.: Изд-во К.Т. Солдатенкова.
- Грановский, Т.Н. (1986). *Лекции по истории средневековья*. Лекция 1849/50гг. М.: Наука.

Иванин, М.И. (1875). *О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане*. Под ред. Князя Н.С. Гольцина. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза».

Йазди Шараф ад-Дин Али (2008). *Зафар-наме* / Пер. со староузб., предисловие, комментарии, указатели и карта А. Ахмедова. Ташкент: издательство журнала «SAN'AT».

Клавихо, Рюи Гонсалес (1881). *Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403–1406 гг.* / Подлинный текст с переводом и примечаниями составленный под ред. И.И. Срезневского. СПб.: Тип. Императорской Академии наук.

Конрад, Н.И. (1969). *Средневековое возрождение и Алишер Навои*. Иностранная литература, № 2. С. 212-220. М.: Иностранная литература.

Керэн, Л., Саидов, А. (1996). *Амир Темура ва Франция*. Тошкент: Адолат.

Материалы международной научной конференции «Расцвет науки, культуры и образования в эпоху Темуридов» (штаб-квартира ЮНЕСКО г. Париж) (1996). Ташкент–Париж (на русск. и франц. яз).

Муминов, И. М. (1968). *Роль и место Амира Темура в истории Средней Азии*. Ташкент: Фан.

Новосельцев, А.П. (1973). Об исторической оценке Тимура. *Вопросы истории*. № 2. С. 3-20.

Ртвеладзе Э., Саидов А. (1999). *Амир Темура в зеркале мировой науки*. Ташкент: Фан.

Тезисы международной научной конференции «Амир Темура и его место в мировой истории. 23-26 октября 1996. (1996). Ташкент: Узбекистан.

Ўлжаева, Ш.М. (2019). Амир Темура даврида маданият дипломатия ва унинг ўзига хос хусусиятлари. *Интернаука*: электрон. научн. журн. 2019. № 3(85). URL: <https://internauka.org/journal/science/internauka/85> (дата обращения: 05.07.2021).

Уложения Тимура (1968). Ташкент: Фан.

Ўринбоев, А., Бўриев, О. (1991). *О иёсиддин Наошининг Хитой сафарномаи*. Тошкент: Фан.

Холбеков, М. (1996). *Амир Темуранинг Европа ироллари билан ёзишмалари*. Самаранд: Мерос.

Хўжаев, А. (2010). *Буюк ипак йўли: муносабатлар ва тақдирлар* (Великий Шелковый путь: отношения и судьбы). Тошкент: ЎЗМЭ.

Шлоссер, Ф. (1876). *Всемирная история*. Т. III. СПб: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа.

Якубовский, А.Ю. (1939). Мастера Ирана и Средней Азии при Тимуре. *Иранское искусство и археология*. III Международный конгресс. М.–Л.: Изд-во АН СССР.

Perondino, P. (1553). *Magni Timur Scythorum*. Florence.

References

Abduraimov, M. (2001). *Temur va Tukhtamish*. Toshkent.

Abstracts of the international scientific conference “Amir Timur and his place in world history. October 23-26, 1996 (1996). Tashkent: Uzbekistan.

Akhmedov, B.A. (2001). *Amir Temur dararlari*. Tashkent: Shark.

Akhmedov, B., Muklinov R., Pugachenkova G. (1999). *Amir's story*. Tashkent: Shark (in Russian).

Bartold, V.V. (1963). *The history of the cultural life of Turkestan*. Op. T. II. M: Acad. Sciences of the USSR (in Russian).

Borunkov, A.F. (2007). *Diplomatic Protocol in Russia*. Ed. 3rd add. M: International relations (in Russian).

Clavijo Rui Gonzalez (1881). *Diary of a trip to Timur's court in Samarkand in 1403–1406* / Original text with translation and notes compiled under the editorship of I.I. Sreznevsky. SPb.: Type. Imperial Academy of Sciences.

Clavijo Rui Gonzalez (1881). *Diary of a trip to Timur's court in Samarkand in 1403–1406* / Original text with translation and notes compiled under the editorship of I.I. Sreznevsky. SPb.: Type. Imperial Academy of Sciences.

Gibbon, E. (1888). *History of the Decline and Fall of the Roman Empire* / Translated from English. V.N. Nevedomsky. Part VII. M.: Publishing house K.T. Soldatenkov.

Granovsky, T.N. (1986). *Lectures on the history of the Middle Ages*. Lecture 1849/50 M.: Science (in Russian).

Holbekov, M. (1996). *Amir Temurning Europe Irollari Bilan Yozishmalari*. Samarand: Meros.

Ivanin, M.I. (1875). *About the art of war and the conquests of the Mongol-Tatars and Central Asian peoples under Genghis Khan and Tamerlane*. Ed. Prince N.S. Golytsin. SPb. : Printing house of the «Public Benefit» partnership (in Russian).

Keren, L., Saidov, A. (1996). *Amir Temur wa France*. Toshkent: Adolat.

Khŷzhaev, A. (2010). *Buyuk ipak yuli: munosabatlar va tadirlar* (The Great Silk Road: relationships and destinies). Toshkent: ŷzME.

Konrad, N.I. (1969). Medieval Revival and Alisher Navoi. *Foreign Literature*, No. 2. P. 212-220. M.: Foreign literature.

Muminov, I.M. (1968). *The role and place of Amir Temur in the history of Central Asia*. Tashkent: Fan.

Novoseltsev, A.P. (1973). On the historical assessment of Timur. *Questions of history*. No. 2. S. 3-20.

Perondino, P. (1553). *Magni Timur Scythorum*. Florence.

Proceedings of the international scientific conference «The flourishing of science, culture and education in the era of the Timurids» (UNESCO headquarters in Paris) (1996). Tashkent–Paris (in Russian and French).

Rtveladze E., Saidov A. (1999). *Amir Temur in the mirror of world science*. Tashkent: Fan.

Timur's Code (1968). Tashkent: Fan.

Schlosser, F. (1876). *The World History*. T. III. SPb: Publishing of the bookseller-typographer M.O. Wolf.

Yakubovsky, A. Yu. (1939). Masters of Iran and Central Asia under Timur. *Iranian art and archeology*. III International Congress. M.–L.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR.

Weber, G. (1887). *General history*. T. VIII. M: Publishing house Moscow.

Yazdi Sharaf ad-Din Ali (2008). *Zafar-name* / Transl. from Old Uzbek, preface, comments, pointers and map of A. Akhmedov. Tashkent: «SAN'AT» magazine publishing house.

ŷlzhaeva, Sh.M. (2019). Amir Temur davrida madaniy diplomacy va uning ŷziga khos hususiyatlari. *Internauka*: electron. scientific. zhurn. No. 3 (85). URL: <https://internauka.org/journal/science/internauka/85> (date accessed: 07/05/2021).

Yrinboev, A., Buriev, O. (1991). *O. Yosiddin Naosning Hitoy Safarnomasi*. Toshkent: Fan.

УДК 94(574)

К ИСТОРИИ ОЙРАТСКОГО БУДДИЙСКОГО МОНАСТЫРЯ АБЛАЙ-КИТ

Николай Владимирович Цыремпиллов

доктор исторических наук, профессор

Назарбаев Университет, Нурсултан, Республика Казахстан

E-mail: nikolay.tsyrempilov@nu.edu.kz

А н н о т а ц и я

В данной статье предметом рассмотрения стали развалины монастыря Аблай-кит в Джунгарии, открытые экспедицией, возглавляемой гвардии майором Иваном Михайловичем Лихаревым. Аблай-кит представляет огромный интерес для археологов, изучающих его как исторический памятник. Монастырь содержал в себе значительную по тем временам для периферии тибето-буддийского мира библиотеку. Особую ценность для мировой научной общественности представляют найденные в монастыре различного рода находки, в особенности рукописи. Текст одного из листов рукописи стал предметом кропотливого анализа специалистов и дискуссии среди тибетологов. Сохранившийся текст листа, а также другие рукописи, найденные в развалинах монастыря, являются ценным источником для историков, занимающихся политической и культурной историей ойратского государства и буддийских монастырей на территории современного Казахстана.

К л ю ч е в ы е   с л о в а

Аблай-кит, рукописи, ойратское государство, политическая и культурная история ойратского государства, Джунгарское ханство, буддийские монастыри, казахская степь, тибето-буддийский мир.

UDC 94(574)

TO THE HISTORY OF THE OIRAT BUDDHIST MONASTERY ABLAI-KIT

Nikolay Vladimirovich Tsyrempilov

Professor, Doct. of Historical Sc.

Nazaebaev University, Nursultan, The Republic of Kazakhstan

E-mail: nikolay.tsyrempilov@nu.edu.kz

Annotation

In this article, the subject of consideration is the ruins of the Ablai-Kit monastery in Dzungaria, discovered by an expedition led by the guard, Major Ivan Mikhailovich Likharev. Ablai Kit is of great interest to archaeologists who study it as a historical monument. The monastery contained a library that was significant for the periphery of the Tibeto-Buddhist world at that time. The various finds found in the monastery, especially manuscripts, are of particular value to the world scientific community. The text of one of the sheets of the manuscript became the subject of painstaking analysis by specialists and discussion among Tibetan scholars. The extant text of the leaf, as well as other manuscripts found in the ruins of the monastery, are a valuable source for historians studying the political and cultural history of the Oirat state and Buddhist monasteries on the territory of modern Kazakhstan.

Key words

Ablai Kit, manuscripts, Oirat state, political and cultural history of Oirat state, Dzungar Khanate, Buddhist monasteries, Kazakh steppe, Tibet-Buddhist world.

ВВЕДЕНИЕ

Развалины монастыря Аблай-кит, известного также под названием Аблай-сумэ, а также находки, сделанные на его территории, привлекали внимание исследователей еще с начала XVIII века (Müller, 1747: 420–468; Gmelin, 1751: 52; Спасский, 1818: 59–73; Риттер, 1860: 127–138). Открытие развалин заброшенного буддийского монастыря ойратов и некоторой части его библиотеки для европейской науки принадлежит экспедиции под руководством гвардии майора Ивана Михайловича Лихарева, которая была послана по распоряжению Петра I в 1719 году в Джунгарию с целью обнаружения там источников золота (Княжецкая, 1989: 10–35). Привезенные экспедицией находки из Аблай-кита вызвали немалый интерес самого российского императора, который распорядился один лист из найденных там рукописей отправить для изучения в Западную Европу.

Считается, что дискуссия, развернувшаяся вокруг перевода текста с этого листа, стала одним из побудительных мотивов к развитию тибетологии в Европе и России (Княжецкая, 1989: 32)¹. Перевод рукописей, выполненный М. И. Воробьевой-Десятовской в 1989 году, позволил определить фрагмент текста как принадлежащий к тантрийскому трактату на тибетском языке «Сутра о следовании великой мантре» (Воробьева-Десятовская, 1989: 36–42), входящем в состав секции «Тантра» канонического собрания сочинений в тибетской редакции². К сожалению, все остальные находки из Аблай-кита, сделанные экспедицией Лихарева, а также другими учеными, исследовавшими Аблай-кит на протяжении XVIII–XIX вв., до наших дней не дошли, если не считать двух сотен рукописных листов, хранящихся ныне в библиотеках Санкт-Петербурга и Парижа.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Темой представляемой статьи является изучение конкретной истории древнего буддийского монастыря Аблай-кит, развалины которой находятся на территории современного Казахстана. Исследование рукописного текста, найденного в развалинах монастыря, проводится на основе методов, принятых в современном комплексном источниковедении. Проанализированный материал позволяет подойти к решению круга взаимосвязанных проблем источниковедческого, исторического и историко-культурного характера. Это, в первую очередь, проблемы выявления специфики буддийских религиозных центров на примере монастыря Аблай-кит; проблемы изучения найденных там рукописных текстов на основе имеющихся историко-культурных исследований.

¹ Там же. с. 24; Риттер 1860: 134–135.

² Тиб. gsangngagschenporjessu 'dzinpa'imdo. Санскритский оригинал этой сутры не сохранился, однако известно ее название на языке оригинала — Mahamantranudharinisutra. Шифр рукописи W22084 в базе данных Tibetan Buddhist Resource Center — www.tbrc.org

ОБСУЖДЕНИЕ

Аблай-кит привлекает интерес не только археологов, но также и историков, занимающихся политической и культурной историей ойратского государства и буддийских монастырей на территории казахской степи (Китинов, 2017; Кукеев, 2014). Но, несмотря на повышенное внимание прошлых и настоящих ученых к исследованию прошлого и настоящего самого крупного и лучше всего сохранившегося на территории современного Казахстана буддийского монастыря Аблай-кит, изучение данного религиозного центра и найденных в его развалинах рукописей текстов, еще требуют систематизации наших знаний и дальнейшего комплексного анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Развалины монастыря Аблай-кита уже с момента освоения этих мест русскими первопроходцами стали источником строительного материала для близлежащих сторожевых постов, деревень и кладбищ. По описаниям многочисленных путешественников и исследователей XVIII-нач. XX вв. можно проследить историю постепенного разграбления руин монастыря. Если в описаниях де-Геннина в 1730-х гг. главный храм Аблай-кита все еще имел стены, покрытые черепицей, а внутри этих стен находились статуи будд и бодхисатв (Де-Геннин, 1937), то через столетие стены храма уже не существовали, а от главного здания оставался один лишь фундамент (Чихачев, 1974: 341).

В советский период Аблай-кит как археологический объект был законсервирован и практически не изучался. Интерес к Аблай-киту, равно как археологические исследования его, возрождаются с новой силой в последние годы. Так, в 2016 году по инициативе акима г. Усть-Каменогорск Д. К. Ахметова в Аблай-ките возобновились археологические раскопки, которые продолжаются до сих пор¹. Археологами найдены ойратские рукописи на бересте, элементы декора, металлические и костяные изделия (Байпаков и др. 2017). Строительство собственного монастырского центра вполне логично встраивается в политику Аблай-тайджи, которая ставила целью усиление его власти в Прииртышье. Такие центры имелись уже у его главных соперников — джунгарских правителей и его брата Очирту-тайджи. Аблай подошел к строительству своего монастыря основательно. Для будущего монастыря-крепости было подобрано удачное с точки зрения и военной стратегии, и буддийской геомантии место. Монастырь был окружен с западной и северной сторон невысокими, но довольно крутыми гранитными скалами, а с юга и востока — каменной стеной высотой от 2 до 6 метров. С самых высоких вершин открывался прекрасный вид на окружающий степной ландшафт. С восточной стороны дополнительной преградой для неприятеля является протекающая речка, а с юга болотистые низины. Внутри монастырской территории на скальной возвышенности имелось небольшое озеро, которое в случае осады служило достаточным источником питьевой воды.

---

¹ Мотивом для начала раскопок Аблай-кита было развитие местных туристических маршрутов. В 2017 году Аблай-кит вошел в республиканскую программу модернизации общественного сознания «Руханижаңғыру» по региональному направлению «Древние сокровища Восточного Казахстана».

Внутри монастырской ограды были построены четыре строения разной величины. Главный храм размерами 45x20 м. стоял на высокой платформе 80x45 м, с южной стороны к которой примыкала высокая лестница. На платформе кроме собственно храма, имевшего два яруса, было построено что-то типа предхрамового павильона. К западу от главного храма располагалась небольшая мастерская, а к северо-востоку — довольно просторное жилье для монахов. Стены храмового комплекса были, вероятно, облицованы черепицей¹.

Количество обработанного камня и черепицы, использовавшейся для строительства, было внушительным. И в наши дни четко видны очертания фундамента главного храма, основания колонн, остатки стен и подвальных помещений, несмотря на многие годы использования камня и плитки монастыря местными жителями. Обработанные камни из развалин использовались местными казаками для сооружения оградок для мазаров, а глазурованные и орнаментированные кирпичи казаки и солдаты из Усть-Каменогорского гарнизона и местные золотопромышленники выбирали для украшения печей в своих домах (Влангали, 1853). Русский географ Петр Чихачев еще в 1842 году сообщал, что объем разобранный и вывезенный местными жителями из развалин монастыря камня и черепицы был «громоздким». Местный коммерсант сообщил ему, что за 12 лет, которые он провел в этих местах, ежегодный вывоз больших партий камней из Аблай-кита не прекращался (Чихачев, 1974: 341).

О значимости монастыря как религиозного центра можно судить по обнаруженной в нем библиотеке. Так, по описанию Миллера и Гмелина, посетивших Усть-Каменогорскую крепость в 1734 году и пославших на обследование Аблай-кита небольшой отряд солдат во главе с урядником, на территории главного храма была найдена разоренная библиотека². Оставшиеся рукописи, по их словам, нельзя было увезти и на 10 лошадях. В итоге отряд смог доставить в Усть-Каменогорск 1500 листов рукописей, а также печатные доски и рисованные изображения. Эти сведения, если они не являются преувеличением, позволяют предположить, что Аблай-кит содержал в себе значительную по тем временам для периферии тибето-буддийского мира библиотеку.

Недавние исследования более 200 рукописных листов из Аблай-кита, сохранившихся в тибетском фонде Института восточных рукописей РАН, существенно дополняют наши знания о библиотеке Аблай-кита и говорят о том, что она могла содержать в себе полное собрание рукописного буддийского канона на тибетском языке вместе с коллекцией комментариев (Helman-Wazny, Zorin, 2015: 61–76)³. Проведенный анализ бумаги и чернил не оставляет сомнений, что рукописи были изготовлены в Тибете (Helman-Wazny, Zorin, 2015: 69–71). Очевидно, что они были приобретены или получены в качестве пожертвования из Лхасы. Это могло произойти как при участии Зая-пандиты, хотя в его биографии указаний на это не обнаружено, так и в более позднее время. Однако сам факт обладания комплектом буддийских канонических произведений в парадном исполнении не может не указывать на значение Аблай-кита как одного из важнейшего буддийского центра Прииртышья XVII века.

¹ Подробное описание остатков Аблай-кита дано в Байпаков и др. 2017: 634–665.

² Миллер утверждал, что местные жители использовали рукописи из Аблай-кита в хозяйственных целях, например, для обертывания товаров [Там же: 65].

³ Хельман-Важны и Зорин приходят к выводу, что рукописи из Аблай-кита скорее всего представляют собой неизвестное буддологам издание буддийского канона в тибетском переводе.

Еще один важный пласт находок на территории Аблай-кита — многочисленные рукописи на бересте — также могут помочь оценить значимость этого монастыря. Береста была распространенным материалом у монголов рассматриваемого периода в связи с ее доступностью и дороговизной бумаги. Рукописи, найденные в последние годы археологами на территории Аблай-кита (Байпаков и др. 2017: 649–650)¹, сохранились в виде небольших сильно поврежденных фрагментов. В своем большинстве они содержат тексты мантр на тибетском письме, в основном относящихся к культуре *ригсум-гомпо*, или «буддийских бодхисаттв-защитников трех семей»². Имеются и фрагменты из буддийских сочинений на ойратском письме, которые недавно были идентифицированы как Сутра сердца Праджняпарамиты (Ямпольская, 2019). Эти находки, ныне хранящиеся в Усть-Каменогорском историко-краеведческом музее, могут указывать на то, что в Аблай-ките имела религиозная школа, в которой монахов обучали грамоте на тибетском и ойратском письме. Так или иначе, очевидно, что монастырь под патронажем Аблай-тайджи представлял собой важный центр буддизма Прииртышья.

Раднабхадра сообщает нам, что Аблай пригласил Зая-пандиту провести обряд освящения зимой 1657 года (Раднабхадра, 1999: 75). Это означает, что строительство Аблай-кита было в целом закончено за три года. На ритуале освящения сумэ присутствовало, по данным источника, тысяча монахов (Раднабхадра, 1999: 75). Эта цифра, скорее всего, является типичным для буддийских произведений преувеличением, но дает основания предполагать, что освящение сумэ Аблая стало настоящим событием для буддийского Прииртышья. Вместе с Зая-пандитой церемонию освящения вели монахи по имени Даян-цорджи и Серток-цорджи (Раднабхадра, 1999: 75). Титул цорджи (тиб. *chosrje*) в тот период носили монахи, выполнявшие обязанности монастырского управляющего (Позднеев, 1887: 156). Можно предположить, что оба или кто-то один из этих людей был назначен на эту должность в новом сумэ.

Автор «Лунного света» использует исключительно слово *сумэ*, говоря о монастыре, построенном Аблаем (Раднабхадра, 1999: 74, 75, 78, 79). Им не используется термин *кит* (хийд), который со временем закрепился за монастырем. В этом расхождении, возможно, имеется некоторый смысл. Под термином *сумэ* в монгольском буддизме было принято понимать монастырь, в котором монахи могли и не жить на постоянной основе, но приезжать туда в определенное время для проведения календарных ритуалов или служб (Раднабхадра, 1999: 1). Термин *хийд* означал отшельнический скит, в котором постоянно проживало небольшое количество монахов, занимавшихся буддийской практикой в уединении (Раднабхадра, 1999: 1). И хотя в использовании этих терминов отсутствовала строгость, и они могли взаимозаменяться, тем не менее, можно предположить, что монастырь Аблая созданный изначально как место для проведения регулярных ритуалов кочующего монастыря Зая-пандиты, со временем мог превратиться в пустынный скит для небольшой группы монахов.

¹ Берестяные рукописи находил в Аблай-ките еще посланный Палласом его студент Соколов. Они были переданы в Императорскую публичную библиотеку [Спасский 1887: 64; Риттер 1860: 134].

² Тиб. *Rigs gsummgonpo*. Культ трех небесных бодхисаттв-защитников буддийского учения — Авалокитешвары, Манджушри и Ваджрапани, распространенный в тибето-монгольском буддизме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Немалые ресурсы, вложенные Аблай-тайджи в строительство монастыря, значительное собрание книг и роскошное внутреннее убранство говорят о том, что Аблай-кит какое-то время был значительным буддийским центром Прииртышья. Мы не знаем ничего конкретного об истории Аблай-кита, после того, как он был сначала захвачен Очирту-тайджи, а потом возвращен обратно Аблаю. Вероятно, что после откочевки Аблая на Яик, а затем его пленения, монастырь мог перейти под патронаж Очирту-Сэцэн-хана. Источники умалчивают также, что произошло с Аблай-китом после гибели Очирту-Сэцэн-хана и бегства хошутов на Волгу и в Кукунор. Очевидно, что все прежние хошутские владения в 1676 г. перешли под контроль Галдан-Бошокту-хана¹. Монастырь какое-то время мог использоваться монахами как место для медитаций, что и отразилось на его историческом названии. Русские солдаты, исследовавшие монастырь в 30-е гг. XVIII в., то есть спустя чуть более пяти десятков лет после упадка дома хошутов в Прииртышье, нашли его в лишь в полуразрушенном состоянии. При этом библиотека монастыря, а также элементы внутреннего убранства, находились еще в удовлетворительном состоянии.

Аблай-кит являлся крупным духовным, культурным центром феодального образования ойратов, в котором велась пропаганда буддийского учения, культурных традиций тибето-монгольского мира. Монастырь играл все возрастающую роль в экономике, общественной жизни, политике, хозяйственной жизни той местности, где он располагался, неся свое влияние как культурно-просветительский центр далеко за его пределами. В окончательный упадок Аблай-кит пришел в течение XVIII–XIX вв. в результате его систематического разграбления местным населением. Скорее всего, Аблай-кит приходил в запустение постепенно, в результате происходившего в начале XVIII в. процесса смещения центра Джунгарского ханства в район Семиречья и Восточного Туркестана.

Литература

Байпаков, К. М., Воякин Д. А., Ерофеева И. В., Казизов Е. С. (2017). Аблайкит: второй год комплексных исследований // *Мир большого Алтая*. 3(4). С. 634–665.

Бородаев, В. Б., Контев А. В. (1999). Результаты обследования ламаистских монастырей на Верхнем Иртыше геодезистом Василием Шишковым в 1737 году // *Россия, Сибирь и Центральная Азия (взаимодействие народов и культур)*. Материалы II Региональной конференции 26 октября 1999 г. Барнаул. С. 116–132.

Влангали, А. (1853). *Геогностические поездки в восточную часть киргизской степи в 1849–1851 годах*. Ч. I. Санкт-Петербург.

¹ Неизвестно, переживал ли Аблай-кит еще одну или даже несколько осад. На эту мысль наводит свидетельство, записанное геодезистом В. Шишковым, который отмечал, что верхний этаж главного храма был затронут пожаром [Бородаев, Контев, 1999: 126]. Впрочем, пожар мог произойти и не в результате штурма.

Воробьева-Десятовская, М. И. (1989). Лист тибетской рукописи из Аблай-кита // *Страны и народы Востока*. Вып. XXVI. Средняя и Центральная Азия (География, этнография, история). Книга 3. М.: Главная редакция восточной литературы. С. 36–42.

Де-Геннин, В. (1937) *Описание Уральских и Сибирских заводов*. М.

Китинов, Б. У. (2017) «Ойраты-Огеледы... пересекли реку Манкан»: этно-религиозная ситуация у ойратов в середине XV–начале XVI вв. // *Вестник РУДН*. Серия Всеобщая история. Вып. 9. № 4. С. 370–382.

Княжецкая, Е. А. (1989). Новые сведения об экспедиции И. М. Лихарева (1719-1720) // *Страны и народы Востока*. Вып. XXVI. Средняя и Центральная Азия. Книга 3. М.: Главная редакция восточной литературы. С. 10–35.

Кукеев, Д. Г. (2014). Об оседлых поселениях на территории Евразии // *Mongolica-XII*. Сборник научных статей по монголоведению. Посвящается 130-летию со дня рождения Б.Я. Владимирцова (1884–1931). СПб.: Петербургское востоковедение. С. 26–36.

Позднеев, А. М. (1887) *Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии*. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук

Раднабхадра (1999). *Лунный свет. История рабджам Зая-пандиты* / Факсимиле рукописи, пер. с ойрат. Г. Н. Румянцева и А. Г. Сазыкина. СПб.: Петербургское востоковедение.

Риттер, К. (1860). *Землеведение Азии. География стран, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею*. Том III. Санкт-Петербург.

Спасский, Г. (1818). Развалины Аблайкида // *Сибирский вестник*. Часть третья. Санкт-Петербург.

Чихачев, П. (1974). *Путешествие в Восточный Алтай*. М.: Главная редакция восточной литературы.

Ямпольская, Н. В. (2019). О необходимости изучения берестяных рукописей из Аблай-кита // *Алтай — золотая колыбель тюркского мира*. Сб. науч. статей под ред. Д. Ахметова. Усть-Каменогорск.

Gmelin J. F. (1751–1752). *Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743*. Göttingen, Verlegts Abram Vandenhoecks seel., Wittwe.

Helman-Wazny, A., Zorin A. (2015). The First Tibetan Leaves Acquired by the St. Petersburg Academy of Sciences: Conservation Issues, Contents and Paper Analysis. *Written Monuments of the Orient*, 2. Moscow: Vostochnaya literatura, 61–76.

Müller G. F. (1747). De Scriptis Tanguticis in Siberia repertis commentatio. *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. 10. Ad annum 1738, 420–468.

Pallas, P. S. (1776). *Sammlungen historischer Nachrichten uber die mongolischen Volkerschaften*. 1. St.Petersburg.

References

Baipakov, K. M., Voyakin, D. A., Erofeeva, I. V., Kazizov, E. S. (2017). Ablait: the second year of complex research. *World of the Greater Altai*. 3 (4). 634–665.

Borodaev, V. B., Kontev, A. V. (1999). Results of research of Lamaist monasteries on the Upper Irtysh by geodesist Vasily Shishkov in 1737. *Russia, Siberia and Central Asia (interaction of peoples and culture)*. Proceedings of the II Regional Conference, October 26, 1999. Barnaul. 116–132.

Vlangali, A. (1853). *Geognostic trips to the eastern part of the Kyrgyz steppe in 1849–1851*. Ch. I. St. Petersburg.

Vorobieva-Desyatovskaya, M. I. (1989). Sheet of Tibetan manuscripts from Ablai-kit. *Countries and peoples of the East*. Issue XXVI. Central Asia (Geography, Ethnography, History). Book 3. M.: Main edition of oriental literature. 36–42.

De-Gennin, W. (1937). *Description of Ural and Siberian factories*. M.

Kitinov, B. U. (2017). «Oiraty-Ogeledy ... crossed the river Mankan»: ethno-religious situation among the Oirats in the middle of the XV–early XVI centuries. *Bulletin of RUDN*. Series Universal history. Issue. 9. No. 4. 370–382.

Knyazhetskaya, E.A. (1989). New information about the expedition I. M. Likhareva (1719–1720). *Countries and peoples of the East*. Issue XXVI. Central Asia. Book 3. M.: Main edition of oriental literature. 10–35.

Kukeyev, D.G. (2014). About sedentary settlements on the territory of Eurasia. *Mongolica-XII*. Collection of scientific articles on Mongolian studies. Dedicated to the 130th anniversary of the birth of B.Ya. Vladimirtsov (1884–1931). St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies. 26–36.

Pozdneevev, A.M. (1887). *Essays on the existence of Buddhist monasteries and Buddhist clergy in Mongolia*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Printing House.

Radnabhadra (1999). *Moonlight. History of rabjam Zaya-pandit* / Facsimile manuscripts, transl. from Oyrat. G. N. Romyantsev and A. G. Sazykin. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies.

Ritter, K. (1860). *Asian Studies. Geography of the country, located in the immediate relations with Russia*. Volume III. St. Petersburg.

Spassky, G. (1818). Ruins of Ablaiqid. *Siberian Bulletin*. Part three. St. Petersburg.

Chikhachev, P. (1974). *Journey to the Eastern Altai*. M.: Main edition of Eastern literature.

Yampolskaya, N. V. (2019). On the need to study the manuscripts of Ablai-Kit. *Altai as the golden cradle of the Turkic world*. Sat. science. articles under ed. D. Akhmetov. Ust-Kamenogorsk.

Gmelin J. F. (1751–1752). *Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743*. Göttingen, Verlegts Abram Vandenhoecks seel., Wittwe.

Helman-Wazny, A., Zorin A. (2015). The First Tibetan Leaves Acquired by the St. Petersburg Academy of Sciences: Conservation Issues, Contents and Paper Analysis. *Written Monuments of the Orient*, 2. Moscow: Vostochnaya literatura, 61–76.

Müller G. F. (1747). De Scriptis Tanguticis in Siberia repertis commentatio. *Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. 10. Ad annum 1738, 420–468.

Pallas, P. S. (1776). *Summlungen historischer Nachrichten uber die mongolischen Volkerschaften*. 1. St. Petersburg.

УДК 94(4) + 949(438) + 470.47

К ВОПРОСУ О ПОПЫТКЕ ПОЛЬСКОГО КОРОЛЯ ЯНА III СОБЕСКОГО УСТАНОВИТЬ ПОЛЬСКО-КАЛМЫЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1683–1686 гг.

Владимир Толтаевич Тепкеев

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Российская Федерация

E-mail: tv75@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена одной из малоизвестных страниц в отечественной истории — международным отношениям Калмыцкого ханства в XVII–XVIII вв. Цель статьи — введение в научный оборот новых архивных сведений о международной политике Калмыцкого ханства в период правления хана Аюки (1672–1724 гг.). Источниковой базой послужили материалы «Донских дел» Российского государственного архива древних актов, где отложились сведения донских казаков о попытках установления польско-калмыцких отношений в 1683–1686 гг. Неоднократно предпринимаемые усилия польского короля Яна Собеского по привлечению калмыцкого войска Аюки-хана в войнах Речи Посполитой против турок и крымцев в конечном итоге не увенчались успехом, в большей части из-за приоритетности русско-калмыцких отношений в международных делах Калмыцкого ханства. Тем не менее, несмотря на заявленные протесты Москвы Польше, а также увещевания русской администрации в адрес калмыцкой стороны, отдельные отряды калмыков и донских казаков все же принимали участие на стороне Польши и ее союзников в военных баталиях того времени.

Ключевые слова

Калмыки, Калмыцкое ханство, хан Аюка, Ян III Собеский, польско-калмыцкие отношения, русско-польские отношения.

UDC 94(4) + 949(438) + 470.47

ON THE QUESTION OF THE ATTEMPT OF THE POLISH KING JAN III SOBIESKI TO ESTABLISH POLISH-KALMYK RELATIONS IN 1683–1686

Vladimir Toltaevich Tepkeev

Doctor of Historical Sciences, Leading Research Fellow
Kalmyk Scientific Center RAS, Elista, Russian Federation
E-mail: tv75@mail.ru

Annotation

The article is devoted to one of the little-known pages in Russian history, namely international relations of the Kalmyk Khanate in the 17th–18th centuries. The purpose of the article is to introduce into scientific circulation new archival information about the international policy of the Kalmyk Khanate during the reign of Khan Ayuki (1672–1724). The source base was the materials of the «Don Affairs» fund of the Russian State Archive of Ancient Acts, where the information of the Don Cossacks about attempts to establish Polish-Kalmyk relations in 1683–1686 was deposited. The repeated efforts of the Polish king Jan Sobieski to attract the Kalmyk army of Ayuki Khan in the wars of the Polish-Lithuanian Commonwealth against the Turks and Crimeans ultimately failed, in large part due to the priority of Russian-Kalmyk relations in the international affairs of the Kalmyk Khanate. Nevertheless, despite Moscow's declared protests to Poland, as well as the admonitions of the Russian administration against the Kalmyk side, separate detachments of Kalmyks and Don Cossacks still took part on the side of Poland and its allies in the military battles of that time.

Key words

Kalmyks, Kalmyk Khanate, Khan Ayuka, Jan III Sobieski, Polish-Kalmyk relations, Russian-Polish relations.

ВВЕДЕНИЕ

История международных отношений Калмыцкого ханства в XVII–XVIII вв. имела очень широкий геополитический спектр — от Китая и Тибета до Османской империи. Об этом свидетельствуют многочисленные источники на различных языках, в первую очередь русские архивные материалы. Одна из основных задач современных историков заключается во введении в научный оборот новых сведений о политической истории Калмыцкого ханства, особенно тех направлений внешней политики волжских калмыков, которые на сегодняшний день малоизвестны широкому кругу отечественных и зарубежных исследователей. К ним можно отнести и взаимоотношения калмыцкого хана Аюки с Речью Посполитой, в частности, в военном сотрудничестве, так и не получившие достаточного развития в силу ряда объективных и субъективных причин. Как показывают источники, Московское правительство опасалось, что Польша усилит военный потенциал за счет привлечения на свою сторону казаков и калмыков, и это стало основным сдерживающим фактором в развитии калмыцко-польских отношений в период правления хана Аюки.

Цель настоящей статьи — введение в научный оборот новых архивных сведений о международной политике Калмыцкого ханства в период правления хана Аюки (1672–1724 гг.). Предметом исследования стали попытки установления калмыцко-польских связей в 1683–1686 гг., инициированные в основном польским королем Яном Собеским, заинтересованным в участии боеспособной калмыцкой армии в военных кампаниях Польши с османцами и крымцами. Для реализации поставленной цели в статье решались задачи изучения становления калмыцко-польских отношений в период правления Аюки-хана, рассмотрения влияния России на международную политику калмыцкого ханства.

Безусловно, тема калмыцко-польских отношений в указанный период требует дальнейшего тщательного и глубокого исследования, привлечения новых архивных данных, в том числе польского происхождения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Источниковой базой настоящей статьи послужили материалы «Донских дел» Российского государственного архива древних актов, где отложились сведения донских казаков о попытке установления польско-калмыцких отношений в 1683–1686 гг. Достоверность представленных архивных сведений проверялась путем выявления их происхождения, сравнения и сопоставления с другими источниками, содержащими похожую информацию. Их комплексный анализ предоставляет исследователю возможность объективной оценки складывающихся польско-калмыцких отношений в период правления Аюки-хана.

ОБСУЖДЕНИЕ

Одним из первых, кто в своих работах обратился к теме польско-калмыцких отношений в XVII веке, был исследователь Освальд Махатка, утверждавший, что «казаки и калмыки сыграли существенную роль в защите Польши от нашествия

татар» (Махатка, 1958: 44). Однако, как показывают источники того времени, данный автор сильно переоценил вклад калмыков в эту военную кампанию, поскольку польский король Ян Собеский так и не добился привлечения большого количества калмыков на свою сторону.

К.А. Кочегаров в своих исследованиях отмечал безуспешность усилий польского правителя Яна Собеского по привлечению к участию в операциях польско-литовской армии калмыков и донских казаков. По его данным, в 1684 г. на службу к польскому королю пошли очень незначительные отряды; в 1685 г. донские казаки предпочли действовать самостоятельно, а до Аюки королевские предложения по вступлению калмыков в военные сражения на стороне Польши и вовсе не дошли. По мнению исследователя, Московское правительство было весьма недовольно попытками Яна Собеского вести сепаратные сношения с донцами и калмыками, считавшимися царскими подданными (Кочегаров, 2008: 204).

РЕЗУЛЬТАТЫ

В 1681 г. Османская империя, вскоре после заключения с Московским государством Бахчисарайского перемирия, вступила в войну с Австрией. Летом 1683 г. 100-тысячной турецкой армии во главе с великим визирем Кепрюлю Кара Мустафа-пашой с боями удалось дойти до Вены и взять ее в осаду. Успешные военные действия турок продолжались до тех пор, пока польский король Ян III Собеский, заключивший в то время военный союз с Австрией, не пришел на помощь защитникам осажденной австрийской столицы. 12 сентября объединенные силы союзников одержали блестящую победу над османской армией. Весной 1684 г. представители Австрии, Польши, Венеции и римского папы, здраво оценив благоприятно сложившуюся военно-политическую ситуацию, создали антиосманскую коалицию — «Священную лигу». Ее членами собирались стать и другие христианские государства; приглашение вступить в создаваемый военно-политический альянс получало и Московское государство, которому союзники предполагали отвести главную роль по нейтрализации Крымского ханства — «правой руки» турецкого султана.

Однако Москва не спешила стать полноценным участником антиосманской коалиции, опасаясь усиления военно-политического потенциала Польши, с которой у нее в течение XVII столетия было несколько кровопролитных войн. Одним из условий Москвы в вопросе участия русского государства в антиосманской коалиции являлось заключение «вечного мира» с Польшей, могущего, на взгляд большинства представителей московского правящего круга, отодвинуть хотя бы на время перспективу возобновления новых военных действий с Речей Посполитой. Московское правительство без заключения полноценного мирного договора с Польшей не было намерено ввязываться в военные действия с турками и татарами. Польские и австрийские дипломаты, добиваясь желаемого вступления Москвы в антиосманскую коалицию и ведя с ее представителями непрерывные переговоры, одновременно пытались напрямую обращаться за военной помощью к запорожским и донским казакам, а также калмыкам. Их силы антиосманская коалиция предполагала использовать не только на крымском направлении, но и на других участках военных действий. Однако сами казаки, боясь гнева Москвы, не решались самовольно

выступить на стороне образовавшейся антиосманской коалиции. Московское правительство всячески препятствовало агитации и найму своих подданных польской стороной из-за опасения возможного нарушения мира с Турцией. Польские дипломаты, несмотря на протесты московского правительства, продолжали прилагать усилия по привлечению на свою сторону в войне с турками, в частности, казаков. В свое оправдание они ссылались на отдельные статьи Андрусовского договора, в которых говорилось о совместном управлении обоих государей украинскими казаками в целях общей защиты от «бусурман». Королевские представители прямо выказывали недовольство тем, что московское правительство, само используя казачество в борьбе против турок и татар, запрещает казакам воевать под польскими знаменами (Махатка, 1958: 35–37). Видимо, в основном по причине неоднократных протестов Москвы польской стороне, просьб и прямых угроз казачьим атаманам в 1683 г. по существу сорвалась вербовка запорожских казаков в ряды польских войск, и они не участвовали в венском походе (Махатка, 1958: 37–38).

Надо сказать, что аналогичные попытки привлечения казаков и калмыков к участию в военных кампаниях против своих врагов делались и турецкой стороной. В русских документах неоднократно встречаются свидетельства о попытке османов склонить казаков и калмыков к участию в войне с поляками и их союзниками. На то были веские причины. Просьба турецкого султана о военной помощи была вызвана серьезными потерями турок и крымцев в людской силе в сражении под Веной. Османским правителем Азовскому бию Сеину в случае выступления казаков на турецкой стороне и успешного исхода военного дела был обещан титул «кефинского паши». Турецкий султан также прислал Сеину указ, чтобы тот «приговорил калмыцких тайшей со всеми их улусными людьми в службу и прислал бы их к нему, салтану, на помощь, где ево ратные люди бьютца с цесарем римским и польским королем». Этот указ стал известен Москве в декабре 1683 г., когда донские казаки привезли в Москву пленного азовского турка Мевлета. Сеин, исполняя приказ-просьбу османского правителя, отправил к калмыцким тайшам посланцев с предложением, чтобы те через Азов отправили своих представителей для переговоров к турецкому султану (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1683 г. Д. 40. Л. 17–18).

Со своей стороны не оставлял попыток привлечь калмыков на свою сторону и польский король Ян Собеский. Об этом свидетельствуют многочисленные документы того времени. В конце мая 1684 г. Собеским в Запорожскую Сечь были отправлены послы — ротмистры и королевские дворяне Станислав Порадовский и Станислав Монкольский. Они должны были призвать к участию в Священной войне против турок и татар не только запорожцев, но и сделать аналогичные предложения донским казакам и калмыцким тайшам. Посольство везло 1000 червонных золотых для запорожцев и столько же для калмыков. Посланников к донцам и калмыкам должны были отправить сами запорожцы, а те — прислать своих представителей в Сечь и там заключить договоры с королевскими послами (Кочегаров, 2008: 200).

В июле 1684 г. в Посольском приказе станичный атаман Владимир Дмитриев сообщал, что на Дон приезжали запорожцы от кошевого атамана Григория Сайгадашного с письмами от польского короля, адресованными к казакам и калмыкам (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1684 г. Д. 26. Л. 6–10). Из Приказа Казанского дворца срочно были посланы грамоты в Самару, Саратов, Царицын и Черный Яр с приказом

перехватить посланников, но тем удалось благополучно, в обход застав, проехать за Яик и прибыть в ставку калмыцкого тайши Аюки в верховьях реки Илек. Посланцы вручили Аюке три письма от Яна Собеского, два из которых были написаны по-польски, а одно — «белорусским письмом». Но никто из калмыков не смог их прочитать, а два письма Аюка даже не вскрывал. Находившийся среди посланцев запорожский казак Тимофей Иванов только устно передал калмыцкому владыке приглашение польского короля поучаствовать в войне против турок и татар. Аюка в ответ заявил, что без царского указа не смеет послать войска в Польшу, тем более, как пояснял калмыцкий правитель, он с польским королем ранее не имел никаких отношений. Тайша вместе с выехавшими обратно запорожцами отправил рядового калмыка Аюши Мамаева с ответными письмами к Яну Собескому, в которых просил прислать к нему для заключения договора надежного человека, так как приехавшие запорожцы не внушили ему доверия. Это, безусловно, был хитроумный ход калмыцкого правителя. Таким образом, он вроде не отказывал польским дипломатам, но в то же время сумел оттянуть время. Аюка ждал того, что ответят на предложения поляков казацкие атаманы. Являясь продуманным и дальновидным политиком, рассчитывал отправить калмыцкое войско в поход на Крым в помощь польскому королю только в случае, если донские казаки также присоединятся к этому военному мероприятию (Кочегаров, 2008: 200–201).

Астраханский воевода Андрей Иванович Голицын, получив еще 5 августа из Царицына информацию о поездке казаков в калмыцкие улусы, срочно отправил к Аюке Василия Блинова с требованием, чтобы тайша неукоснительно придерживался данной им шерты о близких союзнических отношениях с Москвой, выдал посланцев и не смел отправлять своих ратных людей на помощь польскому королю. Аюка заверил Блинова, что без царского указа никакой помощи полякам оказывать не будет и в качестве подтверждения верности союзническим обязательствам Москве отдал воеводскому посланнику одно из польских писем. Два других письма Аюка позже отослал со своим посланцем Унитеем-бакши в Астрахань, где попросил организовать перевод писем и сообщить ему содержащуюся в них информацию. Письма Яна Собеского были переведены в астраханской приказной палате на калмыцкий язык, однако Унитею были даны лишь выписки из тех писем, «что пристойно, не все против подлиннику». Сами же письма были отосланы в Москву (Кочегаров, 2008: 200–201). Кроме того, Унитей-бакши информировал Астрахань, что Аюка сразу же сообщил в соответствующие царские инстанции в Царицыно о приезде к нему казацких посланцев. В августе посланцы, выехавшие из калмыцких улусов, по дороге к Дону были перехвачены отправленными комендантом Борисом Головиным царицынскими служилыми людьми. В числе задержанных оказались три донских казака во главе с М. Волошениновым, запорожец Тимофей Иванов и пятеро калмыков. Имевшиеся при них письма Аюки к польскому королю были отправлены в Москву, а сами посланники со временем отпущены по домам (Кочегаров, 2008: 201).

Королевские письма из Астрахани были срочно доставлены в Посольский приказ, где подверглись тщательному изучению. Эксперты пришли к выводу, что письма подлинные. Их было велено сохранить как вещественные доказательства нарушения Яном Собеским русско-польских договоров и соглашений. 25 октября королевские грамоты были заслушаны на заседании Боярской думы, на котором

было принято решение отправить к королю гонца с претензиями, в частности, касательно приглашения царских подданных — казаков и калмыков — на службу польскому королю (а калмыков — даже на «вечное кочевье»), а также с обвинениями польского короля в умалении царской чести (Кочегаров, 2008: 201–202).

Для нас представляет особый интерес письмо, направленное калмыкам, причем оно не было конкретно адресовано Аюке как калмыцкому предводителю, а в целом адресовалось всем тайшам. В послании после перечисления всех регалий польского короля отмечалось: «Ведомо нам добре, коль великую Славу Ваш Народ имеет. И мужества и явного дела, которого Крым и иные татарские страны многократно боятца...». Далее приводились военные успехи поляков над турками под Веной, упоминалось взятие Эстергома, говорилось о большом ущербе, причиненном буджакским татарам. Собеский извещал тайшей о своем намерении в следующую весну выступить против врага в коалиции с московскими царями и персидским шахом. От него калмыцким тайшам поступило предложение всеми своими улусами прибыть на территорию Речи Посполитой и поступить на службу королю. Королевич предлагал не затягивать с кочевьем и уже следующей весной прийти с войском в Запорожье, и уже оттуда дать полякам знать о своем приходе. Польская сторона в письме подробно изложила предлагаемые ею условия проживания и довольствия калмыков на новом месте: «Улусом и кочевьем, з женами и з детьми, придете, то вам поля между Днепром и Бугом реками к угождению вашему назначим. А буде токмо сами собой, с войском и оружием к нам приедете, то сукнами и материями по обыкновению нашему тое охоту вашу жалованьем воздадим». Письмо было написано в Кракове 16 января 1684 г., оно было, правда, без королевской подписи, но с королевской печатью. Конечный адресат был обозначен таким образом: «Много владеющим тайшам, и мужественным орд калмыцких вождам, которые при улусах или войсках, в полях кочующих обретаютца отдать» (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1684 г. Д. 26. Л. 17–24).

Вышеизложенный документ свидетельствует о серьезном намерении польского короля привлечь на свою сторону не только военные силы калмыков в борьбе с Турцией, но и поселить часть калмыцких улусов в степной зоне междуречья Буга и Днепра, тем самым поляки хотели создать из новой калмыцкой территории своего рода защитный буфер от возможной военной агрессии Крымского ханства. Понятно, что царское правительство очень ревностно реагировало на попытки установления союзнических отношений поляков с калмыками и всячески пыталось помешать установлению близких контактов между ними, в первую очередь с помощью донских казаков.

Москва в конце октября 1684 г. направила Польше официальный протест по поводу нарушения польской стороной достигнутых ранее договоренностей в части, касающейся жизнедеятельности подданных Российского государства. В ответной грамоте от 11 января 1685 г. Ян Собеский отрицал факт официального приглашения на службу донских казаков и калмыков, последних еще на «вечное кочевание» между Днепром и Бугом. По словам короля, польская сторона имела намерение пригласить только тех калмыков и донцов, которые небольшими ватагами свободно кочуют в поисках службы, объединяясь то с запорожцами, то с татарами. Одновременно

польский король просил русское правительство разрешить ему беспрепятственно нанимать царских подданных, желающих поучаствовать в святой войне, подобно крестоносцам эпохи Крестовых походов (Кочегаров, 2008: 202).

В сентябре 1684 г. в Посольском приказе стало известно о приходе нескольких тысяч донских казаков и калмыков на службу польскому королю. Здесь, скорее всего, речь идет именно о донских калмыках, о чем имеются подтверждения в более поздних документах. Под Будую, столицей Венгрии, их (донских казаков и калмыков. — *В.Т.*) отряды неприятелю «много убытков учинили» и взяли ясырь. Затем они разбили отряд Самойленко, который перешел от правобережного гетмана А. Могилы на сторону турков и брал в осаду Немиров (Дополнения, 1869: 100, 106–107). Как сообщали в Москву курский воевода А.С. Шеин и левобережный гетман И. Самойлович, в ноябре отряд из 200 калмыков и 70 донцов, а также запорожцев, побывав на службе у польского короля, возвратился в Сечь. На строгий указ из Москвы о запрете подобных самовольных действий, руководство Войска Донского заверило, что впредь их казаки к Яну Собескому на помощь без царского указа не пойдут (Кочегаров, 2008: 202–203).

Польское королевство, видя в донских казаках и калмыках реальную военную силу, не переставало обращаться к ним за помощью. Московское правительство в одной из последующих своих грамот в очередной раз обратилось к Яну Собескому с требованием прекратить переманивать российских подданных на свою сторону. В ответной грамоте король вновь отверг все высказанные ему претензии, но опять-таки признал, что нанимал только «бродячих» казаков и калмыков, которые «войною и различною службою хлеб ищут». Король оценивал наем российских подданных как благодарность за то, что калмыки с донскими казаками «государства наши и иные христианские от бусурман заступили». Собеский призывал московское правительство вступить в антиосманскую коалицию и разрешить «на столь святую войну» нанимать еще больше российских подданных (Махатка, 1958: 41).

Военные действия немногочисленных отрядов донских казаков и калмыков в степях Северного Причерноморья в целом положительно сказывались на основном театре военных кампаний того времени. Так, осенью 1684 г. крымские татары вынуждены были отказаться от помощи туркам вследствие нападения казаков и калмыков на Крым (Дополнения, 1869: 102). В другой раз крымский хан отказал в поддержке турецкому султану, опасаясь, что казаки и калмыки в его отсутствие разорят татарские земли (Махатка, 1958: 42).

Польский король в своем очередном письме, составленном 20 марта 1685 г. в Варшаве и направленном калмыцкому хану Аюке, рассчитывал в новой военной кампании на участие более многочисленных калмыцких отрядов и призывал калмыков уже «с первой травой» соединиться с казаками правобережного украинского гетмана Андрея Могилы, чтобы выступить против общего врага — Крымского ханства. В конце письма Ян Собеский заверял тайшей: «А мы вас обнадеживаем, что сколько можем вам показать наших милостей и добродетелей и королевских призреней, то все охотно учиним, и что ни есть от нас желати будете, все удобно одержите» (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1685 г. Д. 9. Л. 4–7; Дополнения, 1872: 288–289).

В начале июня 1685 г. левобережный украинский гетман Иван Самойлович сообщил в Москву, что гонцы А. Могилы отправились с королевскими письмами к донским казакам и на Яик, в калмыцкие улусы. Принятые властями меры по

перехвату указанных гонцов не дали результатов, и те беспрепятственно проехали на Дон с грамотами от Яна Собеского. Однако Войско Донское под давлением Москвы официально отказалось от предложения польского короля, отослав грамоты в столицу, в т.ч. адресованные калмыцким тайшам. Можно согласиться в целом с К. Кочегаровым, отмечавшим, что усилия Яна Собеского по привлечению к участию в операциях польско-литовской армии донских казаков и калмыков «не увенчались сколько-нибудь значительным успехом» (Кочегаров, 2008: 202–204).

Тем не менее, в различных донесениях из мест в центр все еще встречаются сведения об участии калмыков на стороне поляков в кампании 1685 г., в частности, неизвестного калмыцкого отряда. Разъяснения по этому поводу дал станичный атаман Яков Данилов в ходе расспроса его в Москве. По его словам, в марте отряд из 100 донских калмыков и 10 казаков с Дона пошли в самовольный поход «для добычи и зипуна» в Запорожье, где к ним присоединились местные казаки. Донских калмыков возглавил некий есаул Бок Калмык. Объединенный отряд направился в Волошскую землю против турок и крымцев. Польский король, проведав о появлении отряда на вышеназванной территории «призвал их к себе войско». В конце 1685 г. король отпустил от себя калмыков, дав за службу по 3 злотых на человека, и отправил с ними «призывные грамоты» к донским казакам и калмыкам (Дополнения, 1872: 289–290, 302). Боевые качества калмыков были по достоинству отмечены и польскими церковными представителями, близкими к папскому кругу. Так, епископ Каменецкий в письме к польскому резиденту при папском дворе Матесилани, описывая происходившие военные баталии, отмечал и калмыков, доблестно сражавшихся на стороне короля. Епископ выражал надежду, что калмыки и в будущем, минуя запреты Москвы, будут воевать под польскими знаменами, так как «король у них в большом почете» (Махатка, 1958: 41).

Венская дипломатия все время продолжала оказывать давление на московское правительство, добиваясь, чтобы временные набеги казаков и калмыков на крымском направлении обрели характер постоянной и регулярной войны. С этой целью австрийские послы просили ближних бояр отправить государственные грамоты казакам и калмыкам с приказом выступить против крымских татар. Однако эти предложения не совпадали с планами Москвы, выступавшей за заключение «вечного мира» с Польшей (Махатка, 1958: 42–43).

Сами же донские казаки, хорошо осведомленные о настроениях среди калмыков, пытались успокоить московские власти и уверяли, что будто бы калмыцкие тайши без ведома государей к польскому королю не пойдут (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1684 г. Д. 25. Л. 37; Тепкеев, 2008: 91). Подобная уверенность казаков была основана большей частью еще и на том, что Аюка в это время все свое внимание переключил не на западное направление, а на Среднюю Азию и Северный Кавказ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя промежуточные итоги по исследуемой проблематике, попробуем сделать некоторые выводы. Для калмыцкого правителя Аюки в рассматриваемый нами период отношения с Москвой были приоритетными во внешней политике, вследствие чего он даже не мог помышлять о выступлении большими людскими

силами на стороне поляков и их союзников, тем более решиться на «вечное кочевье» своих подданных на предлагаемые Яном Собеским земли «между Днепром и Бугом». Имеющиеся у нас источники свидетельствуют, что в военных кампаниях на стороне антиосманской коалиции участвовали только небольшие отряды донских калмыков и казаков, действовавших самостоятельно и желавших получить жалованье за военные услуги от польского короля. В этой связи нельзя согласиться с мнением исследователя О. Махатки, считавшего, что в «антитурецкую борьбу включились все слои калмыцкого населения» (Махатка, 1958: 44).

Московское правительство, стремясь заключить «Вечный мир» с Речью Посполитой, хотело обезопасить свое государство от нападения Польши, с которой у России ранее случались военные конфликты. Москва была категорически против привлечения российских подданных к участию в военных конфликтах польского государства. Правительство понимало, что участие Аюки с его боеспособным и достаточно многочисленным войском на стороне антиосманской коалиции могло в значительной мере способствовать военному усилению Польши, что коренным образом изменило бы геополитическую ситуацию в регионе. Аюка, в свою очередь, также понимал, что выступление его войска на стороне поляков могло значительно осложнить русско-калмыцкие отношения. Потому в военных действиях против антиосманской коалиции, как мы сказали выше, участвовали на добровольческой и коммерческой основе лишь небольшие отряды калмыков и казаков. Кроме того, официальное согласие Московского правительства на полноценное участие в военных действиях казаков и калмыков на стороне Польши и ее союзников могло привести к серьезному обострению ситуации с Крымским ханством, нарушению мирного договора с Османской империей. К тому же и сам калмыцкий правитель Аюка не хотел ухудшения калмыцко-крымских отношений, переживавших в тот период серьезный подъем. Настойчивое желание Яна Собеского втянуть Россию и ее подданных в лице калмыков в антиосманскую коалицию свидетельствует о недостаточно четком представлении им сложившейся на тот момент ситуации в Причерноморье. Приоритетный характер русско-калмыцких отношений во внешней политике Калмыцкого ханства обусловил отказ Аюки просьбам польского короля в посылке своей армии для оказания военной помощи Речи Посполитой.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации АААА-А19-119011490038-5).

Литература

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (1869). Т. 11. СПб.: Тип. В. В. Прагц.

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (1872). Т. 12. СПб.: Тип. В. В. Прагц.

Кочегаров, К.А. (2008). *Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире*. М.: «Индрик».

Махатка, О. (1958). *Дипломатическая деятельность «Священной лиги» среди казачества и калмыков в 1683–1686 гг.* Л.: Вестник Ленинградского университета, № 14.

Тепкеев, В.Т. (2018). *Аюка-хан и его время*. Элиста: КалМНЦ РАН.

References

Additions to Historical Acts, collected and published by the Archaeographic Commission. SPb.: Type. V.V. Pratz, 1869. Vol. 11. (in Russian).

Additions to Historical Acts, collected and published by the Archaeographic Commission. SPb.: Type. V.V. Pratz, 1872. Т. 12. 423 p. (in Russian).

Kochegarov, K.A. (2008). Poland and Russia in 1680–1686. Conclusion of the Eternal Peace Treaty. М.: “Indrik”. (in Russian).

Makhatka, O. (1958). Diplomatic activity of the “Holy League” among the Cossacks and Kalmyks in 1683–1686. Leningrad University Bulletin, 14, 35–45. (in Russian).

Tepekuev, V.T. (2018). Ayuka Khan and his time. Elista: KalmSC RAS. (in Russian).

УДК 94(517)

МОНГОЛЧУУДЫН ТЭМЭЭН ЖИНГИЙН СОЁЛ

Өрнөхдэлгэр Д.

хэл бичгийн ухааны доктор

Ховд их сургууль, дэд профессор, Ховд, Монгол Улс

E-mail: өрнөхдэлгэр@gmail.com

Товч хураангуй

Энэхүү өгүүлэлд монголын нүүдэлчид тэмээгээр алс хол тээвэр хийсэн түүх, уламжлал, бусад улс орон, үндэстэнд үл давтагдах тэмээн жингийн соёл, арга ухаан, тэмээн жинд холбогдох зан үйл, үг хэллэг, нутаг нутгийн давтагдашгүй онцлогийн талаар өгүүлжээ. Монголчуудын эрт цагийн амьдралын нэгэн хэмнэл, утга учир болж ирсэн тэмээн жин нь он удаан жилийн баялаг түүх, зан үйл, өв соёлыг өөртөө шингээсэн байдаг. Монголчууд эрт дээр үеэс тэмээ унаж, нурууг нь ачиж, чарганд унадаг мал, унаа тээвэр хийдэг уламжлалтай. Саяхныг хүртэл Монголд авто тээвэр, төмөр замын хөгжил сул байсан тэмээг өргөнөөр ашиглаж ирсэн. Тэмээ нь улс орон, ард түмэнд хэрэгцээтэй бараа, ачааг тээвэрлэх, малчдын шилжилт хөдөлгөөнд өргөн хэрэглэгддэг. Одоо ч гэсэн нутгийн малчны өдөр тутмын тээвэрлэлтэнд тэмээ голчлон ашиглагдаж байна. Ази Европыг холбосон худалдааны буюу Торгоны замын гол тулгуур нь тэмээ, тэмээний цуваа байсныг түүх гэрчилнэ. Энэхүү торгоны замыг хөгжүүлэхэд Чингис хааны үеийн Монголын эзэнт гүрэн чухал үүрэг гүйцэтгэсэн бөгөөд 13-р зуунд Монголд «Тэмээ ачааны яам» гэгчийг байгуулж байжээ. Тэмээ холын замд тээвэрлэх, дайнд зэвсэг ачих, олз тээвэрлэхэд гол үүрэг гүйцэтгэсэн тул Тэмээний яамыг байгуулжээ. Их Монгол улсын үед Торгоны замын зүүн салбар Хархорум хотоор дайран өнгөрдөг байжээ. Торгоны зам нь Төв Ази, Монгол, Хятад, Энэтхэгийг Ойрхи Дорнод, дараа нь Европтой холбож, эдгээр улсын хороодын харилцаа холбоо, худалдаа, соёл иргэншил тогтооход чухал үүрэг гүйцэтгэсэн. Торгоны замын урт нь 7000 гаруй км байв. Мөн энэ замын ихэнхийг тэмээгээр туулдаг байв. Торгоны зам бий болсноос хойш Монголын нүүдэлчид тэмээ жинлэх нарийн арга бий болсон нь аль ч улс орон, үндэстэнд байдаг. Чухамдаа олон зууны турш тэмээ нь улс орон болон хөрш зэргэлдээ улсуудтай худалдаа наймаа хийх цорын ганц тээврийн хэрэгсэл байсаар ирсэн. Тэмээ Монголын аль ч аймгаас нийслэл Улиастай, Ховд, Санбээс, Хиагт, Зая шавь, Вангийн хүрээ, мөн Хятадын Бээжин, Чуулалт хаалга, Хөх хот, Манжуур, Хайлаар, Долон нуур, Цонж, ОХУ-ын Бар хул, Өрөмч, Гүнчэн, Жанчхүү, Бийск, Хош-Агач, Троицкосавск хотууд ноос, арьс, үс, гурил, будаа, цай, даалимба (хөвөн) нийлүүлдэг.

Түлхүүр үг

Тэмээн жин, ёс заншил, Хан Хөхий хошууны жинчид.

UDC 94(517)

MONGOLIAN CAMEL CARAVANS CULTURE

Urnukhdelger D.

Ph.D

Hovd university, Associate Professor, Khovd, Mongolia

E-mail: өрнөхдэлгэр@gmail.com

Annotation

This article describes the history and traditions of Mongolian nomads transporting camels over long distances, the culture and methods of camel caravans that are unique to other countries and nations, the rituals, language, and unique features of camel caravans. Camel caravan, which has been one of the rhythms and meanings of the ancient life of Mongolians, has a rich history, customs and heritage for many years. Mongolians have a long tradition of riding camels, loading their backs, and riding in sleighs. Until recently, camels were widely used in Mongolia for the development of road transport and railways, as well as for the transportation of goods needed by the country and the people. Camels are still the main source of transportation for local herders. Mongolians have a long tradition of riding camels, loading their backs, and riding in sleighs as draught animal, and transportation. Until recently, camels were widely used in Mongolia for the weak development of road transport and railways. Camels widely used for the transportation of goods and goods needed by the country and the people, as well as for the movement of herders. Even today, camels are mainly used for daily transportation and transportation of local herder. History has shown that camels and camel caravan were the mainstays of the trade or Silk Road connecting Asia and Europe. The Mongol Empire during the reign of Genghis Khan played an important role in the development of this Silk Road, and in the 13th century the so-called “Ministry of Camel of burden” was established in Mongolia. The Ministry of Camels was established because camels played a key role in carrying long distances, loading weapons in war, and transporting booty. During the Great Mongol Empire, the eastern branch of the Silk Road passed through Kharkhorum. The Silk Road connected Central Asia, Mongolia, China, and India with the Middle East and later Europe, and played an important role in establishing contacts, trade, and civilization among the committees of these countries. The length of the Silk Road was more than 7,000 km. and most of this road was traveled by camels. Since the advent of the Silk Road, Mongolian nomads have developed a sophisticated method of camel weighing that is unique to any other country or nation. In fact, for centuries, camels were the only means of transportation for trade and commerce within the country and with neighboring nations. Camels moved from any province of Mongolia to the capital, Uliastai, Khovd, Sanbees, Khiagt, Zaya Shavig, and Wang Khuree, as well as to Beijing, China, Chuulalt-Gate, Hohhot, Manchuria, Hailar, and Dolon Lake, Tsonj, Bar Khul, Urumch, Gunchen, Zhanchkhuu, Biysk, Khosh-Agach, and Troitskosavsk, Russia supplying with wool, hides, fur, flour, rice, tea, and daalimba (cotton).

Keywords

Camel caravan, customs, caravan drivers of Khan Khokhii khoshuu.

УДИРТГАЛ

Монгол хүн тэмээг унаж эдлэхээс гадна нуруу ачих, тэрэг чарганд хөллөх зэргээр ердийн хөсөг, тээвэрт өргөн ашиглаж ирсэн уламжлалтай. Саяхан хүртэл манайд авто тээвэр, төмөр зам хөгжөөгүй байхад улс орон, ард олны хэргэцээт бараа таваар эд юмсыг тээвэрлэх өртөө, улаа залгуулах, малчдын отор нүүдэл зэрэгт тэмээг өргөн хэрэглэж байсан билээ. Одоо ч гэсэн орон нутгийн малчны өдөр тутмын уналга, ачилгад тэмээг голлон ашигласаар байна.

Манай орны тэмээн сүрэг 1953 оны байдлаар найман зуун ерэн таван мянга гурван зуун толгойд хүрч байсан бол одоо цөөрсөөр 2012 оны байдлаар гурван зуун мянган толгой болжээ (Монгол, 2020: 510). Энэ нь олон хүчин зүйлтэй холбоотой ч, тэмээг тэр бүр уналга, эдэлгээнд хэрэглэх хэрэгцээ багасаж үгүй болсонтой шууд хамаатай. Энэ хамаарал нь монголчуудын уламжлалт тэмээн жингийн зан үйл, соёлын айг судлан тэмдэглэхийн чухлыг сануулж буй хэрэг билээ.

Монгол тэмээний үүлдэр гэвэл, Галбын говийн улаан, Хананы хэцийн хүрэн, Дөхөм тунгалгийн тэмээ гэж байдаг. Монголчууд жинг тэмээн хөсгөөр тээдэг. Гурил будаа, цай тамхи, даавуу, даалимба зэрэг хэрэгцээт бараагаа Хятад, Орос зэрэг хил залгаа улс орнуудаас л бүр эрт үеэс татаж авч байсан болохоор тэмээ нь ч эдэлгээ дааж явж сурсан, тэсвэр хатуужилтай болсон, жин тээдэг хүмүүс нь ч олон жилийн туршлага хуримтлуулсан байдаг. Хэд хэдэн удаа жинд яваад ирсэн залууг нутаг хошууныхан нь хүний зэрэгт хүрлээ хэмээн хүндэтгэн үзэх хандлага ч байжээ. Олон түмнийхээ энэ их хүндэтгэл, хайрыг тээсэн хүний нэг бол Увс аймгийн Зүүнхангай сумын харьяат Ш. Гаадан аругай мөн бөгөөд түүний тэмээн жин тээж ирсэн амьдралын түүх, элжигэн халхуудын жин тээх уламжлал дээр тулгуурлан энэхүү өгүүллээ бичив.

ХЭРЭГЛЭГДЭХҮҮН, АРГА

Тэмээн жинд зайлшгүй байх зүйл нь хонх юм. Хонхыг хамгийн сүүлчийн тэмээний хүзүүнд голлон зүүнэ. Хонх зүүх тэмээ нь номхон, үргэдэггүй байна. Хонх зүүх тэмээ нь жигд алхаатай байх ёстой. Жигд зөв алхаатай тэмээний хонх жигд савлаж явдаг. Хонхыг гол төлөв хүрлээр хийнэ. Тэмээн жингийн үед хэрэглэж асан ийм нэгэн хонхыг доорх зургаас харж болох бөгөөд өдгөө Увс аймгийн Зүүнхангай сумын дунд сургуулийн сурагчдын хичээлийн завсарлагыг дохиолон жингэнэж байгаа уг хонх нь дээр нэр нэхэн дурдагдсан хүмүүний хэрэглэж байсан хонх бүлгээ.

Зэсээр амыг нь эмжсэн зэс амт, адаг хүрлээр хавчих хар хэмээх зуувандуу хэлбэртэй хавчиг хар, зэс, цагаан тугалганы хайлшаар хийсэн цас хэмээх цайвар хонх байдаг. Бүх хонхны хэлийг хатуу модоор хийнэ. Модон хэл нь хонхыг зөөлөн жигд дуутай болгоно. Ачаа ачиж дуусаад жин хөдөлмөгц сүүлийн тэмээнд хонхоо зүүнэ. Жингийн цуваа буух газар ирмэгц хонхыг тайлж авна. Ачиж, буулгаж дуусаагүй, тэмээ амарч байх үед хонх дуугарвал тэмээ яарч босон харайх, хөдөлж явдаг тул хонхыг зүүх, авах журмыг хатуу баримтална. Нэг зуун тэмээгээр жин тээх үед «Гүл шар» гэж нэрлэгдсэн гуулин хонхыг зүүдэг. Нэг удаад нэг зуун тэмээгээр тээх нь баяжихын бэлгэдэл гэж жинчид бэлэгшээдэг, замд тохиолдогсод ч тэдэнд хүндэтгэл үзүүлдэг байна.

Тэмээн жинг даамал удирдаж явдаг бөгөөд хамгийн хашир туршлагатай хүнээр жингийн даамал тавьдаг. Тэрээр 4–6 жинчин, 40–50 тэмээг хариуцдаг. Жингийн даамал нь жинчдэд зөвлөгөө өгөх, явах, буух хугацаа, ажлын цагийн хуваарийг хариуцахаас гадна тэднийг төлөөлөн гэрээ хэлэлцээ хийх, хөлс хүч тохирох ажлыг мөн хариуцдаг байна. Тэмээн жин бол атан тэмээ, эр хүн хоёрыг шалгадаг, жинчний эр зориг хүн чанарыг сорьсон залуу хүний булчин махыг задалж бяр тэнхээ суулган бялдаржуулдаг хийморьлог ажил гэж үзэн монголчууд эрт дээр үеэс жинчний хөдөлмөрийг хүндэлж ирсэн уламжлалтай.

Монгол малчдын хуримтлуулсан олон зууны туршлагаас үзэхэд тэмээг голдуу 6 настайгаас эхлэн холын аян жинд явуулах нь тохиромжтой аж. Зарим нутагт таван наснаас аянд явуулах нь бий. Тэмээг 9-р сарын эцэс, 10-р сарын эхээр аян жинд явуулаад өвлийн саруудад бага зэрэг амраагаад хаврын сард багаар эдлэх нь зохистой гэдэг. Харин тэмээг зун, намар эрт аян жинд явуулдаггүй байна. Зуны цагт эдэлсэн тэмээний хавирга нуруу шалбарах, хом ширдэг нь бороо усанд норж илжрэх, дараа нь хатаж дардайн тэмээний биеийг холгох зэрэг муу талуудтай аж. Зунд аянд явсан тэмээний үс, ноос гүйцэд сайн ургадаггүй, тарга хүчийг муу авах явдал байдаг байна. Намар эрт эдэлбэл тэмээний тарга хүч гүйцэж чадаагүй байдгийн гадна авсан тарга хүчээ амархнаар хариулж алддаг байна. Тэмээг холын аянд явуулахдаа заавал сойх шаардлагатай байдаг. Сойлгогүйгээр аянд явуулбаас ул таваг нь урагдах, цоорох, хүч тарга нь түргэн муудах зэрэг гэмтэй аж. Холын аян жинд тэмээгээр дунджаар өдөрт 40-45 км, харин намар бол 30-35 км явах нь тохиромжтой гэж үздэг. Жингийн тэмээний хомыг зузаан байлгах, дулааны улиралд хомыг түр авч сэрүүцүүлэн амраах нь хүч нь хайлах, сойлго алдахаас сэргийлдэг байна. Тэмээн жинд 2 хүн тус бүр 15-аар хөтөлж 30 тэмээг нэг бааз болгодог байжээ.

ХЭЛЭЛЦҮҮЛЭГ

Ер нь тэмээн жинг бэлтгэн гаргах гэдэг бол тодорхой дэс дараатай нөр хөдөлмөр аж. Жинг хөдөлгөн гаргахдаа юуны өмнө жингийн тэмээг сонгон авах, уяж сойх ажлаас эхэлдэг.

1. Тэмээ сойх. Халуун намраар жинд явахад тэмээ хайлдаг учраас нэлээд хүйт оруулж байж жин хөдөлдөг байжээ. Жинд явуулах тэмээг 7-15 хоног заавал сойно.

2. Ачаа жиших. Нэг тэмээнд 200–250 кг ачаа ачна. Нэгтгэсэн шуудайтай (хоёр годон шуудай нийлүүлсэн) ноосыг давхарлаж хүлэн нэг талын тэн болгодог. Ноосоо хүлэх нь хүртэл тогтсон журамтай, тэнг баглах олс, дээс, сурыг тэнжээ гэнэ. Эхлээд тэнжээнийхээ голд саарахгүй гогцоо гаргана. Гогцоог ачааныхаа голд биш дотор талын дээд ирмэгт гарган, тэнжээгээ гогцоолдон хоёр тийш татаж, ачааны доод талын дээснээсээ зөрүүлж аван, гогцоотой талын эсрэг талаар дээш гарган, дээдэх дээснээсээ татаж уяна. Дээсээ дандаа хөмөрч аван нөгөө тийш нь дарж уявал ачааны хүлээс сулардаггүй.

3. Тэмээ хомнох. Тэмээ хомоо, хом нь ачаагаа даадаг гэдэг ахмадуудын үг бий. Тэгэхээр тэмээг зөв хомнох нь жин тээх ажлын чухал нэг хэсэг ажээ. Хом нь хос ширдэг, бамбай, шат, хойт урд ташаа, дуудай, өөг зэргээс бүрдэнэ.

4. Жинд явах. Жин тээх эхний хоногуудад өдөрт хол явдаггүй, өглөө нар дээр хөөргөж хөдлөөд нар жаргах юмуу, шар гэгээ тасрах үед бууж хоноглоно. Тэмээ ачаандаа дасч ирэнгүүт (4–5 хоногоос) аажмаар өдөрт явах газрын хэмжээг уртасгана.

Өглөө зэхийхэн ачаалан хөдлөөд шөнө марал мичид нэлээд гудайлгаад (шөнө дунд өнгөрөөгөөд гэсэн үг) бууна. Цаашаа явж байхдаа ихэвчлэн арагшаа гударган газар бууж, тэмээгээ цаашаа бэлчээж хононо. Тэгэхгүй бол шөнө тэмээ нутаг руугаа цувчихдаг. Нэг майхан жинчдийг «гал» гэж нэрлэнэ. Нэг галд 3–4 хүн, зарим нутагт 4–6 хүн явна. Ханиндаа яваа хоёр галыг бааз гэнэ.

5. Тэмээ улдах. Тэмээ улдах эмгэг жинчдэд олонтаа тохиолддог. Үдэш усалбал тэмээ амархан улддаг гэнэ.

6. Жинчний арга. Жин тээх ажлын онцлогтой уялдсан янз бүрийн өвөрмөц арга ухаан олон байдаг байжээ. Жинчин хүн ганцаар ачааг ачих тохиолдолд хүн мод тээвэрлэдэг. Хүн мод гэдэг нь тэмээний буруу талын тэнг өргөж тавьдаг мод юм. Хүн мод нь ачаа ачих хоёр дахь хүнийг төлөөлдөг бөгөөд энэ нь нэг метр орчим өндөр, нэг үзүүртээ хоёр ацтай мод, энэ ацаар нь газар тулна. Уг модны ац нь 50 см орчим алцгар зайтай байна. Жинчин хүн, хүн модоо ацаар нь газар хатгаж, дээд шулуун үзүүр дэх хос оосроор нь шатны хойд урд үзүүрээс уяад ачаагаа дээр нь тавихад хөдөлдөггүй тулгуур болж өгдөг өөрөөр хэлбэл жинчин хүн буруу талын ачаа тэнг өргөж тэмээний нуруунд «хүн модоор» түшүүлэн газар тулна. Тэгээд нөгөө талд нь гарч тэнгээ өргөж холбоно. Дараа нь «хүн модоо» авч тэнгээ тэгшлэн татдаг аж.

Говийн тэмээ мөсөн дээгүүр явж чаддаггүй учир шороо зөөж асгадаг. Өндөр даваанаас зарим тэмээ сүрдээд явдаггүй. Тэгэхээр нүдийг нь бооход ямар ч өндөр давааг давдаг. Зарим аргатай тэмээ хэвтэн тусаад байхаар бодын хүзүүний ясыг нугасны нь нүхээр татлагандаа оруулан хэнхэрцэг дор нь тааруулахад нэг хоёр хэвтээд дахин хэвтэн тусахаа больдог.

Халхын аянчид ердийн хөсгөөр аялахдаа өдөр бүр үдээс хойш ачаалж бараг шөнийн турш явж, үүр цайхын өмнө бууж хоноглох, хөсөг тээврийн малыг амраах, идээшлүүлэх ажлыг нарийн зохицуулан шуурхайлж явдаг байжээ. Үүнээс улбаалан дээр өгүүлсэн «халх аялал» (халхдах) «идэр халх» хэмээх нэр гарчээ.

Монголчууд тэмээн жин тээхэд эртнээс сайн бэлтгэдэг ба юуны өмнө тэмээний уяа сойлгыг тохируулахаас гадна аяны хэрэгсэл хом, шат, тэрэг, тоног хүлэг, татлага, орон сууц (майхан) усны сав, тогоо, онгоц, ховоо, тэмээ уллах, ханах хутга шөвөг, цаг улирал аян жингийн олон цөөн хоногт тохирсон хүрэлцэхүйц хоол хүнс, хувцас хунар бэлтгэдэг байжээ. Мөн тэмээний нуруу ачих, тэрэгний ачааны хүнд хөнгөн, хэмжээ зэргийг тэмээний биеийн байдал, чадал тэнхээ, тарга хүч, нас хүйсэд зохицуулдаг байна. Мөн аялах замын ус бэлчээр, өвс ургамал, түлшний байдал, зам газрын хатуу зөөлөн, бартаа, өдөр бүрийн буудал хоорондын хол ойрын зай хэмжээг нарийн тохируулж, тэмээн жингийн өдөр, шөнийн явах хоног, тэмээг идээшлүүлэх, услах, амраах, ул тавгийг шалгах, хайрлах зэрэгт ихээхэн анхаардаг аж. Бас тэмээн жинг хөтлөхдөө явцын ширүүн зөөлнийг тохируулах, цувуулах, зэрэгцүүлэх, тэмээний хомыг байнга засах, тэн ачих зэрэг аяны горим журмыг нарийвчлан гүйцэтгэдэг ба мөн ачааны хүнд хөнгөнийг тэнцүүлэн баглах, ачааны хүлэг сулрах ахул чангалах, жиших, өргөх, шордох зэргийг нарийн нягт нямбай тохируулах шаардлагатай бөгөөд энд жингийн даамлын хяналт, зөвлөгөө чухал үүрэгтэй аж.

Монголчууд «XVIII зуунаас хойш Хөх хот, Долон нуур, Цонж, Бархөл хотод жин тээж гурил будаа, хувин сав, бөс даавуу зэрэг бараа таваар тээвэрлэн авчирдаг болжээ. Зарим баримтаар үзвэл сайн атан тэмээ нэгэн жилийн хүч таргаар 3000 орчим км хол аян жингийн үүрэг гүйцэтгэж явсан байна. Малчид зүтгэх хүчний

малын уяа сойлго тохируулж тарга тэвээргийг гамнах, өл хоолыг тааруулах, ачаа тээшийн хэмжээ тохируулахыг сайн мэдэж зохицуулдаг байжээ» (Бүгд Найрамдах, 1966–1969) хэмээн БНМАУ-ын түүхэнд тэмдэглэжээ. Үүнээс үзэхэд жин тээх ажил их эртний уламжлалтай ажээ.

XIX зууны үед Хятад, Оросын худалдаачдын бараа үнэ ихтэй, ховор хомс тул хүмүүс тэмээн жин хөдөлгөн өөрсдөө холоос авч ирвэл арай хямд байдаг. Иймд тус хошууны захиргаа, ард иргэд тэмээ мал, ачлагын хэрэгсэл, хом, шат, бамбай, сур, дээсээ нийлүүлж хоршин, хэрэгцээт гурил будаа, цай, тамхи, даавуу, даалимбуу зэргийг гадна дотноос тэмээн жин гаргаж, татаж авч ирдэг байжээ. Энэ нь аж төрж, амь зуухад өөрт болоод бусдадаа тус нэмэртэй ажил байжээ. Ер нь тэмээн жин олон зууны турш улс орныхоо дотоодод ч, айл хөрш гүрнүүдтэй харилцах, арилжаа, наймаа хийх цорын ганц тээвэр байсан билээ.

Ази, Европыг холбосон худалдааны буюу торгон замын ажлын гол зүтгэгч хүч нь тэмээ, тэмээн жин байсныг түүх гэрчилдэг билээ. Энэхүү торгон замыг хөгжүүлэхэд Чингисийн үеийн Монголын эзэнт гүрэн чухал үүрэг гүйцэтгэсэн бөгөөд XIII зууны үед Монголд «Ачлагын Тэмээний Яам» гэгчийг байгуулж байжээ. Алс хол аян жин тээх, дайн байлдаанд зэр зэвсэг ачих, олзны эд агуурс тээвэрлэх зэрэгт тэмээ гол үүрэгтэй байснаас ийнхүү тэмээний яам байгуулж байсан байна. Их Монгол улсын үед торгон замын зүүн салаа нь Хархорумаар дамжин өнгөрдөг байжээ. Торгон зам нь Төв Азийн улс гүрэн, Монгол, Хятад, Энэтхэгийг Ойрх Дорнодын болон улмаар Европын улсуудтай холбож, эдгээр улс орнуудын хооронд харилцаа холбоо тогтоох, худалдаа арилжаа хөгжүүлэх, соёл иргэншил дэлгэрүүлэхэд чухал үүрэг гүйцэтгэж байв. Торгон замын урт нь 7000 гаруй км байсан гэх бөгөөд энэ замын ихэнхийг тэмээгээр туулдаг байжээ (Төмөржав, 2004: 238–239).

Торгон зам үүсэн бий болсон тэр үеэс эхлэн монголын нүүдэлчид тэмээгээр алс хол тээвэр хийх, өөр аль улс орон, үндэстэнд үл давтагдах тэмээн жингийн нарийн арга ухааныг бий болгожээ. Гэвч монголчуудын тэмээн жингийн талаарх нарийн ур ухааныг бичиг сударт тэмдэглэж үлдээсэн нь бага аж. Гэхдээ Т. Аюурзана (1947), Ш. Цэрэнпунцаг (1972), Б. Лувсан (1975), Ц. Насанбалжир (1978), Ю. Адъяа (1979), М. Төмөржав (1989), Д. Цэвээнжав (1990), Н. Банди (1991), Н. Эрдэнэцогт (1998), С. Жамбалдорж (1997), Ш. Эгшиг (2017) нарын бүтээлд тэмээний бие махбодын биологийн онцлог, ажил эдэлгээний чадвар, ердийн хөсөгт, аян жинд тэмээг ашиглаж ирсэн уламжлалын талаар дурдсан байдаг.

Б. Цэвээн «Жинчин» гэдэг тууждаа алс холын аян жинд идэр залуугийн бяраа чадал, золбоо хийморио бадруулж яваа жинчин эрийн амьдралыг урнаар өгүүлсэн байдаг. Бас Монгол орон даяар ардын дуу мэт дэлгэрсэн алдарт дуучин М. Дугаржавын зохиосон «Идэр жинчин» дуунд монгол атан тэмээний бяраа чадал, монгол жинчин залуусын эрэмгий зориг, авхаалж самбаа зон олноо гэсэн тэдний эрхэм буянтай үйлсийг магтан өгүүлжээ. Зохиолч П. Лувсанцэрэн «Ус шиг цэнхэр» өгүүллэгт жин тээж хол яваа хайртай залуудаа ус шиг цэнхэр торго захидгаас ховор нандин эд зүйлийг жинчид олж ирдгийг, Төрийн хошой шагналт зохиолч Д. Намдаг «Цаг төрийн үймээн» романы нэг шугам Бээжин лүү жин тээж буй бүлэг хүмүүсийн тухай, тэдэнд тохиолдсон хэрэг явдлыг уран нарийн дүрсэлсэн байдаг.

Зохиолч Д. Оюунчимэгийн «Оройн ганц мод» (2016) романд «Алтайн Урианхайн баруун гарын Дархан бэйсийн хошууны бүлэг жинчид Өрөмч ороод буцаж явах ажээ.

Далан тэмээ хөтөлсөн эл нүсэр жингийн даамал Борх ах бол жин тээх үйлийн нарийн ширийн эрдмийг (тэмээн ачаа хөтлөх, тэмээдийн уяа сойлго тааруулах, ачаа тэнцүүлэх, хуваарилах, буух, үдлэх газраа сонгох гэх мэт) гаргууд эзэмшсэн, байгалийн хатуу сорилгыг даван туулж сурсан, чухам жингийн даамал хэмээх албандаа бүрэн зохирсон дүр тэргүүтнийг гаргасны дээр жин тээж яваа хүн нэг бүрийн зан ааш, хэл яриаг тод томруун дүрсэлсэн» урианхай түмний ахуй соёлын нэгээхэн хэсгийг жин тээх үйлээр нээн харуулсан байна.

Үүнчлэн, «Жин хөвөрч жингэр боргоож л байг», «Тэмээ хариулсан хүн буурныхаа занг андахгүй» зэрэг утга соёлын улбааг тээсэн сонин содон үг хэллэгүүд олон арвин бий. Нэг жишээ сонирхуулахад, «Бөх хөл, холбоо бөх, ховилтсон нуруу, хөвч нуруу, суунги борви, босоо борви, тэнчээ, ачаа жиших, хөм, хог, ширдэг бамбай, шат дуудай, өөг, ойлуур, ороолт, халх явдалт, харчин явдалт, гал, баз, майхны хэц, майхны сүүл, майхны гэдэс, алтан хумс, уг хугарах, ул цоорох, тэмээний ул тахлах, зогдор татах, ул ширлэх, хүн мод зэрэг» (Банди, 1993) тэмээн жин тээврийн дөчөөд нэр байна. Тэмээний хомын тухайт гучаад нэр томъёо байна. Тэмээний явдлыг гэхэд алхах, зогдор хөдөлгөх, бөх хөдөлгөх, жонжих, тэших, таваргах гэсэн зургаан зүйл үгээр, илэрхийлжээ.

Монголын аль ч аймаг хошуунаас тэмээн жин хөдөлгөн тэр үеийн арилжаа наймааны төв газар Нийслэл хүрээ, Улиастай, Ховд мөн Санбээс, Хиагт, Заяын шавь, Вангийн хүрээ рүү, түүгээр ч барахгүй Хятадын Бээжин, Чуулалт хаалга, Хөх хот, Манжуур, Хайлаар, Долон нуур, Цонж, Бар хөл, Өрөмч, Гүнчен, Жанчхүү, Оросын Бийск, Хош-Агач, Тройцкосавск зэрэг хот руу ноос, арьс шир, ангийн үс тээж, гурил, будаа, цай, даалимба хүн амын өргөн хэрэглээний бараа ачиж ирдэг байжээ.

Ц. Насанбаржир (1978) XX зуун гэхэд Говь, тал хээрийн бүсэд нутаглах Халхын 70 шахам хошууд тэмээн хөсөг хөдөлгөдөг байсныг дурдаж, сайн атан тэмээн нэг жилийн хүч таргаар 3000 орчим км хол аян жингийн үүрэг гүйцэтгэж явсан гэж өгүүлсэн байдаг.

С. Жамбалдоржийн (1997) тодорхойлсноор, тэмээн жин хоногт 10–16 цаг, цагт 3–4 км-ын хурдтай явдаг бөгөөд жингийн цуваанд 20-30-аас 200-1000 хүртэл атан тэмээ, 200 гаруй жинчин оролцдог ба аян жингийн нэг удаагийн замын урт 20 өртөө (600 км) хүртэл байвал ойрын, 50 өртөө (1500 км) бол холын, үүнээс дээш бол алсын аян жин гэдэг байна. Монголчууд 2000 гаруй км хүртэл алсын замд жин тээдэг байжээ. Жинд 7–17 насны атан тэмээг хэрэглэдэг. Жил бүрийн 11-р сарын нэгнээс дараа жилийн 4 сар хүртэл аян жинд явдаг байжээ.

Ц. Насанбалжирын бичсэнээр XX зууны эхээр зөвхөн Их Хүрэн дэх Хятадын худалдааны пүүс жил тутамд Монголоос 160000–200000 пүү ноосыг Хятадад гаргахад 10 гаруй мянган тэмээн хөсөг хөдөлгөж байсан байна. XX зууны эхэн үеэр Монголын гадаад дотоодын тээвэрт барагцаалбал жил тутам 350–400 мянган хөсөг хөдөлгөж үүний дийлэнхийг тэмээгээр гүйцэтгэж олон арван мянган хүн тээвэрлэх ажил хамрагдаж *аянч*, *жинч* гэдэг нэгэн ажил дагнасан хүн олон байх болжээ. Монголд мал аж ахуйн туслах салбарын дотроос жин тээврийн ажил нь хамгийн илүү ашиг орлоготой, олныг хамарсан шинжтэй байсан байна.

Тэмээн жинг дотор нь халх аялал (халхдах), харчин аялал (харчиндах) гэж хоёр хэлбэрт ялган үздэг тухай С. Жамбалдорж өөрийн бүтээлдээ дурджээ. Халх аялал нь нар гарахын өмнө ачаалж өдөржин яваад орой харанхуй болмогц буудаг аялал

бөгөөд өөрөөр хэлбэл өвлийн өглөө 5–6 цагийн хооронд хөдөлж, 11–13 цаг яваад орой 16–18 цагийн үед буудаг байна. Харчин аялал нь өвлийн өдөр үдээс хойш буюу үдэд шахам ачаалж, шөнөжин яваад үүрээс өмнө тэмээ унтахаас наана буудаг аялал ажээ. Өөрөөр хэлбэл үдээс хойш 15–17 цагийн турш яваад шөнө 2–3 цагийн хооронд буудалладаг байна. Жинчид өвөл, намарт үдлэлгүй харчиндахыг тохиромжтой гэж үздэг. Халх аялал, харчин аялал хоёр нь дотроо идэр халх, хөгшин халх, хөх харчин, үдтэй харчин гэх мэт хувилбартай байдаг аж. Тэмээ тарган, жинчин нь залуу, зам богино, бартаа бага бол «идэр халх» аргыг хэрэглэдэг. Энэ нь өдөр бүр аажим ачаалж, өдөр дундаас хойш үдлэн тэмээ хүнээ амрааж хооллуудаад орой нар шингэхийн өмнөхөн ачаалан явж үүр цайхын өмнө бууж хоноглодог. Өөрөөр хэлбэл цаг орчим үдлээд орой 18 цагийн үед хөдөлж, шөнийн 4 цагийн орчимд бууж хоноглодог байна. Хөх харчин, үдтэй харчин гэдэг нь орон нутгийн чанартай ойлгоц аж. Ер нь бүс нутгийн тухайлбал, ойт хээр, тал хээр, говь нутгийн онцлогоос болон жинчдийн арга ажиллагаа, тогтсон дадал барилаас болж бүс нутагт тэмээн жин тээх нь бас өөрийн онцлогуудтай байсан байна.

Тухайлбал, Засагт хан аймгийн Хан Хөхий уулын хошууныхан «1881 онд Цонж руу жин тээхээр Аюуш, Цогбат, гэлэн Түмэн, Өнөржаргал, Санжжав, Самбуу, Пунцаг, Дунгаа нар явж байсан бол, 1891 онд хаван Цэвэгжав, дагалдан Тайван, гэрийн дарга Тайвангийн аравны Энхмэнд, заан Цогт-Очир, зайсан Борхул, Гэндэй, Мөнхжав, Балжинжав, Санжаа, Хишигдэлгэр, өвгөн Чиваахай, 1908 онд Дориг, Самбуу, Ламжав нар мөн Гучен хот руу жин тээж гурил будаа авахаар арьс шир, бараа зэрэг юм авч, 80 хоногийн хугацаагаар зам явах тэмдэгт бичиг авч явж байжээ» (Түмэнжаргал, Мэндсайхан, 2017: 159–163). Ингэж хошууны өмнөөс, мөн хувиасаа тэмээгээр явж, Бар хөл, Хөх хот, Хөшөө мод, Цонж. Да хүрээ, Ховд, Улиастай, Хатгал, Хиагт зэрэг газраас гурил будаа, бөс бараа, чихэр бурам, гэр ахуйн бараа авч ирдэг байв.

Арван гэрээрээ нийлж, тус бүр нэг хоёр тэмээ гаргаж, жинд явах явдал байжээ. Хүмүүс ингэж хувиараа жин тээхэд, үлдсэн аав, ах нараар нь жинд яваад өр төлбөрт орвол би төлнө гэсэн батлах бичиг гаргуулж авч явуулдаг байжээ.

1895 оны намар Занаа хэмээх хүн Их хүрээ рүү жин тээхээр явахдаа Сүрэнгээс 16, Санлин дацангаас 7, Дэмчиг дацангаас 5, хуруу Лхамсүрэнгээс 4, нярав Вандангаас 2, зайсан Борхулаас 1, адууч Эрдэнэцогтоос 1, бүгд 36 атан тэмээ авч явж байжээ.

1897 оны хавар нярав Вандан Их хүрээнд жин тээхээр явахдаа хошуу ноёны сан сүргээс 22, дарга Баян, Намсүм-Очир, баян Донжав, Дугуйцагаан, Мэнд, Балган, гэлэн Хөтөл, агтач Чүлтэм, тайж Жамба, Баттогтох нараас 28, бүгд 50 атан тэмээтэй очихдоо 43 атан тэмээгээр 860 зузаан цай, 100 ширхэг хурганы арьс, 60 ширхэг нэхий ачиж аваачаад, ирэхдээ бөс бараа, зэс, цагаан тугалга, гөлөм, 6 ба 7 тамгат тогоо, жалавч тогоо, гуулин халбага, хүрз, балт, туужуур, хавтага, хэт, бэлний оосор, орос цаас, хүж, булигаар, сайр, сарьс, гутал, хамрын тамхи, архи, чавга, бурам, дүнс, олон төрлийн цай ачиж авч ирж байжээ.

Жинд явахдаа эмгэг хуучгүй, эрүүл, номхон, нас бие гүйцсэн тэмээнүүдийг айлуудаас хөлсөлж авдаг. Хөлсөлж авсан тэмээнүүдээ 3–4 хоног уяж сойж байгаад явна. Нэг хүн 10 тэмээтэй, 3 хүн 30 тэмээтэй 1 гал болж явна. Хом шат, хасуу, бамбай зэргээ сайн бэлтгэнэ. Явахдаа арьс шир, ноос үс зэрэг түүхий эд, ирэхдээ гурил

будаа, бусад бараа таваар ачиж ирнэ. Морь унаа хэрэглэхгүй, унаарын тэмээ авч явна. Жин тээх явдал бүр 1950–1960 аад он хүртэл үргэлжилсэн. Тэмээний хөлсөнд гурил будаа өгнө.

Цагаан нуурт 25 хоног, Хатгал, Бийскт 40-өөд хоног явж ирнэ. Зарим тэмээ Цагаан нуурт жилд хоёр явна. Ширээ сайхан ат жинд яваад хоёр ташаа нь цоорсон, таваг нь урагдсан, бөх нь шалчийсан юм болж ирнэ. Жинчид ачаагаа баглаж, нэгэнд нь гогцоо гаргаж, нөгөөд нь чагт гаргана. Тэгнэж ачих нэг ачаагаа тэмээнийхээ нуруун дээр тавьж байгаад, нөгөөг өргөж гогцоонд оруулж чагтлаад буулгаж тэгшлэх зэргээр ганцаараа ачих явдал олонтоо тохиолддог байв. Тэмээний ханзарсан тавгийг оёх, тостой хөө түрхэх зэргээр эмчилж анагаадаг байсан.

Сарын саруулд шөнө явна. Хамгийн сүүлийн тэмээнээс хонх зүүдэг. Өдөр нь тэмээгээ идүүлнэ. Зарим өвс ихтэй газар өнжиж хонож тэмээгээ амраана. Тэмээнд 70 кг-ийн хоёр уут гурил ачна, гурван уут гурил ачвал нүднээс гарч ирнэ. Зарим омголон тэмээнд омгийг нь дарах гэж гурван уут гурил ачиж нүднээс гарган өвчин эмгэг олгож үхүүлэх явдал гарна. Хашир туршлагатай жинчид ингэхгүй, тэмээгээ өвс усыг нь тааруулж гамтай эдэлж турааж эцээх нь бага байдаг.

Мөн түүнчлэн хошууны ноёд түшмэд, чинээлэг баян хүмүүс, панзач наймаач нар үе үе Ховд, Улиастай, Да хүрээнд адуу мал тууж, аваачиж зарах явдал байжээ. Лу жанжин гүн 1905 онд Богдын хүрээ орох, Далай ламтай уулзах гэж явахдаа ноёныхоо сан сүргээс 37 морь, их жас, санлин, майдар, мамба, чойр дацангаас 14 морь нийт 51 морь авч явж 1192 лан, 4 цэн, 8 пун мөнгөөр худалдаж байжээ.

Орос, Хятад зэрэг хол газар аян тээхэд хань ижилтэй, буу саадагтай мэдэлтэйхэн явахгүй бол дээрэм тонуул таарч амь насаараа ч хохирно. 1930-аад онд Лааган заан Бяруу заан хэмээх ах дүү хоёр бөх Бийскт жин тээгээд ирж яваад Урианхай нарт дээрэмдүүлж хоёул алагдаж байсан түүх байдаг. Бүр дээр үед Тэнгэрийг тэтгэсний 47 (1763) онд Долон нуурын газар аялан явсан Бямба нарын 4 хүнийг замаас нь Цэцэн хан аймгийн Даадангийн хошууны занги Цүлтэм гэдэг этгээд алж, ачиж явсан тэмээ эд юмыг дээрэмдсэн тухай архивын баримт байдаг. Цонж, Бийск зэрэг газар явж жин тээсэн хүмүүс Хасаг, Уйгарын дээрэмч, тонуулчдаас их айж болгоомжилдог байжээ. Жин тээнэ гэдэг нь ийм л их эрсдэлтэй ажил байжээ.

Аян жинд явахдаа 10 гаруй хоног тэмээгээ сойж, хоол ундаа бэлтгэнэ. Борц хийхгүй, 20-оод тэмээтэй хоёр хүн нийлж нэг хонь алж боов боорцог хийгээд авч явна. Жинд явахдаа шинийн сар гарахаар л явна. Жин дан намар ноос ачаад манай эндээс зүүн тийш Хатгал, баруун тийш Цагаан нуур ордог. Өөр тийш явахгүй. Жингээ дагаад голцуу тэмээ унаад явна. Хатгал руу сар, Цагаан нуур руу 45 хоног яваад ирнэ. Аянд явахын тулд урьд өдөр 2–3 тэмээнд хомоо ачаад ойрхон явж “мөрөө” гаргана. Сайн өдрөө явж чадахгүй байж магад гэж тэгж байдаг байсан. Монгол майхан, ганц тогоо, аяга, тулгатай явдаг. Хүн бүр нэг нэг гудастай дээлтэй явна. Буухдаа ачаагаа бүгдийг буулгаад хомыг авч жаахан сойж уяж байгаад идүүлнэ. Аянчид гурилтай хоол, бүхэл мах иднэ. Хар цай ууна. Аяны үед бурантаг, олсоо их гамнаж хайрлаж явдаг. Хээрийн хүн тогоо сав, юмаа их цэвэр авч явна. Бохир бол тэмээ малд муу саадтай гэдэг байсан. Дээлээ тайлаад бүсээ дэрнийхээ хажууд тавиад унтана, дэрлэхгүй. Жингийн үед хүн ус аваад явж байвал тэр уснаас нь бууж амсдаг. Ер нь айл урдаас цай өгвөл их бэлэгшээдэг. Жингийн үед айл цай авчирч өгдөггүй, харин очиж л

цай ууна. Жингийн үед багачууд залуус дуу дуулж л явдаг, ийм тийм хорио цээр үгүй, ямар ч хамаагүй дуу дуулна. Би ан хийж яваагүй”¹ хэмээн угсаатны зүйн судалгааны эрдэмтдэд ярьж тэмдэглүүлсэн байдаг (Монголын, 2011).

ҮР ДҮН

Жин тээх ажил тэмээн жинг тээврийн машин орлох болтол өөрөөр хэлбэл 1960-аад оны эх хүртэл үргэлжилсэн. XX зууны эхэн дунд үед Цагаанхайрханы Д. Рэнцэн, Баярмагнай, С. Пүрэв, Содном, М. Очирхүү, Д. Чимэд, Д. Халзанбаньд, О. Жүгдэр, Өндөрхангайн Т. Туваан, Б. Дэмчигжав, Ху. Санжжав, Зүүнхангайн Муна, Олонхүү, Гөзгор нарын алдарт жинчид байсны дотор Цагаанхайрханы алдарт жинчин Д. Рэнцэн 22 жилд нийт 53 удаа жин тээхдээ жилд ихэвчлэн 2, зарим жилд 3 удаа явдаг. Хатгалд 19, Цагааннуурт 27, Улаангомд 7 удаа аялан явахдаа эхнэр Дэмжаагаа 2-3 удаа дагуулан явж байжээ. 1960-аад онд зохиолч М. Бизъяа түүний тухай «Дэлхийн тэнхлэгийг тэмээгээр тойрсон хүн» тэмдэглэл найруулал бичиж байжээ. Д. Рэнцэн аймгийн аварга жинчин, тууварчин хүн юм.

Мөн Цагаанхайрхан сумын харьяат байгаад Өндөрхангайд Өрнөлт нэгдлийн хамт шилжсэн «Хар нүдэн» хочтой Т. Туваан гэдэг хүн 10 гаруй настайгаасаа ах «Шүр Ламбаа» хэмээх Ламжавтайгаа Шинжаан Уйгарын Цонж хот, Оросын Бийск, Цагаан нуур, Хатгал, Хатгалын дамжлага баазаар жин тээх, мал туух ажлыг олон удаа хийж байжээ. Өндөрхангайн дээр дурдсан цоохор Дэмчигжав, Хуувуузын Санжжав нар тус бүр 30 шахам жил Хөх хот, Цонж, Бийск зэрэг газар жилд 1–2 удаа явж жин тээдэг байжээ. Жин тээнэ гэдэг нь ардуудаас тэмээ хөлсөлж, хөлсөнд нь гурил будаа, цай, тамхи өгдөг, өөртөө ажлын байр амьдралын эх үүсвэр бий болгодгоос гадна ард олондоо хүнс тэжээл бараа таваар залгуулдаг, арьс хөрс, түүхий эдийг нь борлуулж өгдөг буянтай үйлстэн ажээ.

1940–1950 оны Жинчин Цагаанхайрхан сумын Ж. Дүгэрийн тухай түүний хүү Д.Цэрэндорж (хуучин нэр нь СССР) «Сахиус» хэмээх ургийн номондоо тэмдэглэхдээ: «Цахиуртайн хийдийн гэсгүй лам асан Цагаанхайрхан сумын харьяат Жамшийн Дүгэр 1940-1948, 1952-1956 онд жилд нэгээс хоёр удаа жинд явж, сумын захиргааны өмнө үүрэг хүлээдэг байв. Анхны хэдэн жилдээ жинчнээр, 1940 оны сүүлчээс жингийн даамлаар явдаг болсон. Аав минь 12 жил жинд явахдаа 7 жилд нь жинчнээр, 5 жилд нь жингийн даамлаар явж жин тээсэн. 21 настайгаасаа жинчнээр явж эхэлсэн байдаг. Манай Хан Хөхий хошуунд авто тээвэр бараг байгаагүй, 1950-иад оны дунд үе хүрч байж тэмээгээр жинд явахаа больж, тээврийн машин үйлчлэх болсон. Олон сайн нэртэй жинчид байсан. Д.Рэнцэн, Г.Рэнцэн, М.Очирхүү, Т.Туваан, Өвгөдөө, Ерэнтэй, Луузан (долоон хүзүү) Гонгор, Гаадан гуай нарыг нутгийн хөгшчүүд зах зухаас нь мэддэг юм. Буурал аав энэ хүмүүсийн заримтай жинд явдаг байсан» (Түмэнжаргал, Мэндсайхан, 2017: 159–163) гэдэг.

Баян-Өлгий аймгийн Цагааннуур, Хөвсгөл аймгийн Хатгал, Ханхын дамжлага баазуудад сумаасаа шахаж боосон ноос, түүхий эд, ангийн үс арьс, бугын эвэр ачиж хүргэн өгч хариуд нь голдуу гурил, шар цагаан будаа, цай тамхи, даалимба даавуу өдөр тутмын хэрэглээний бараа таваар ачиж ирнэ.

¹ Увс аймгийн Зүүнхангай сумын Жаргалант бригад, Шадлангийн Муна (нас 76, эр, халх, 1972 он), Тэгшийн Буян (нас 70, эм, халх).

«Аав намар, өвлийн эхэн сард голдуу жинд явдаг байлаа. Айл бүрээс нэгээс хоёр атан тэмээг хом бамбай шаттай цуглуулж уяа сойлгонд оруулж явах хүний тооноос хамаарч 2-3 хүн 20-оос дээш тэмээтэй жинд явна. Жингээс ирээд тэмээ авсан айлдаа хөлс болгож хэдэн килограмм гурил, будаа цай, тамхийг хуваарийн дагуу өгнө. Бараа таваар ховор байсан учир хүрэлцээг бодолцон дүнсэн тамхи, дугуй булантай цайг хувааж өгөх явдал гардаг байсан»¹ хэмээн Гаадангийн том хүү Хоодон бидэнд хуучилж үлдээжээ.

ДҮГНЭЛТ

Монголчууд айлын шинэ гэрийн найрт очихдоо тэмээн утас ээрч авч очдог заншилтай. Хүний толгой доргивол тэмээн утсаар боож домндог. Учир нь тэмээний толгой амар доргидоггүй байна. Тэмээний ачааг чивчиртэл нь чангалан татахыг цээрлэнэ. Эс тэгвээс аян жинд яваа тэмээний бөөр унаж гэмтэнэ гэдэг. Аян жинд малын хааны махаар хүнс хийхийг цээрлэдэг. Жин тээж яваа хүнтэй тааралдвал,

Буйлаа хугалалгүй

Бурантгаа сунгалгүй

Ачаа хүнд

Аян зөөлөн болог хэмээн ерөөдөг.

Өнөө үед алсын аян жин тээх ажил түүхийн харгуйд үлдсэн ч монгол түмний маань амьдралын нэг чухал хэсэг байсан аян жингийн тухай улам бүр сурвалжлан судалж, монгол малчны энэ өвөрмөц ажлын арга барил ур ухааны үндсийг одоогийн залуу малчдад ойлгуулах, өвлүүлэх нь эрхэм юм. Мөн, орчин үед аялал жуулчлалын эвент болгох нь туйлын чухал юм.

Ном зүй

Банди Ч. *Та минь, жингээ хөдөлгөх цаг боллоо*. Үнэн, 1993 он, № 97.

Бүгд Найрамдах Монгол Ард Улсын түүх [ ]. Ред Б. Ширэндэв, Ш. Нацагдорж. Улаанбаатар: Улсын Хэвлэлийн Хэрэг Эрхлэх Хороо, 1966-1969.

Жамбалдорж С. *Тэмээ тэнгэрийн амьтан*. Улаанбаатар, 1997.

Монгол нүүдэлчдийн тайлбар толь I (гэр, хувцас, мал аж ахуй). Улаанбаатар: Монсудар хэвлэлийн газар, 2020.

Монголын угсаатны зүйн хээрийн судалгааны эх хэрэглэгдэхүүн. Боть VI. Эрхэлсэн С. Чулуун; Хянан нягталж, оршил бичсэн Г. Цэрэнханд, У. Булаг. Улаанбаатар, Соёмбо Принтинг, 2011.

Төмөржав М. *Бэлчээрийн монгол мал*. Улаанбаатар, 1989.

Төмөржав М. *Монголын бэлчээрийн мал аж ахуй (Уламжлал, Шинэчлэл, Эрчимжүүлэлт)*. Ред. Ж. Батаа. Улаанбаатар, 2004.

Түмэнжаргал Д., Мэндсайхан Т. *Элжигэн халхын түүх* (гуравдугаар дэвтэр). Улаанбаатар, 2017. 159-163-р тал.

Цэрэнпунцаг Ш. *Тэмээн сүрэг*. Улаанбаатар, 1972.

Цэвээнжав Д. *БНМАУ-ын тэмээний аж ахуйн үндэс*. Улаанбаатар, 1990.

Эрдэнэцогт Н. *Монголын бэлчээрийн мал аж ахуй*. Улаанбаатар, 1998.

¹ Гаадангийн Хоодон, эрэгтэй, нас 60. Увс аймгийн Зүүнхангай сумын Худалдаа бэлтгэл ангийн агент.

References

- Bandi Ch. *Ta min, jingee khöölgökh tsag bolloo* [It's time for you to move your caravan]. Unen [Truth], 1993 on, № 97.
- Bügd Nairamdakh Mongol Ard Ulsyn tüükh* [History of the People's Republic of Mongolia]. Red. B. Shirendav, Sh. Natsagdorj. Ulaanbaatar: Ulsyn Khevreliyin Khereg Erkhlekh Khoroo [State Press Committee], 1966-1969.
- Erdenezogt N. Mongolyn belcheeriyin *mal aj* akhui [Mongolian pastoral livestock]. Ulaanbaatar, 1998 on.
- Jambaldorj S. *Temee tengeriin amitan* [Camels are celestial beings]. Ulaanbaatar, 1997 on.
- Mongol nüüdelchdiin tayilbar toli I (ger, khuvtsas, mal aj akhui)* [Dictionary of Mongolian nomads I (ger, clothes, animal husbandry)]. Ulaanbaatar: Monsudar khevreliyin gazar [Monsudar Publishing House], 2020 on.
- Mongolyn ugsaatny züyin kheeriyin sudalgaany ekh khereglegdekhüin* [Original materials for Mongolian ethnographic field research]. Bot VI. Erkhelsen S. Chuluun; khyanan nyagtalj, orshil bichsen G. Tserenkhand, U. Bulag. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2011.
- Tömörjav M. *Belcheeriyin mongol mal* [Mongolian pastoral livestock]. Ulaanbaatar, 1989 on.
- Tömörjav M. *Mongolyn belcheeriyin mal aj akhui (Ulamjal, Shinechlel, Erchimjüülel)* [Mongolian Pastoral Livestock (Tradition, Innovation, Intensification)]. Ed. J. Bataa. Ulaanbaatar, 2004 on.
- Tserenpuntsag Sh. *Temeen süreg* [A herd of camels]. Ulaanbaatar, 1972 on.
- Tseveenjav D. *BNMAU-yn temeenii aj akhuyin ündes* [Basics of camel breeding in the People's Republic of Mongolia]. Ulaanbaatar, 1990 on.
- Tүменжаргал Д., Менсаикхан Т. *Eljigen khalkhyn tüükh (guravdugaar devter)* [History of Eljigen Khalkh (third book)]. Ulaanbaatar, 2017.159-163-r tal.

УДК 394+811.512.37

КАЛМЫЦКИЕ МЕРЫ ДЛИНЫ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Кермен Петровна Батырева

кандидат филологических наук, доцент
Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Российская Федерация
E-mail: kermen77@yandex.ru

Евгений Владимирович Бембеев

кандидат филологических наук, доцент
Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Российская Федерация
E-mail: galdma@yandex.ru

Жанна Алексеевна Мукабенова

старший преподаватель
Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Российская Федерация
E-mail: zhanna61297@yandex.ru

А н н о т а ц и я

Статья посвящена исследованию мер длины в калмыцком языке. Народные термины в отличие от универсальных официальных государственных мер, образующих соотносительную систему метрологических единиц, характеризуются тесной связью с конкретными занятиями населения (скотоводство, промысел, ремесла и т.п.). В процессе своего исторического развития калмыки создали и пользовались целой системой народных мер, которая широко применялась до начала XX в. Народные меры находили широкое применение в практической жизни калмыцкого народа. Они уходят своими корнями в глубокую древность, что подтверждается их функционированием в эпосе «Джангар», в народных сказках, пословицах, загадках, поговорках. В основе мер длины «утын кемжэн» использовалось расстояние, равное различным частям тела человека: *тə* 'пядь' — это длина, равная расстоянию между вытянутыми большим и средним пальцами обычно правой руки, *тоха* 'локоть'. Таким образом, народные названия мер длины калмыков имеют общемонгольское ядро, а также некоторые специфические особенности.

К л ю ч е в ы е с л о в а

Калмыки, метрология, длина, расстояние, лексика.

UDC 394+811.512.37

KALMYK MEASURES OF LENGTH: ETHNOLINGUISTIC ASPECT

Kermen Petrovna Batyreva

PhD, Associate Professor

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

E-mail: kermen77@yandex.ru

Evgeny Vladimirovich Bembeev

PhD, Associate Professor

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

E-mail: galdma@yandex.ru

Zhanna Alekseevna Mukabenova

Senior Lecturer

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

E-mail: zhanna61297@yandex.ru

Annotation

The article is devoted to the study of Kalmyk measures of length. Folk terms, in contrast to universal official state measures forming a correlated system of metrological units, are characterized by a close connection with specific occupations of the population (cattle breeding, fishing, crafts, etc.). In the course of their historical development, the Kalmyks created and used a whole system of folk measures, which was widely used until the beginning of the XX century. Popular measures were widely used in the practical life of the Kalmyk people. They have their roots in ancient times, this is confirmed by their functioning in the epic “Dzhangar”, in folk tales, proverbs, riddles, sayings. For example, in the basis of the measures of length “utyn kemjan”, a distance equal to different parts of the human body was used. For example: töö ‘span’ is the length equal to the distance between the outstretched thumb and middle fingers of the usually right hand, toha ‘elbow’. For example: töö ‘span’ is the length equal to the distance between the outstretched thumb and middle fingers of the usually right hand, toha ‘elbow’. Thus, the folk names of the measures of lengths of the Kalmyks have common Mongol core, as well as some specific features.

Keywords

Kalmyks, metrology, length, distance, vocabulary.

ВВЕДЕНИЕ

Меры длины, как одно из средств осознания окружающего мира и необходимый элемент производственного процесса, относятся к древнейшим народным знаниям. История метрологии — это существенная часть истории развития народа, его уклада жизни, производительных сил, государственности, торговли. Как справедливо отмечает в своей работе «Очерки истории русской метрологии» Н.А. Шостьин «...погружаясь в глубину веков, анализируя процесс появления и развития мер и систем единиц, сходство и различие их в разных государствах, можно судить не только об уровне развития общества, но и о развитии экономики, архитектуры и строительства, кораблестроения, культивируемых сельскохозяйственных культур, а, следовательно, и о быте, рационе питания, становлении государств, о торговых связях между ними и, возможно, даже о психологии разных народов» (Шостьин, 1975: 3).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В ходе исследования из словарей методом сплошной выборки был отобран, проанализирован и классифицирован лексический материал, относящийся к изучаемой теме. Источниками языкового материала послужили калмыцко-русский словарь под редакцией Б.Д. Муниева (КРС, 1977), произведения калмыцкого фольклора, эпос «Джангар». При написании настоящей статьи авторы основывались на принципах историзма, лингвистического анализа, а также опирались на методы научного познания, применимые для лексикологических исследований, используя преимущественно сравнительно-исторический и сопоставительный методы.

ОБСУЖДЕНИЯ

Исследования в области калмыцких народных мер длины сопряжены со слабой изученностью этого вопроса в этнографической литературе. Имеющиеся источники и научные изыскания недостаточно отражают специфику мер длины и требуют дополнительного исследования. Этимология и история отдельных метрологических терминов в калмыцком языке рассматривалась в работах М.У.Монраева (1981), Ц.Д. Номинханова (1975), Г.Ц. Пюрбеева (1996; 2015), Б.Х. Тодаевой (1976). Однако в целом термины, обозначающие меры длины, до сих пор не являлись объектом системного лингвистического описания. Термины, обозначающие официальные меры длины, представляют собой компактную группу — терминологическую систему, члены которой находятся в определенном отношении друг с другом.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Народные термины в отличие от универсальных официальных государственных названий мер, образующих соотносительную систему метрологических единиц, характеризуются тесной связью с конкретными занятиями населения (промысла,

ремесла, земледелие и т.п.). Будучи тесно связанными с определенными областями человеческой деятельности, термины, обозначающие народные меры длины, целиком относятся к той или иной специальной терминологии и друг с другом обычно не соотносятся. Для народных мер и связанных с ними терминов характерно также отсутствие взаимозависимости между отдельными единицами измерения и называемыми их терминами, отсутствие кратных отношений, свойственных мерам, образующим официальные метрологические системы, даже в пределах одной специальной терминологии.

Народная метрология формировалась из потребностей производственной деятельности. Повседневной практикой выработаны способы измерения расстояний, площадей разных конфигураций, сыпучих и жидких веществ, система счета и графическое изображение цифр, созданы лексические единицы измерения, входящие в терминологическую систему метрологии.

С древнейших времен человек начал использовать меры для практических надобностей: строительства жилья, изготовления предметов быта и т.д. Исследователь древнерусской метрологии Н.А. Шостьин пишет, что процесс появления мер и средств измерений у разных народов значительно не отличался и «...как и везде первыми появились меры длины, которыми служили части человеческого тела или отрезка пути, преодолеваемые за более-менее определенный интервал времени (например, день)» (Шостьин, 1975: 15).

В процессе своего исторического развития калмыки создали и пользовались целой системой народных мер, которая широко применялась до начала XX века. Народные меры находили широкое применение в практической жизни калмыцкого народа. Они уходят своими корнями в глубокую древность, это подтверждается их функционированием в народных сказках, пословицах, загадках, поговорках, в эпосе «Джангар». Например, в основе мер длины «утын кемжэн» использовалось расстояние, равное различным частям тела человека. Например: *тө* 'пядь' — это длина, равная расстоянию между вытянутыми большим и средним пальцами обычно правой руки (эта мера находила применение в плотничьем деле, у портных, сапожников и др.), *тоха* 'локоть', равный общей толщине 24 пальцев (Монраев, 1981: 63).

Эти меры известны и в настоящее время, но в жизни, как правило, не применяются. Многие из них утратились в связи с введением в СССР единой метрической системы мер.

Калмыки, как и многие другие народы, не имея точных единиц измерения, использовали различные предметы обихода и даже части тела. Измерение одного предмета велось в сравнении с другим. Большая часть народно-бытовых мер длины получила свои названия по предмету, использованному в качестве измерителя. Анализируемые названия мер длины можно разделить по тематическим группам, т.е. классифицировать:

- 1) мера, обозначающая высоту или глубину (используется предельный падеж с морфологическим показателем -ца/-цэ);
- 2) длина, измеряемая при помощи пальцев рук;
- 3) длина, измеряемая при помощи рук;
- 4) длина, измеряемая при помощи ног;

- 5) длина, измеряемая при помощи предметов быта;
- 6) меры длины, измеряемые пространством, расстоянием;
- 7) меры длины, измеряемые длительностью времени суток.

В монгольских языках предельно малые величины сравнивались с конским волосом. Так, *мөрн килһсн* равнялся 0,1 мм, а просто *килһсн* «волос» — 0,01 мм, *хөн килһсн* — 0,01 м. «По свидетельству А.П. Беннигсена, в монгольской системе мер лошадиный волос приравнивался к 8-ми заметным пылинкам. Он так же приводит такие меры, как *бүдүн тос* ‘заметная глазом пылинка’, *нэрн тос* ‘незаметная пылинка’» (цит. по Монраеву, 1981; 62).

Для указания мелких вертикальных измерений, обозначающие высоту или глубину, используется расстояние от ступни до определенных частей человеческого тела: *шаһаца* ‘по щиколотку’, *өвдгэ* ‘по колено’, *белкүсэ* ‘по пояс’ и т.д. Эти лексемы образуются путем использования предельного падежа с морфологическим показателем *-ца/-цэ*. Надо полагать, что в глубокой древности такие отвлеченные понятия, как глубина, высота, толщина люди воспринимали как нечто соизмеримое с частями тела, отдельными предметами юрты, то есть последние служили своеобразной шкалой измерения. Г. Д. Санжеев пишет: «Имена в этом падеже, встречающемся весьма редко, имеют окончание *-ца* или *-цэ* (по гармонии гласных) и отвечает на вопрос: до кого (кенцэ), до чего (ююца) в высоту... Имена в предельном падеже теряют гласный *н...*» (Санжеев, 1940: 49). Следует отметить, что в современном калмыцком языке предельный падеж не входит в систему склонения имен существительных, подвергся адвербиализации, данная форма падежа употребительна в произведениях художественной литературы, фольклоре и в разговорной речи. Формой данного падежа, как правило, обозначается глубина или высота чего-либо, то есть указанная падежная форма сама по себе связана с пространственными представлениями. Необходимо отметить, что в образовании предельного падежа участвуют немногие слова, составляющие особый раздел лексики: названия частей тела живых существ, иногда отдельные части жилища, дома, сбруи оседланной лошади. Например: *күүнэ шаһаца* ‘глубина до лодыжки человека’, *күүнэ өвдгэ* ‘глубина до колена человека’, *күүнэ белкүсэ* ‘до поясницы человека’, *күүнэ күзүцэ* ‘до шеи человека’. Кроме того, мерой измерения глубины воды служила (за исключением воды в колодце) заседланная лошадь: *мөрнэ туруца* ‘вода едва покрывает копыта лошади’, *мөрнэ өвдгэ* ‘глубина до голени лошади’, *мөрнэ гесэ* ‘глубина до брюха лошади’, *мөрнэ дөрэцэ* (дөрэд күрнэ) ‘глубина достигает стремени’, *мөрнэ тохмца* (тохмд күрнэ) ‘глубина до потника’, *мөрнэ эмэлцэ* (эмэлд күрнэ) ‘глубина до деревянной части седла’ и т. п.

Употребление подобных описательных выражений, передающих очень конкретно и ситуативно то или иное метрологическое понятие, практически не ограничено. Некоторые из них воспроизводятся в речи довольно часто, другие — реже. В калмыцком фольклоре известна поговорка:

<i>Тохацаһан тоснд,</i>	По локоть в масле,
<i>Өвдгэһэн өөкнд.</i>	По колено в жире.

Шириной пальцев рук, а также расстоянием между ними узнавали длину и толщину предметов. Лексема *хурһн* ‘палец’ является основной единицей измерения,

которая равняется общей толщине 7 зерен. «7 зерен ржи, — писал И. Бентковский, — положенные рядом... равны толщине одного пальца» (Бентковский, 1875: 20).

Тавн хурхан нег хамт

Пять пальцев разом

Амндан кеж багтах уга.

Засунуть в рот нельзя.

В материалах фольклора, в памятниках старокалмыцкой письменности сохранились устаревшие формы меры длины: *хуру* «три», *дөрү* «дөрвн». Меры измерения толщины *хуру*, *дөрү* часто встречаются в текстах эпоса «Джангар», также в эпосе находим лексему *сарвн*, обозначающую толщину в пять пальцев.

Бас чигн энгин оln сээдүд шинжлжэнэ.

И множество сайдов осматривают (коня).

Күүндсн үгнь:

Говорят между собой:

«Сээр деерэн *сарвн*,

«Со слоem жира в пять пальцев на крупе,

Сэрсн суудан *хуру*,

Со слоem жира в три пальца на тонкокожей

Һунн шар цоохр итлгэс

подмышке,

Эгл улан тоосан геелһж,

Быстрее трехлетнего желто-пестрого

Гегэтэ нарта харм хурдн».

балобана,

(ЭО IV)

Оставляя за собой красную пыль

Под сиянием восходящего солнца.

Сээр *сарвн*,

Расстояние таково: трехлетняя

Сэрсн суудан *хуру*

желто-крапчатая самка балобана,

Һунн шар цоохр итлг

С жиром в пять пальцев на крупе,

Һурв өндгэд, һурв һуужад,

С жиром в три пальца на тонкокожей

Күрнүв, угав гих һазр

подмышке,

(ЭО IV)

Трижды в пути яйца снесет, трижды

выведет птенцов,

Но долетит или нет — неизвестно.

Хойр хардж магна хоорнднь

Схватив двумя руками (бердыш),

Хонһр цокад окв —

Хонгор ударил его по лбу —

Өэв балтнь чолу цоксн мет,

Посыпались искры, будто о камень

Һал падрад, ирнь *дөрү* дүнгэ кү тусв.

ударили бердышем,

(ЭО IV)

От лезвия шириной в *четыре* пальца

отломился кусок.

Весьма широко у монголоязычных народов распространена мера *сөм* ‘пядь, расстояние между концами вытянутого большого и указательного пальцев’. В фольклоре эта мера увековечилась в исторической песне «Сөм хамрта парнцс» (‘Французы с носами длиной в пядь’), посвященной Отечественной войне 1812 года. Кроме этого, встречается мера *мухр сөм* ‘малая пядь, расстояние между раздвинутыми большим пальцем и указательным с подогнутыми двумя суставами’.

В калмыцкой метрике часто употреблялась и другая мера длины — *тө* ‘пядь, старинная мера длины, равная расстоянию между концами вытянутых большого и безымянного пальцев’. Например: *Тө тарһнас толһан менднь деер* ‘Чем иметь жир в пядь, лучше быть живым-здоровым’; в названии сказки «*Тавн тө сахлта, нег тө өвгн*» ‘Старик ростом с пядь и бородой в пять пядей’.

Термином *бэрм* ‘хват’ обозначалась мера длины в сжатый кулак, в котором большой палец прилегает к указательному. Образовался он от глагола *бэрх* ‘держатъ,

брать в руки'. Мера длины *бэрм* приблизительно равняется 10 сантиметрам. Бытует термин *хош бэрм* (хош — от хойр «два») — двойной хват. По данным К. Ф. Голстунского, *хош бэрм* равнялся футу (1 фут = 30,48 см) (Голстунский, 1938: 158).

Меры длины, которые измеряются при помощи рук, включают в себя следующие лексемы:

1) *алд* 'маховая сажень, мера длины, равная 4 локтям, т. е. длине раскинутых горизонтально рук (2,13 м)':

Сай өркэр авсн
Күүкн Күрң Һалзнта,
Найн негн алд ээв балтнь
Ээмэснь хөөһдго,
Залу ямр чиирг болв гиж,
Мөрн деер кү торһдг уга,
Күмни начн
Күнд Һарга Савр болна
(ЭО IV)

Эн дундас
Сананас *делм* хурдн,
Салькнас *алд* хурдн,
Дээни көлд дасгсн
Алтн Шарһарн,
Орчлңгин Сээхн Миңъян мини,
Һанц бийэр йовад...
(ЭО IV)

Алд цаһан кермн (КРС, 1977: 35).

Алд хар хаж (КРС, 1977: 35).

Алд мод бэрэд Алта төгэлэд,
Делм мод бэрэд делкэ төгэлх.

Есть сокол среди людей —
Тяжелорукий Савар
С бурой кобылицей Лыско
Стоимостью в миллион семейств
(подданных),
Его 81-саженный бердыш
Всегда с ним на его плече,
Как бы ни был силен мужчина,
От его удара на коне не удержится.

Из них
Быстрее мысли на полсажени,
Быстрее ветра на *сажень*,
Привыкшем к сражениям
На своем Алтан Шарге,
Мой Прекраснейший в мире Мингъян,
Отправляйся один.

саженная белая белка;

саженная черная коса

С палкой длиной в сажень обойти Алтай,
С палкой длиной в полсажени обойти всю
Вселенную

2) *делм* 'полусажень, мера длины, равная половине маховой сажени; расстояние от согнутого локтя одной руки до кончиков пальцев другой руки'. Судя по источникам, *делм* был широко употребляемой мерой измерения. Так, калмыцкая пословица гласит: *Ахиг алд күндлдг, дүүг делм күндлдг* 'старшего уважают на сажень, младшего — на полусажень'. Сочетанием лексем *алд* и *делм* передавалось понятие 'полторы сажени' (*алд делм*).

Улан торһн жолаһинь
Өмн бүүргтнь өлгв.
Шар хавхан үүднд
Арвн алд бул торһн
Цулвраснь алд делм бэрэд зогсв.
(БМ III)

Һээмн делм чиктэ мөрн

Красные шелковые поводья
На переднюю луку седла набросил.
У дверей желтого дворца
За десятисаженный мягкий шелковый чембур
На полтора сажени (от себя) держал он
(коня).
Конь с длинными (букв. в восемь полусаженей)
ушами

В калмыцком фольклоре часто можно встретить древнюю меру *тоха* ‘локоть’, которая свойственна метрологии всех или почти всех народов (Шостин, 1975: 58). В калмыцкой народной метрологии данная мера представляет длину локтя, т. е. расстояние по прямой от локтевого сгиба до конца вытянутого среднего пальца руки, или расстояние, равное общей толщине двадцати четырех пальцев. Например:

Ямр дүнгэ күчтэ	«Какая же сила этого человека?» —
Күмб гиж шинжлхлэ,	На лбу его
Маңна деернь	Мощь Махакалы воплотилась,
Мах-Һалын күчн төгсгсн,	На темени мощь Зункавы воплотилась;
Зула деернь Зуңквин күчн төгсгсн,	На макушке мощь <i>Очирвани</i> воплотилась;
Ора деернь Очр-Ваанин күчн төгсгсн,	Лопатки его — в семьдесят пять саженой,
Даларн далн тавн алд,	Бедро — в восемьдесят пять саженой,
Давсгарн найн тавн алд,	Поясница — в тридцать пять локтей ,
Тал дундаһурн	Мощь двенадцати львов в них
Һучн тавн <i>тоха</i> ,	воплотилась;
Арвн хойр арслңгин күчн төгсгсн,	В его крепких икрах
Эрэн сэн бульчнднь	Мощь восьми тысяч <i>шулмусов</i>
Эгц нээмн миңһн шулмин күчн төгсгсн,	воплотилась.
Мөрн деернь мордулж нег шинжлэд,	На коня посадив, изучали его,
Мөрнэснь буулһж нег хэлэн шинжлэд,	С коня ссадив, изучали его.
«Ө уга», — гиж	«Нет изъянов, — решили
Шаран зурһан миңһн	Шесть тысяч
Арвн хойр бийэри күүндэд...	Двенадцать богатырей.

(ЭО VIII)

Негнь <i>тохан</i> чингэ тарха болад,	Один — плешивец с <i>локоть</i> ростом,
Негнь ик хар бөк болад зогсв.	Другой — огромный смуглый борец.

(ЭО VII)

К единицам измерения длины можно отнести и следующие лексемы: *имк* ‘углубление на ладони’, одна из мер длины, приблизительно равная дюйму. (1дюйм=2,54см). Например: *Тал дундаһурн миңһн нег имкин тедунжсн одн нэхлэд...* (*Джангар*) «В талии тысяча и один дюйм качается — вот-вот переломится».

К традиционным мерам длины относятся также измерения при помощи ног: *алхм* ‘шаг’, *ишкм* ‘шаг’, *ишкдл* ‘шаг’. Например: *тер нег алхмд чигн хоцрлго йовв* ‘он не отставал ни на шаг’; *энүнэс хойр алхм кех һазрт* ‘в двух (нескольких) шагах отсюда’; *алхм алхмар* ‘шаг за шагом’; нег *ишкм* ‘одна ступня’; нег чигн *ишкм* өмэрэн эс кех ‘шагу не сделать для кого-чего-либо’.

Орхан сангсн Бульңһрин көвүн нойн һанц	Решивший войти (во дворец) сын
Санл	Булингира одинокий нойон Санал,
Бадм нертэ дуулхихән	Шлем, именуемый «Бадма»,
Барун цох талан һаңхулс гиж дарад,	Надвинув картинно на правый висок,
Мээмр—мээмр ишкмнэд,	Плавно покачиваясь,
Марзң—марзң инәнһэд,	Широко улыбаясь,
Дарцг цаһан үүдинь	Широкую белую (войлочную) дверь
Дал деегүр дошулад орад ирхнь...	Откинув за спину, вошел.

(ЭО VII)

Шур мөңгн сүүлтэ,
Цөөкхн ишкдлтэ,
Дөрвн болд хар турута...
(БЦ I)

С хвостом кораллово-серебристым,
С широким *шагом*,
С 4 стальными черными копытами...

Для измерения больших расстояний используются следующие лексемы: *аршм*, *дун*, *беерэ*, *өртө* (*өртң*).

Лексема *аршм*, по нашему мнению, является заимствованием из русского языка — аршин. В свою очередь, в русскую метрологию эта мера была заимствована с Востока и «появляется в источниках с середины XVII века. Происхождение наименования «аршин» до настоящего времени точно не установлено. Его обычно производят от наименования турецкой меры длины «аршим» (70,9 см) или от персидского «арши» — мера длины» (Очерки..., 1975: 57). В калмыцком языке эта лексема используется в фольклорных произведениях, в тексте эпоса «Джангар». Эта мера длины нередко сопровождается послелогом сравнения «дүңгэ».

«Мана богд Жаңһрин бэдиң дорхнь
Ямаран гилт?» гилд хархла,
Өргдэн аршм өргн,
Өндртэн теңгрт күрм болж медгдв.
(ЭО VII)

«Каков он по сравнению с дворцом
Нашего богдо Джангара?» — Подумав,
когда всмотрелся,
Ему показалось: шире он на аршин,
Так высок, что достигает небес.

Аршм дүңгэ өргн болад,
Нег хурһн дүңгэ өндр болв.
«Бас нег дөрвн түвиг эзлсн
Ах кишгтэ амтни
Бэдиң биз?» — гижэ санад...
(ЭО VIII)

Шире на один аршин,
На один палец выше был он.
«Видимо, это дворец
Еще одного счастливого властителя
Четырех континентов», — подумал.

Мера длины *дун*, *дууна* *һазр* трактуется в калмыцком как 1) *уст.* верста и 2) километр. В калмыцко-русском словаре А. М. Позднеева это понятие закреплено как ‘расстояние, на котором слышен крик человека, равное версте — 1,06 км’ (Позднеев, 1911: 222).

Дууна чигэ һазрас
Гүүжэ ирэд,
Цергин захас һарэдхлэрн,
Бэдиңгин зивгд оч тусв.
(ЭО III)

Разбежавшись
С расстояния *версты*,
У самого края войска когда подпрыгнул,
Попал на дворцовый карниз.

Дугтуһасн мөлтрсн цагтан
Дүүрң арвн тавна сар-нарни гегэтэ,
Хөрн тавна дууна һазрас
Күжэ күкрин үнр күңкнсгэр йовдг
Аһ Шавдл хатн санжэ гинэ
(ШД: ЖМ)

Когда (волосы ее) вне чехла своего пребывают,
То свет полной луны (исходит),
На расстоянии двадцати пяти *верст*
Запах можжевельника источает.
Такова Ага Шавдал ханша, говорят.

В калмыцкой традиционной метрической системе встречается термин *берэ/беерэ* ‘расстояние в милю, соответствует 8-ми верстам’. Часто встречается в эпосе «Джангар» и фольклорных произведениях. Это слово в словаре А. Позднеева написано на тодо бичик как *бере* и имеет следующие значения: ‘I. младшая невестка, молодница,

сноха; II. миля'. В словарной статье приводится пример: *nauiman tosor duurisxuyigi nige bere keteemii* (*нээмн тоср дуурсхыг бер гинэ*) 'восемь пространств, с которых слышим голос (человека), называется милей' (Позднеев, 1911: 126). В словаре монгольских иностранных заимствований О. Сухэбаатара указано на санскритские корни этого слова: «бээр сам. para(sanga) мо. б. ber-е найман гөршийн хэмжээ. Бараг дөрвөн газартай тэнцэнэ 'мера длины, равная 576 м' (Сүхбаатар, 1997: 50). Гөрш — это термин санскритского происхождения, обозначающий единицу расстояния. Согласно Артха-шастре, кроша или кос составляет около 3000 метров, или 1,8 мили.

*Туулэжн шар цоохр итлгнь девхлэрн,
Йирн берэн хазр девдг
Йир хурдн итлг
Зууран күүклэж хатлм,
Бээмн гих өргн Бумб дала
Хан нойн Жаңһрин дала гижэ
Хэр долан миңһн хаани зүүдн болв.*
(ЭО III)

Широкий Бумба-океан, который
Пересекает, на лету и птенцов выводя,
5-летний желто-пестрый балобан,
90 верст-беря покрывающий махом крыльев,
Столь стремительный балобан,
Хана-нойона Джангара (владением)
Называемый океан
Чужеземных 7 тысяч ханов сновидением стал.
«Согласен!» — молвит (Джангар).
«Таш!» — раздался цокот копыт.
Холеная бурая Лыско
Одним прыжком преодолела пять бэров.

*«Не»гисн зэрлгт
Тахин үзүр «таш» гив,
Тав болсн Күрң Галзн
Тавн берэ хазрт өсрэд тусв.*
(ЭО III)

В традиционной метрологии использовался еще один термин *өртө* (*өртң*) 'почтовая станция, расстояние, равное перегону между уртонами, почтовыми станциями — 30–40 км'.

Меры длины и высоты также могут передаваться с помощью конструкции: лексема + послелог сравнения *дүңгэ, чиңгэ, чигэ* 'размером с'.

Өсрэд одсн шаврнь

Отлетавшие комья земли

Жолм герин дүңгэ болад...

Были размерами с джолум.

В фольклорных произведениях нередко встречаются термины относительных расстояний и длины, которые образованы с помощью слов, обозначающих предметы или время. Например, расстояние, равное полету стрелы, — *ондсн хазр, нумлн хазр*, расстояние, равное времени, — *хонга хазр, өдрэ хазр*.

Дөчн йисн хонга хазриг

Расстояние, равное 49 суткам,

Дола хонад күрэд ирв. (ЭО VI)

Преодолел за 7 ночевок.

Дун уга нээмн миңһ дарад одв.

Молча восемь тысяч раз сдавил.

Өмн хойр көльн

(Конь) передние ноги свои

Өдрэ хазр,

На дневное расстояние,

Хөөт хойр көльн

Задние ноги

Хонга хазр тальвад одв. (ЭО VI)

На суточное расстояние отбрасывает.

Дэжн хурвн сара хазрт гүүлсн цагт,

Еще проскакал (на коне) расстояние, равное
трем месяцам,

Өл Маңхн Цаһан уулын ора харһад ирв.

(ЭО VI) Показалась вершина Сизо-белой горы.

Относительно определения расстояний *өдрэ хазр* 'день пути (пешком, на лошадей)', *хонга хазр* 'расстояние, равное суткам пути' следует сказать, что они складывались с учетом длительности времени, рельефа, нагруженности рабочего скота,

передвижения в одиночку или группами. Так, в зависимости от последнего продолжительность дня пути колеблется у монгольских народов в пределах от 50 до 80 км (Монраев, 1981: 65).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, народная метрология калмыков имеет как общемонгольское ядро, так и некоторые специфические особенности. Возникнув на почве различных занятий, меры длины оставались на протяжении веков постоянными или изменялись под воздействием технического прогресса, обмена культурными ценностями с другими народами. В первую очередь традиционная метрология сохранила начальный (доисторический) этап становления метрологии, который характеризуется использованием таких неопределенных мер, как части тела человека (сөм, тоха, алхм), условных единиц, связанных с физическими (голосовыми) способностями человека (дун), которые заключали в себе моменты субъективизма. В настоящее время традиционная метрология калмыков в большей части канула в лету, оставшись только в фольклорных произведениях или старописьменных памятниках, уступив место общепринятым мировым стандартам.

БЛАГОДАРНОСТИ

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 19-012-00531 «Лексика материальной культуры калмыцкого языка: опыт этнолингвистического исследования» и № 19-512-44002 / 19 «Народное декоративно-прикладное искусство ойратов Монголии и калмыков России: общее и особенное в сравнительно-сопоставительном анализе».

Источники

Багацохуровский цикл

[БЦ: I] Дуут богд Жаңһр Догшн Хар Кинесиг дөрэцүлгсн бөлг.

Цикл песен из репертуара Ээлян Овла

[ЭО: III] Баатр Хар Жилһн хаанла бээр бэрлдгсн бөлг.

[ЭО: IV] Хошун Улан, баатр Жилһн, Аля Шоңхр һурвна бөлг.

[ЭО: V] Буурл һалзн мөртэ Бульһрин көвүн Догшн Хар Санлын бөлг.

[ЭО: VII] Күнд һарта Саврин бөлг.

[ЭО: VIII] Орчлңгин Сээхн Миңьян Түрг хаани түмн шар-цоохр агт көөгсн бөлг.

Цикл песен из репертуара Басһа Мукөвүн (Мукебена Басангова)

[БМ: III] Ар үзгт бээдг Шар Кермн хаана шур делтэ, сувсн сүүлтэ, сээхн күрн һалзн адур Хоңһрин көөгсн бөлг.

Цикл песен из репертуара Шавалин Дава (Давы Шавалиева)

[ШД: ЖМ] Жаңһрин магтал.

Литература

- Бентковский, И. (1875). *Калмыцкий календарь на 1875 год*. Ставрополь.
- КРС *Калмыcko-русский словарь* (1977) / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977.
- Голстунский, К.Ф. (1938). *Монгольско-русский словарь*. Т. II. Л.
- Монраев, М. У. (1981). *Меры длины в калмыцком языке* // Исследования по лексике калмыцкого языка. Элиста. С. 60–65.
- Номинханов, Ц.-Д. (1975). *Материалы к изучению истории калмыцкого языка*. Москва: Наука, Гл. ред. вост. лит.
- Позднеев, А. М. (1911). *Калмыcko-русский словарь в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах*. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук.
- Пюрбеев, Г. Ц. (1996). *Толковый словарь традиционного быта калмыков*. Элиста: Калм. кн. изд-во.
- Пюрбеев, Г.Ц. (2015). *Эпос «Джангар»: культура и язык (=Жаңһр дуулвр: сойл болн келн) / на русском и калмыцком языках*. 2-е изд., перераб. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар»».
- Санжеев, Г.Д. (1940). *Грамматика калмыцкого языка*. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР.
- Сүхбаатар, О. (1997). *Монгол хэлний харь үгийн толь*. Улаанбаатар.
- Тодаева, Б.Х. (1976). *Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар»*. Элиста: Калм. кн. изд-во.
- Шостъин, Н.А. (1975). *Очерки истории русской метрологии. XI–начало XX века*. 2-е изд. М.: Изд-во стандартов.

References

- Bentkovsky, I. (1875). *Kalmyk calendar for 1875*. Stavropol.
- Kalmyk-Russian Dictionary* (1977) / edited by B. D. Muniev. M.: Russian language, 1977.
- Golstunsky, K.F. (1938). *Mongolian-Russian dictionary*. Vol. II. L.
- Monraev, M. U. (1981). Measures of length in the Kalmyk language // *Studies on the vocabulary of the Kalmyk language*. Elista. 60–65.
- Nominkhanov, Ts.-D. (1975). *Materials for the study of the history of the Kalmyk language*. Moscow: Nauka, The main editorial office of Oriental literature.
- Pozdneev, A. M. (1911). *Russian Russian dictionary in the manual for the study of the Russian language in Kalmyk primary schools*. St. Petersburg: Printing house of Imp. Academy of Sciences.
- Pyurbееv, G. Ts (1996). *Explanatory dictionary of the traditional life of the Kalmyks*. Elista: Kalmyk Book Publishing house.
- Pyurbееv, G.Ts (2015). *The epic «Dzhangar»: culture and language (=«Dzhangar» duulvr: soyl boln keln) / in Russian and Kalmyk languages*. 2nd ed., reprint. Elista: ЗАОр «NPP «Dzhangar»».
- Sanzheev, G.D. (1940). *Grammar of the Kalmyk language*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR.
- Sukhbaatar, O. (1997). *Dictionary of foreign words of the Mongolian language*. Ulaanbaatar.
- Todaeva, B.H. (1976). *The experience of linguistic research of the epic «Dzhangar»*. Elista: Kalmyk Book Publishing house.
- Shost'in, N.A. (1975). *Essays on the history of Russian metrology. XI–the beginning of the XX century*. 2nd ed. Moscow: Publishing House of Standards.

УДК 930+94(571)+94(574)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ ПРИКАСПИЙСКОГО РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 1920-1930-е гг.: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА

Екатерина Николаевна Бадмаева

доктор исторических наук, доцент, директор,
Международный научный центр «Ойраты и калмыки на евразийском пространстве»,
Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, Элиста,
Российская Федерация
E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

Эллара Уляевна Омакаева

кандидат филологических наук, доцент
Калмыцкий государственный университет, Элиста, Россия
E-mail: elomakaeva@mail.ru

А н н о т а ц и я

На современном этапе изучение кочевых образований прошлого вызывает неослабевающий интерес у российских и зарубежных ученых. В их исследованиях находит свое отражение история кочевых народов Центральной Азии. Однако можно выделить довольно ограниченное по своей тематике и хронологическим рамкам количество научных работ, в которых рассматривается трансформация традиционных кочевых обществ Прикаспийского региона в контексте социально-экономической политики Советского государства в 1920-1930-е гг. Научные исследования трансформации традиционных кочевых обществ Прикаспийского региона отличаются разнообразием тематики и многоаспектностью проблематики. Широкий охват изучения истории и культуры кочевых обществ (от возникновения кочевого скотоводства, его расцвета, статуса в советские годы и до современного состояния в условиях глобализации). Актуальность заявленной проблематики обусловлена общественно-политической востребованностью выработки взвешенного подхода к нашему общему прошлому в условиях евразийского интеграционного процесса. Поставленные вопросы недостаточно изучены в научном отношении (при всем богатстве историографии!). В рамках настоящей статьи авторы попытались проанализировать высказанные ранее суждения по указанной проблематике и, опираясь на объективную оценку современного состояния историографии, сформулировать те принципы, которые могли бы составить теоретико-методологическую основу дальнейших исследований.

Ключевые слова

Традиционные кочевые общества, трансформация, Прикаспийский регион, социально-экономическая политика, 1920–1930-е гг.

UDC 930+94(571)+94(574)

TRANSFORMATION OF TRADITIONAL NOMADIC SOCIETIES OF THE CASPIAN REGION IN THE CONTEXT OF SOCIO-ECONOMIC POLICY OF THE SOVIET STATE IN 1920-1930: THE CURRENT STATE OF THE ISSUE

Badmaeva Ekaterina Nikolayevna

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Director
“International Scientific Center “Oirats and Kalmyks in the Eurasian Space”, Kalmyk State
University, Elista, Russian Federation
E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

Omakaeva Ellara Ulyaevna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation
E-mail: elomakaeva@mail.ru

Annotation

At the present stage, the study of nomadic formations of the past arouses unflagging interest among Russian and foreign scientists. Their research reflects the history of the nomadic peoples of Central Asia. However, it is possible to single out a rather limited number of scientific works in their subject matter and chronological framework, in which the transformation of the traditional nomadic societies of the Caspian region is considered in the context of the socio-economic policy of the Soviet state in the 1920s-1930s. Scientific research on the transformation of traditional nomadic societies in the Caspian region is distinguished by a variety of topics and multidimensional problems. The scope of the study of the history and culture of nomads is wide (from the emergence of nomadic pastoralism, its flourishing, status in the Soviet years and up to the present state in the context of globalization). The relevance of the stated problems is due to the socio-political demand for a balanced approach to our common past in the context of the Eurasian integration process. The questions posed have not been sufficiently studied scientifically (for all the richness of historiography!). Within the framework of this article, the authors tried to analyze the previously expressed judgments on the indicated problems and, relying on an objective assessment of the current state of historiography, to formulate those principles that could form the theoretical and methodological basis for further research.

Keywords

Traditional nomadic societies, transformation, Caspian region, socio-economic policy, 1920–1930s.

ВВЕДЕНИЕ

Говоря о современном этапе историографии по истории кочевых народов, необходимо отметить, что произошло полное переосмысление и смена научных парадигм, выработаны новые методологические подходы к истории номадизма с учетом взаимовлияния зарубежных и отечественных концепций, что подтверждается научными трудами современных российских и зарубежных исследователей (Трепавлов, 2015; Крадин, 2006; Васютин 2005; Масанов, 1995; Ходарковский, 2019 и др.). Рассматривая современное состояние исследований по заявленной проблематике в мировой науке, необходимо провести небольшой анализ публикаций в более ранний период. Вопрос о социальной истории и особенностях исторического развития номадов не ставился в исторической науке вплоть до конца XIX – начала XX вв. Однако в связи с трансформацией образа жизни и быта кочевников, переходом их на оседлый образ жизни и изменением форм хозяйства и характера их экономических и общественных отношений появились исследовательские работы с различными взглядами и оценками характера и степени влияния природных условий на историческое развитие кочевых обществ (Радлов, 1882; Радлов, 1883; Аристов, 2003).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В 1920-е гг., исходя из идеологического и классового подходов, процессы седентаризации рассматривались как необходимая историческая закономерность (Погорельский, 1934; Косаков, 1932; Зверьяков, 1932 и др.). В 1930–1940-е гг. внимание советских исследователей стало устремляться к процессу завершения перехода на оседлый образ жизни и созданию коллективизации в Казахстане, Средней Азии, Калмыкии и других кочевых и полукочевых регионов страны. С конца 1950-х – начала 1960-х гг. возникает интерес к проблемам номадизма у мирового научного сообщества и международных организаций (ЮНЕСКО, МОТ и др.). Благодаря инициативе этих всемирных организаций стали проходить международные форумы и научные конференции с участием советских ученых.

В 60–80-е гг. XX в. отмечается всплеск в изучении социальной истории номадизма, активно развивается теория раннеклассовой концепции и появляются специальные работы, ставившие под сомнение феодальное развитие кочевых обществ.

К ним следует отнести труды известного российского ученого Л. Н. Гумилева, в которых он, опираясь на обширный массив неопубликованных материалов, подвергает сомнению устоявшуюся в советской историографии феодальную (патриархально-феодальную) концепцию (1960; 1973; 1989). Его уникальный труд «Этногенез и биосфера Земли» исследует проблему движения народов (в том числе кочевников) в поисках своей идентичности. Выдающийся историк считал его главным делом своей жизни: здесь были сформулированы и подробно развиты основные положения разработанных им теории этногенеза и учения о пассионарности. Но судьба работы оказалась непростой. Рукопись была защищена автором в 1973 г. как вторая докторская

диссертация и в 1979 г. депонирована в ВИНТИ. Только с началом перестройки, в 1989 г., его «Этногенез и биосфера Земли» вышел в свет полноценной книгой и сразу стал библиографической редкостью.

Ранее им была опубликована статья «Изменение климата и миграции кочевников», где он выдвигает теорию о взаимодействии истории природы и истории людей. По мнению Гумилева, интерференция двух форм развития материи осуществляется в системах этносов и их исторических судьб. Явления природы оказывают влияние на хозяйственную жизнь народов; изобилие или оскудение определяют мощь той или иной страны.

ОБСУЖДЕНИЕ

Исследователи «предклассовой» концепции (Вайнштейн, 1991; Калиновская, 1989) считали, что для ведения экстенсивного кочевого хозяйства характерна специфическая социально-экономическая структура, развитие которой проходило замедленно.

Сторонники раннегосударственной концепции («раннеклассовое общество», или «многоукладное общество») считали, что общественное развитие кочевников характеризуется сохранением в условиях кочевого образа жизни общинных отношений на землю, наличием в кочевых обществах элементов социальной дифференциации (Хазанов¹, 2002; Кляшторный, 1986; Мартынов, 1988 и др.). Группа исследователей, опиравшихся на идею так называемого особого «номадного» способа производства (Марков, Масанов, 1985; Андрианов, 1982 и др.), считала, что кочевничество, в силу своей экологической специфики и других особенностей, является особой формой хозяйствования и определенной социальной характеристикой.

«Теория вожества», возникшая в 1960-е гг., принадлежит к наиболее фундаментальным достижениям западной полиантропологии. Согласно данной теории, в своих социальных связях общественные системы кочевников («кочевые вожества») основывались на сложившейся иерархической структуре и определенной имущественной дифференциации. При этом кочевая общественная иерархия, отличающаяся жесткой военной организацией, была организована на принципах родства, клановых и племенных связей (Krader, 1978; Khazanov, 1981; Khazanov, 1984). В целом западная историография в своих исследованиях придерживалась точки зрения о том, что общественное развитие кочевых обществ сводится к непосредственным связям и взаимодействию с оседло-земледельческими цивилизациями в результате необратимых процессов адаптации (Burnham, 1979 и др.). Термин «вожество» стал широко применяться в 1980–1990-е гг. российскими исследователями, затрагивавшими проблемы социальной эволюции кочевничества (Крадин, 1995;

¹ Российский и американский ученый Анатолий Михайлович Хазанов, проф. Висконсинского университета (США), по праву считается одним из крупнейших специалистов по истории, экономике и социальному строю кочевников. Книга «Кочевники и внешний мир» (Nomads and the Outside World), увидевшая свет впервые в 1984 г. в Америке, выдержала повторное издание там же в 1994 г., была переведена на русский язык и издана в Казахстане в 2000 г., а в четвертом издании стала доступна широкой российской аудитории. Для российской версии автор написал специальное предисловие и послесловие. В конце российской версии монографии помещены шесть статей по различным проблемам истории кочевников и современному состоянию их потомков-скотоводов.

Коротаев, Крадин, Лынша, 2000). «Вожество», по мнению отечественных ученых, определялось как военно-иерархическое общество, соответствующее поздней стадии потестарной организации.

На современном этапе мировое научное сообщество проявило интерес к изучению истории номадизма с позиций цивилизационной теории. Определение понятия «кочевая цивилизация» становится уместным, и понятно проведение многих конференций и научных мероприятий, в которых затрагивается и проблематика трансформации традиционных кочевых обществ в 1920–1930-е гг.: научные форумы и конференции «Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций» (2001 г.); «Диалог цивилизаций: взаимодействие кочевой и других культур Центральной Азии» (2001 г.); «Кочевые народы Юга России: исторический опыт и современность» (2016 г.); «Сетевое востоковедение: устные и письменные традиции в контексте межкультурного взаимодействия» (2017–2020 гг.) и др. В 2006 г. в Алматы был создан «Казахский научно-исследовательский институт по проблемам культурного наследия номадов» под руководством ученого с мировым именем Н. Э. Масанова. К сожалению, после его кончины данный институт был расформирован.

С распадом СССР в странах ближнего зарубежья начался процесс формирования своей «независимой» истории. Казахские исследователи в начале XXI в. с новых методологических позиций стали рассматривать советский опыт довоенной модернизации, проведение национальной политики в Казахстане, седентаризацию кочевников, приток промышленных мигрантов, голод 1932–1933 гг. и др. (Кадысова, 2004; Казиев, 2014; Абсеметов, Зиновьев, 2016; Альжаппарова, 2019; Кундакбаева, 2017; Акимбеков, 2021 и др.). Следует особо отметить, что публикациям по новой истории Казахстана часто присущ субъективизм. Одним из ведущих продолжает оставаться тезис о колонизации Казахстана СССР изошренными методами, губительными для хозяйства, культуры и языка казахов. Существенно изменились акценты в оценке национально-освободительных движений. Безусловно, на историографический процесс в Казахстане большое влияние оказали современная политическая ситуация и зарубежные публикации, в определенной степени распространяющие теорию посколониализма в центральноазиатском регионе (Khazanov, Shapiro, 2005; Огайон, 2009; Мусагалиева, 2014; Киндлер, 2017 и др.). Постепенно в изучении центральноазиатского региона начинает активно преобладать имперская парадигма. Применяемые концепты и методы, используемые в постколониальных исследованиях, позволяют задавать новые направления в историческом анализе и культурном измерении при изучении имперской проблематики и феномена колониализма.

В российской исторической науке появляется ряд теоретических работ, определяющих приоритеты в мировых исследованиях по проблемам истории, культуры и быта кочевых и полукочевых обществ, их места в истории человечества, преобразования экстенсивного скотоводческого хозяйства и отвечавшего ему образа жизни кочевников и полукочевников в XX в., в том числе в 1920–1930-е гг.

Монография «Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи)» являет собой уникальный исследовательский труд группы историков и обществоведов из различных регионов мира (российских и зарубежных научных центров). В коллективной

монографии впервые дан комплексный анализ государственной политики имперской России в XVIII–нач. XX вв., с методологически новых позиций начато изучение российской политики аккультурации, что дает ответ на многие не до конца исследованные вопросы истории кочевой цивилизации.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В калмыцкой историографии за последние десятилетия вышел ряд работ, внесших существенный вклад в развитие историографии по кочевой цивилизации (Максимов, 2002; Абеева О. Н., 2012; Тепкеев, 2014; Лиджиева, 2016; Батыров, 2018 и др.). Исследователи освещают политику российского государства по управлению инородцами, место и роль Российской империи в судьбах кочевых народов; исследуют вопросы управления калмыцким народом, причины откочевки части калмыцкого народа в Китай в 1771 г.; анализируют систему власти в составе единого государства и т.д.

Тем не менее, в должной мере не освещены вопросы трансформации кочевого народа Прикаспийского региона в 1920–1930-е гг., за исключением публикаций Е.Н. Бадмаевой (2017; 2018; 2019 и др.).

Обращение к истории, культуре и языку ногайского народа стало важным фактором в контексте изучения трансформации кочевых народов Прикаспийского региона в 1920–1930-е гг. Несмотря на огромное количество научных работ по данной проблеме, многие страницы истории ногайцев еще недостаточно изучены или требуют пересмотра с учетом привлечения в научный оборот малоизвестных документальных источников, а также накопленных современных научных данных, новых взглядов на исторические процессы. Известный российский ученый проф. В. Трепавлов, ведущий ногаевед, считает, что взаимное влияние в общественной жизни, культуре и языке тюркских народов и восточных славян было постоянным и всеобъемлющим на протяжении последних полутора тысячелетий, и мы полностью согласны с его мнением.

В зарубежной историографии по истории ногайского народа выделяются работы польских историков по крымским письменным памятникам (Зайончковский, 1969; Pulaski, 1981). Кочевникам евразийской степи посвящены труды Я. Пеленского и М. Ходарковского (Pelensky, 1974; Khodarkovsky, 1992; Ходарковский, 2019). Авторами приводится немало верных выводов и тонких наблюдений. Особенности русско-ногайских отношений в контексте общей истории связей Руси и Степи посвящена интересная статья немецкого историка А. Каппелера (Kappeler, 1992).

Благодаря усилиям нескольких поколений ученых скопился обширный материал для анализа и исследований по истории Ногайской Орды. При этом лишь в единичных монографических трудах ногаи выступали как центральный объект изучения. К сожалению, немногие монографии, повествующие о собственно ногаях (ногайцах), основываются на устаревших концепциях и весьма скудной источниковой базе.

Прорывные исследования по проблемам политических, экономических и культурных взаимоотношений с соседствующими народами; осмысление предпосылок и условий ведения хозяйства ногайским народом, механизмы приспособления к разным природно-географическим условиям и причины стремления ногайцев

и соседних народов к взаимным контактам в экономической, политической и культурной сферах освещены в ряде работ (Кидирниязов, 2000; 2019; Магомаев, Кидирниязов, 2017 и др.).

Одна из слабо разработанных тем в изучении истории кочевых народов — это определение степени вовлеченности ногайцев в исторические процессы, охватившие регион; места ногайцев в трансформации кочевых народов в период проведения коллективизации, раскулачивания и репрессивной политики советского государства в довоенный период; освещение процесса их приспособления к нормам советского права. Современные исследователи, в числе которых не только представители исторической науки, но и культурологи, филологи, социологи, предпринимают попытки выявления и обоснования научных критериев описания номадов и специфики их проявления. Согласимся с мнением известного казахского ученого Ж. Артыкбаева, что история степного мира связана как с Востоком, так и с Западом, но во всемирную историю мы входим со своим багажом культурно-исторических ценностей. Пока никто, к сожалению, не смог дать картину внутренних законов жизнедеятельности степных народов, не проведен анализ системы, которая многие тысячелетия служила главным субъектом и стержнеобразующим фактором истории. Предстоит выявить некоторые закономерности истории кочевых обществ Прикаспийского региона, отметить наиболее важные этносоциальные институты. И в этом хорошем подспорье станут труды казахских, калмыцких и ногайских исследователей (Шаисламов, 2008; Артыкбаев, 2005; Бадмаев, 2016; Шумакова, 2004; Волхонский, Ярлыкапов, 2020 и др.).

Таким образом, подробно изучив современное состояние проблемы по заявленной тематике, отмечаем, что большинство вопросов, касающихся трансформации кочевых обществ Прикаспийского региона в контексте социально-экономической политики Советского государства в 1920–1930-е гг., актуально и сегодня.

Литература

Абеева, О.Н. (2012). Система управления кочевниками Прикаспия в XIX в. (на материалах Калмыкии) // *Вестник Прикаспия: археология, история, этнология*. 2012. № 3. С. 77–86.

Абсеметов, М.О., Зиновьев, В.П. (2016). К вопросу об особенностях процесса модернизации Казахстана в 1920–1940-е гг. // *Вестник Томского государственного университета*. История. № 410. С. 19–23.

Акимубеков, С. (2021). *Казахи между революцией и голодом*. Алматы: ТОО «Институт Азиатских исследований».

Альжаппарова, Б.К. (2019). Из истории откочевков в Центральном Казахстане (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) // *Edu.e-history.kz*. № 3(19). С. 15–25.

Андрианов, Б.В. (1982). Некоторые замечания о дефинициях и терминологии скотоводческого хозяйства // *Советская этнография*. № 4. С. 76–80.

Аристов, Н.А. (2003). *Труды по истории и этническому составу тюркских племен* / Отв. ред. акад. В.М. Плоских. Бишкек: Илим.

Артыкбаев, Ж.О. (2005). *Кочевники Евразии в калейдоскопе веков и тысячелетий*. СПб: Мажор.

Бадмаев, В.Н. (2016). Культура кочевых народов: к методологии вопроса // *Вестник Калмыцкого университета*. № 1(29). С. 80–87.

- Бадмаева, Е.Н. (2017). *Исторический опыт формирования и развития органов государственного управления в Калмыкии в 1917–1943 гг.* Элиста: КалмНИЦ РАН.
- Бадмаева, Е.Н. (2018). Повседневность российского крестьянства в 1920–1930-х гг.: историография вопроса // *Magna adsurgit: historia studiorum*. № 1. С. 77–91.
- Бадмаева, Е.Н. (2019). Трудности и противоречия в моделировании образа «новой женщины» в Калмыкии в 1920–1930 гг. // *Вестник Калмыцкого университета*. 2019. №3(43). С. 6–12.
- Батыров, В.В. (2018). *Система традиционных кочевий волжских калмыков в XVIII – первой половине XIX вв.* Элиста, КалмНИЦ РАН.
- Вайнштейн, С.И. (1991). *Мир кочевников Азии*. М.: Наука.
- Васютин, С. (2005). Лики власти (к вопросу о природе власти в кочевых империях) // *Монгольская империя и кочевой мир*. Сборник научных статей. Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН. С. 56–71.
- Волхонский, М.А., Ярлыкапов, А.А. (2020). Ногайская степь как культурный ландшафт: проблемы идентификации и изучения // *Уральский исторический вестник*. № 2 (67). С. 61–70.
- Гумилев, Л. Н. (1989). *Древняя Русь и Великая степь*. М.: Экспо.
- Гумилев, Л. Н. (1972). Изменение климата и миграции кочевников // *Природа*. № 4. С. 44–52.
- Гумилев, Л. Н. (1960). *Хунну: Срединная Азия в древние времена*. М.: издательство восточной литературы.
- Гумилев, Л. Н. (1973). *Этногенез и биосфера Земли*: автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора географических наук. Ленинград: [б. и.].
- Гумилев, Л.Н. (1989). *Этногенез и биосфера Земли*. Под ред. доктора геогр. наук. профессора В. С. Жекулина. 2 изд. испр. и доп. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Зайончковский, А. (1969). «Летопись Кипчакской степи» (Теварих-и дешт-и кипчак) как источник по истории Крыма // *Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы*. Ред. А. С. Тверитинова. Ч. 2. М. С. 10–28.
- Зверяков, И.А. (1932). *От кочевания — к социализму*. Алма-Ата–М.
- Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи)* (2019) / Научн. ред. С. В. Любичанковский. Коллективная монография. Оренбург: Оренбургский государственный аграрный университет.
- Кадысова, Р.Ж. (2004). *Советская модернизация Казахстана (1917–1940 гг.): историография проблемы*. Алматы: НИЦ «Гылым».
- Казиев, С.Ш. (2014). Основные направления национальной политики Советского государства в Казахстане (1920–1929 гг.) // *Вестник Томского государственного университета*. История. №5 (31). С. 51–56.
- Калиновская К.П. (1989). *Скотоводы Восточной Африки в XIX–XX вв. Хозяйство и социальная организация*. М.: Наука.
- Кидирниязов, Д. С. (2000). *Ногайцы в XVII–XVIII вв. (Проблемы политических, экономических и культурных взаимоотношений с сопредельными странами и народами)*. Махачкала.
- Кидирниязов, Д.С. (2019). Ногайско-калмыцкие взаимоотношения в контексте Кавказской политики России в середине XVII–начале 20-х гг. XVIII вв. // *Вестник Дагестанского научного центра РАН*. № 74. С. 28–36.
- Киндлер, Р. (2017). *Сталинские кочевники. Власть и голод в Казахстане*. М.: РОССПЭН.
- Кляшторный, С. Г. (1986). Основные черты социальной культуры древнетюркских государств Центральной Азии (VI–X вв.) // *Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. Проблемы социальной мобильности*. М.: Наука. С.217–228.

- Коротаев, А., Крадин, Н. Н., Лынша, В. (2000). Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // *Альтернативные пути к цивилизации*. Коллективная монография. М.: Логос. С. 24–83.
- Косаков (1932). Об оседании кочевого и полукочевого населения советского Востока // *Революция и национальность*. № 5. С. 49–58
- Крадин, Н.Н. (1995). Вождество: современное состояние и проблемы изучения // *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / Отв. ред. В.А. Попов. М.: Восточная литература. С. 11–61.
- Крадин, Н.Н. (2006). Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*. Сборник научных статей. С. 490–511.
- Кундакбаева, Ж.Б. (2019). *Модернизация ранней советской эпохи в судьбах женщин Казахстана. 1920–1930 гг.* Алматы: Казак университет.
- Лиджиева, И.В. (2016). *Местное самоуправление калмыков в XIX в. – начале XX вв. (историко-этнографический аспект)*. Элиста, КалМНЦ РАН.
- Магомаев, В.Х., Кидирниязов, Д.С. (2017). *Ногайцы в Северокавказском историческом процессе в XVI–XX вв.* Грозный.
- Максимов, К.Н. (2002). *Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX вв.)*. М.: Наука.
- Марков, Г. Е., Масанов, Н. Э. (1985). Значение относительной концентрации и дисперсности в хозяйственной и общественной организации кочевых народов // *Вестник Московского государственного университета*. Серия историческая. № 4. С. 86–96.
- Мартынов, А.О. (1988). О развитии государственности у древних народов Сибири // *Известия Сибирского отделения Академии наук СССР*. Сер. История, филология и философия. Вып. 1. № 3.
- Масанов, Н.Э. (1995). *Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельностиномадного общества*. Алматы–Москва: Социнвест.
- Мусагалиева, А.С. (2014). *Источники политических репрессий в Казахстане*. Саарбрюккен: Palmarium Academic Publishing.
- Огайон, Изабель О. (2009). *Седентаризация казахов СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения. (1928–1945 гг.)*. Пер. с фр. А. Т. Ракишева. Алматы: Санат.
- Погорельский, П. (1934). Введение // *Оседание кочевых и полукочевых хозяйств Киргизии*/М.Г. Сахаров; под ред. П. Погорельского. М.: Центральное бюро краеведения. С. 7–41.
- Радлов, В.В. (1882). Мифология и миросозерцание жителей Алтая // *Восточное Обозрение*. № 7–8.
- Радлов, В.В. (1883). Мифология и миросозерцание жителей Алтая // *Восточное Обозрение*. № 8.
- Тепкеев, В.Т. (2014). *Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII в.: проблемы политических взаимоотношений*. Элиста: КИГИ РАН.
- Трепавлов, В.В. (2015). *Степные империи Евразии: монголы и татары*. М.: Квадрига.
- Хазанов, А. М. (2008). *Кочевники и внешний мир*. Изд. 4-е, доп. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Ходарковский, М. (2019). *Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800*. М.: Новое литературное обозрение.
- Шаисламов, А.Р. (2008). Проблемы и оценки общественно-исторического развития кочевых обществ в современной российской историографии // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008. № 85. С. 89–94.
- Шумакова, Е. В. (2004). Крестьяне и кочевники Предкавказья в социокультурных зонах степного Ставрополя: опыт взаимодействия // *Народ и власть: Исторические источники и методы исследования*. М. С. 378–381.
- Burnham, P. (1979). Spatial Mobility and Political Centralization in Pastoral Societies. *Pastoral Production and Society*. New York: Cambridge University Press. 349–360.

- Kappeler, A. (1992). Moskau und die Steppe: das Verhaitnis zu den Nogai- Tataren im 16. Jahrhundert. *Forschungen zur osteurop Sischen Geschichte*. Bd. 46. Berlin. 87–105.
- Krader, L. (1978). The origin of state among the nomads of Asia. *The Early State*. The Hague, Paris, New York. 93–107.
- Khazanov, A. M. (1981). The early Stale among the Eurasian nomads. *The Study of the Stale*. The Hague: Mouton Publishers. 156–173.
- Khazanov, A.M. (1984). *Nomads and the Outside World*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.
- Khazanov, A.M., Shapiro, K. (2005). Comtemporary Pastoralism in Central Asia. *Mongols, Turks and Others: Eurasian Nomads and the Sendentary World*. Leiden–Boston, Brill. 503–534.
- Khodarkovsky, M. (1992). *Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600-1771*. Ithaca; NY, Cornell University Press.
- Pulaski, K. (1881). *K. Stosunki z Mendli-Girejem, chanem tatar6w perekopskich (1469–1515)*. Krakow; Warszawa, Typography of Wl. Lozinski.
- Pelensky, J. (1974). *Russia and Kazan: Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s)*. The Hague–Paris: Mouton.

References

- Abeeva, O.N. (2012). The management system of the Caspian nomads in the XIX century (based on the materials of Kalmykia). *Bulletin of the Caspian: archeology, history, ethnology*. 2012. No. 3. 77–86.
- Absemetov, M.O., Zinoviev, V.P. (2016). On the question of the peculiarities of the modernization process of Kazakhstan in the 1920s–1940s. *Bulletin of Tomsk State University. History*. No. 410. 19–23.
- Akimbekov, S. (2021). *Kazakhs between revolution and famine*. Almaty: Institute of Asian Studies LLP.
- Alzhapparova, B.K. (2019). From the history of migrations in Central Kazakhstan (late 1920s–early 1930s). *Edu.e-history.kz*. No. 3(19). 15–25.
- Andrianov, B.V. (1982). Some remarks on definitions and terminology of cattle breeding. *Soviet Ethnography*. No. 4. 76–80.
- Aristov, N.A. (2003). *Works on the history and ethnic composition of the Turkic tribes* / Ed. academician V.M. Ploskikh. Bishkek: Ilim.
- Artykbayev, J.O. (2005). *The nomads of Eurasia in the kaleidoscope of centuries and millennia*. St-Petersburg: Major.
- Badmaev, V.N. (2016). Culture of nomadic peoples: on the methodology of the question. *Bulletin of the Kalmyk University*. No. 1(29). 80–87.
- Badmaeva, E.N. (2017). *Historical experience of the formation and development of public administration bodies in Kalmykia in 1917–1943*. Elista: KalmSC RAS.
- Badmaeva, E.N. (2018). Everyday life of the Russian peasantry in the 1920s–1930s: historiography of the issue. *Magna adurgit: historia studiorum*. No. 1. 77–91.
- Badmaeva, E.N. (2019). Difficulties and contradictions in modeling the image of a “new woman” in Kalmykia in 1920–1930. *Bulletin of the Kalmyk University*. 2019. No.3(43). 6–12.
- Batyrov, V.V. (2018). *The system of traditional nomads of the Volga Kalmyks in the XVIII–first half of the XIX centuries*. Elista, KalmSC RAS.
- Burnham, P. (1979). Spatial Mobility and Political Centralization in Pastoral Societies. *Pastoral Production and Society*. New York: Cambridge University Press. 349–360.

- Gumilev, L. N. (1989). *Ancient Russia and the Great Steppe*. Moscow: Expo.
- Gumilev, L. N. (1972). *Climate change and migration of nomads*. *Nature*. No. 4. 44–52.
- Gumilev, L. N. (1960). *Xiongnu: Central Asia in ancient times*. Moscow: Publishing House of Oriental Literature.
- Gumilev, L. N. (1973). *Ethnogenesis and the biosphere of the Earth*: abstract diss. for the degree of Doctor of Geographical Sciences. Leningrad: [B. I.].
- Gumilev, L.N. (1989). *Ethnogenesis and the biosphere of the Earth*. L.: Publishing House of LSU.
- Kadysova, R.J. (2004). *Soviet modernization of Kazakhstan (1917–1940): historiography of the problem*. Almaty: SIC “Gylym”.
- Kaziev, S.S. (2014). The main directions of the national policy of the Soviet state in Kazakhstan (1920–1929). *Bulletin of Tomsk State University*. History. No. 5 (31). 51–56.
- Kalinovskaya K.P. (1989). *Pastoralists of East Africa in the XIX–XX centuries. Economy and social organization*. Moscow: Nauka.
- Kappeler, A. (1992). Moskau und die Steppe: das Verhältnis zu den Nogai–Tataren im 16. Jahrhundert. *Forschungen zur osteurop Sischen Geschichte*. Bd. 46. Berlin. 87–105.
- Krader, L. (1978). *The origin of state among the nomads of Asia. The Early State*. The Hague, Paris, New York. 93–107.
- Khazanov, A. M. (1981). *The early State among the Eurasian nomads. The Study of the State*. The Hague: Mouton Publishers. 156–173.
- Khazanov, A.M. (1984). *Nomads and the Outside World*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.
- Khazanov, A. M. (2008). *Nomads and the Outside World*. 4th edition, St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House.
- Khazanov, A.M., Shapiro, K. (2005). *Comtemporary Pastoralism in Central Asia. Mongols, Turks and Others: Eurasian Nomads and the Sedentary World*. Leiden-Boston, Brill. 503-534.
- Khodarkovsky, M. (1992). *Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600-1771*. Ithaca; NY, Cornell University Press.
- Khodarkovsky, M. (2019). *Steppe frontiers of Russia: how the colonial empire was created. 1500–1800*. Moscow: New Literary Review.
- Kidirmiyazov, D. S. (2000). *Nogais in the XVII–XVIII centuries. (Problems of political, economic and cultural relations with neighboring countries and peoples)*. Makhachkala.
- Kidirmiyazov, D.S. (2019). Nogai-Kalmyk relations in the context of the Caucasian policy of Russia in the mid-XVII–early 20s of the XVIII centuries. *Bulletin of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. No. 74. 28–36.
- Kindler, R. (2017). *Stalin’s nomads. Power and hunger in Kazakhstan*. Moscow: ROSSPEN.
- Klyashtorny, S. G. (1986). The main features of the social culture of the ancient Turkic states of Central Asia (VI–X centuries). *Classes and estates in pre-capitalist societies of Asia. Problems of social mobility*. Moscow: Nauka. 217–228.
- Korotaev, A., Kradin, N. N., Lynsha, V. (2000). Alternatives to social evolution (introductory remarks). *Alternative paths to civilization*. Collective monograph. M.: Logos. 24–83.
- Kosakov (1932). On the settling of the nomadic and semi-nomadic population of the Soviet East. *Revolution and Nationalities*. No. 5. 49–58
- Kradin, N.N. (1995). Chiefdom: the current state and problems of study. *Early forms of political organization: from primitiveness to statehood* / Ed. V.A. Popov. Moscow: Oriental Literature. 11–61.
- Kradin, N.N. (2006). Nomads, world-empires and social evolution. *The Early state, its alternatives and analogues*. Collection of scientific articles. 490–511.

- Kundakbayeva, J.B. (2019). *Modernization of the early Soviet era in the destinies of women in Kazakhstan. 1920–1930*. Almaty: Kazak University.
- Lidzhiyeva, I.V. (2016). *Local self-government of the Kalmyks in the XIX century–early XX centuries (historical and ethnographic aspect)*. Elista, KalmSC RAS.
- Magomaev, V.H., Kidirmiyazov, D.S. (2017). *Nogais in the North Caucasian historical process in the XVI–XX centuries. Terrible*.
- Markov, G. E., Masanov, N. E. (1985). The significance of relative concentration and dispersion in the economic and social organization of nomadic peoples. *Bulletin of the Moscow State University. Historical serie*. No. 4. 86–96.
- Martynov, A.O. (1988). On the development of statehood among the ancient peoples of Siberia. *Izvestia of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences*. Ser. History, philology and philosophy. Vol.1. 3.
- Masanov, N.E. (1995). *Nomadic civilization of the Kazakhs: the basics of nomadic society*. Almaty-Moscow: Socinvest.
- Maximov, K.N. (2002). *Kalmykia in national politics, the system of power and management of Russia (XVII–XX centuries)*. Moscow: Nauka.
- Musagalieva, A.S. (2014). *Sources of political repression in Kazakhstan*. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing.
- Ogayon, Isabel O. (2009). *Sedentarization of Kazakhs of the USSR under Stalin. Collectivization and social change. (1928–1945)*. Translated from the French by A. T. Rakishev. Almaty: Sanat.
- Pelensky, J. (1974). *Russia and Kazan: Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s)*. The Hague–Paris: Mouton.
- Pogorelsky, P. (1934). Introduction. *Settling of nomadic and semi-nomadic farms of Kyrgyzstan*. Moscow: Central Bureau of Local Lore. 7–41.
- Pulaski, K. (1881). *K. Stosunki z Mendli-Girejem, chanem tatarów perekopskich (1469–1515)*. Krakow; Warszawa, Typography of Wl. Lozinski.
- Radlov, V.V. (1882). Mythology and worldview of Altai residents. *Eastern Outlook*. № 7–8.
- Radlov, V.V. (1883). Mythology and worldview of Altai residents. *Eastern Review*. No. 8.
- Shaislamov, A.R. (2008). Problems and assessments of the socio-historical development of nomadic societies in modern Russian historiography. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. a.I. Herzen*. 2008. No. 85. 89–94.
- Shumakova, E. V. (2004). Peasants and nomads of the Pre-Caucasus in the socio-cultural zones of steppe Stavropol: experience of interaction. *People and power: Historical sources and research methods*. Moscow. 378–381.
- Tepkeev, V.T. (2014). *Kalmyks in the Northern Caspian Region in the second third of the XVII century: problems of political relations*. Elista: KIGI RAS.
- The Imperial policy of acculturation and the problem of colonialism (on the example of nomadic and semi-nomadic peoples of the Russian Empire)* (2019) / Scientific ed. S. V. Lyubichankovsky. Collective monograph. Orenburg: Orenburg State Agrarian University.
- Trepavlov, V.V. (2015). *Steppe Empires of Eurasia: Mongols and Tatars*. Moscow: Quadriga.
- Vasyutin, S. (2005). Faces of Power (on the question of the nature of power in nomadic empires). *The Mongol Empire and the nomadic world*. Collection of scientific articles. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 56–71.
- Volkhonsky, M.A., Sklykapov, A.A. (2020). Nogai Steppe as a cultural landscape: problems of identification and study. *Ural Historical Bulletin*. No. 2 (67). 61–70.

Weinstein, S.I. (1991). *The world of nomads of Asia*. Moscow: Nauka.

Zaionchkovsky, A. (1969). «Chronicle of the Kipchak Steppe» (Tevarikh-i desht-i Kipchak) as a source on the history of Crimea. *Eastern sources on the history of the peoples of Southeastern and Central Europe*. Ed. by A. S. Tveritinov. Part 2. Moscow. 10–28.

Zveryakov, I.A. (1932). *From nomadism to socialism*. Alma-Ata- Moscow.

УДК 94(470+571)

БЫЛА ЛИ РОССИЯ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИМПЕРИЕЙ? ЧАСТЬ 2

Диттмар Шорковиц

доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник
Институт социальной антропологии им. Макса Планка, Берлин, Германия
Email: schorkowitz@eth.mpg.de

Аннотация

Перевод выполнен по изданию Schorkowitz D. (2019). Was Russia a Colonial Empire? In: Schorkowitz D., Chávez J., Schröder I. (eds.) Shifting Forms of Continental Colonialism: Unfinished Struggles and Tensions. Palgrave Macmillan, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-13-9817-9_5. Автор благодарен редакции журнала “Nomadic civilization: historical research” за перевод и приглашение представить свою точку зрения. В тексте сохранена пунктуация переводчика.

Ключевые слова

Россия, Сибирь, колониализм, Калмыцкое ханство, политика

Перевод

Омакаева Эллара Уляевна

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»

Элиста, ул. Пушкина, д. 11.

E-mail: elomakaeva@mail.ru

UDC 94(470+571)

WAS RUSSIA A COLONIAL EMPIRE? PART 2

Dittmar Schorkowitz

Ph.D., Dr. Phil. Habil., senior researcher

Max Planck Institute for Social Anthropology,

Department of Law & Anthropology, Berlin, Germany

E-mail: schorkowitz@eth.mpg.de

Annotation

The translation has been done from the edition: Schorkowitz D. (2019). Was Russia a Colonial Empire? In: Schorkowitz D., Chávez J., Schröder I. (eds.) Shifting Forms of Continental Colonialism: Unfinished Struggles and Tensions. Palgrave Macmillan, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-13-9817-9_5. The author is grateful to the editor of the journal “Nomadic civilization: historical research” for the translation and the invitation to present his point of view. The translator’s punctuation is retained in the text.

Keywords

Russia, Siberia, colonialism, Kalmyk Khanate, politics

Translation

Ellara U. Omakaeva

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov. Pushkin str., Elista, Russia.

E-mail: elomakaeva@mail.ru

СОВЕТСКАЯ ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ ИЛИ СОВЕТСКИЙ КОЛОНИАЛИЗМ?

Вспоминая знаменитое изречение Ленина «Россия — тюрьма народов», можно задаться вопросом, действительно ли советская национальная политика привела к освобождению многих наций. Был ли им предоставлен суверенитет, как обещали революционные большевики? Вальтер Коларц, современник сталинских чисток, довольно ясно дал понять, что «советская национальная политика вместо того, чтобы разрушить российский империализм, на самом деле пыталась сохранить и укрепить его» и что Советский Союз вообще не «решил проблему национальностей», несмотря на официальные заявления об обратном (Kolarz, 1952: 303).

Реализуя принцип «разделяй и властвуй» более изощренно, чем старый режим, советская национальная политика скорее способствовала все возрастающему «этническому партикуляризму» (Slezkin, 1994), превратившему государство в «коммунальную квартиру» (коммуналку) с меньшей площадью, меньшими правами и меньшими возможностями для каждого жителя.

В любом случае, «коммунальная квартира» — это всего лишь хорошая метафора для того, что с другой стороны, можно по праву назвать «внутренним колониализмом», хотя советский колониализм, по общему признанию, «заметно отличался от своего царского предшественника» (Loring, 2014: 80). Советский лозунг «Свобода колониальным народам», таким образом, скорее предназначался для того, чтобы охватить колонизированные страны в соседней Азии, преимущественно Китай и Индию, все еще контролируемые иностранными державами, а не колонизированных у себя дома.

В Советской Средней Азии местная автономия Бухары, Хивы (Хорезм) и Коканда просуществовала недолго, с 1918 по 1924 год, автономия казахской Алаш-Орды была еще короче (Hayit, 1965; Carrère d'Encausse, 1999b; Sabol, 2003; Kendirbai, 2008).

Призывы к «деколонизации колонии» (Teichmann, 2016: 54) остались неслышанными, за исключением, возможно, «земельной и водной реформы», проведенной Михаилом Фрунзе в Семиречье в 1921-1922 гг., когда около 30 000 славянских крестьян и более 10 000 человек из других районов Туркестана были насильственно переселены: «были изгнаны с земель, на которые они претендовали, частично во время подавления казахско-киргизского восстания 1916 года, что ознаменовало начало периода крайнего насилия со стороны славянских поселенцев-земледельцев по отношению к среднеазиатским скотоводам». (Pianciola, 2008: 101).

Планы создания независимой федерации, основанной на исламских и патриархальных традициях, выдвинутые в июне 1923 года уроженцем Казахстана Султанбеком Ходжановым, наркомом Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики, не были реализованы.

Скорее, границы пяти новых среднеазиатских республик, установленные по этнонациональным критериям и зафиксированные в 1936 г., разделили языковые группы и «отсекли по оросительным системам»; Ферганская долина была «разделена на три части, распределенные между Узбекистаном, Таджикистаном и Киргизией» (Caroe, 1953: 139; ср. Teichmann, 2016: 61–69).

Вытеснение коренного крестьянства путем переселения славянского крестьянства, инициированное Игнатьевской комиссией (1884 г.) и осуществлявшееся под контролем Министерства земледелия и государственных имуществ (1897), не только продолжалось, но и целенаправленно росло в раннесоветский период (Abdurakhimova, 2002: 251–53; Fieldhouse, [1965] 1982: 337).

Перемещенные фермеры и маргинализованные кочевники (оседлость) были превращены в пролетариат, которого ранее не существовало, просто для того, чтобы слиться с небольшим русским пролетариатом, базирующимся на нескольких заводах, железных дорогах и телеграфных станциях.

По команде и под наблюдением своих старших товарищей из Москвы, в частном порядке прозванных “колонизаторами с партбилетами” (Loring, 2014: 79; ср. Nayit, 1965: 31), жители Центральной Азии стали членами партии прежде всего ради своих собственных интересов, одновременно способствуя советской программе модернизации. Они построили новые оросительные системы и инфраструктуру; они посадили еще больше хлопковых полей. Но они также приняли участие в геноцидной кампании коллективизации, во время которой умерли от голода приблизительно «1,5 миллиона казахов» (Olcott, 1981: 122; ср. Caroe, 1953: 141).

Тяжелая промышленность (уголь, нефть, руда) и производственные площадки появились относительно поздно с эвакуацией крупных промышленных предприятий, служащих и научных учреждений во время Второй мировой войны.

Мотивированные внешней торговлей требования об увеличении производства узбекского хлопка привели к местному кризису (голод), когда центральные плановые комиссии не смогли обеспечить поставки зерна из других частей России. Само собой разумеется, что все экономические решения, касающиеся «форсирования экспорта и подавления импорта», были согласованы в ЦК ВКП(б) и Госплане в Москве, лишив «жителей региона доступа к предметам первой необходимости» и сделав «Центральную Азию экономически зависимой от остальной части СССР в отношении торговых товаров и продуктов питания» (Loring, 2014: 80; ср. Weinerman, 1993: 446–447; Obertreis, 2017).

Именно «Центр управления» превратил Центральную Азию в настоящую внутреннюю колонию Советского Союза, и Дэвид Филдхаус лаконично отметил, что в 1917 году «Центральная Азия была типичным колониальным обществом [...] она осталась «колониальной» во всем, кроме замысла» (Fieldhouse, [1965] 1982: 339; ср. Sahadeo, 2007).

Среднеазиатские ученые в послевоенной полемике с московскими коллегами по поводу упадка в своих республиках весьма откровенно высказывались по поводу роли царской и Советской России в «социальной, культурной и политической стагнации» (Weinerman, 1993: 428).

Это было вызвано не экономикой Средней Азии (XVI в.), а колониальным режимом, который правил ими более ста лет. Призывы Центрального комитета партии, отражающие общесоюзную политику (ср. Шунков, 1946; Бахрушин, 1955), к тому, чтобы «указывать на те преимущества, которыми пользовалась Средняя Азия при российском правлении», — хотя и были тщательно сформулированы — в то же время “перевешивались резкой критикой русского колониализма» (Weinerman, 1993: 439).

Более поздние критики, такие как Первый секретарь ЦК КП Таджикистана Бободжан Гафуров, рассуждали в том духе, что Дипеш Чакрабартти назвал «диалогом нарушенного обещания», что означает что колониализм «обещал модернизацию, но не оправдал ее» (Chakrabarty, 2009: 265, ссылаясь на Aimé Césaire; ср. Seton-Watson, [1966] 1973: 116).

Гафуров сказал в 1949 году, что Центральная Азия могла бы добиться еще большего успеха и «развивать капитализм без какого-либо российского участия [...]», потому что российские власти «сознательно сохраняли феодальную отсталость Центральной Азии» (Weinerman, 1993: 440). Вопрос о том, как исторически любая отсталость региона связана с российской колониальной администрацией и какова на самом деле роль последней в ускорении «экономического и культурного прогресса» (Weinerman, 1993: 452) в Средней Азии, оставался острым политическим вопросом в исторических и партийных дебатах вплоть до 1980-х годов.

Соппротивление коллективизации и оседлости на всей территории Средней Азии, выступающей против распространения монокультуры хлопка в Узбекистане, с одной стороны, и попыток экономической диверсификации, с другой, неоднократно вызывали чистки и суровые наказания (Carrère d'Encausse, 1999b: 260–264; Hofmeister, 2006: 74–77). Среднеазиатские восстания, такие как басмачество (1916–1934), связано с более ранними, частично религиозными восстаниями в Андижане (1898 г.) и Семиречье (1916 г.), были жестоко подавлены (Carrère d'Encausse, 1999a: 167–170; Myer, 2002: 78–85; Бабаджанов, 2009; Happel, 2010), как и аналогичные восстания мюридов на Кавказе (Halbach, [1989] 1994; Sidorko, 2007).

Такое происходило с любым другим антисоветским движением, будь то организованное славянскими крестьянами во время гражданской войны в Европейской России (Brovkin, 1989; Landis, 2008), коренными народами Сибири в 1930-е гг. (Leete, 2005), горцами Предкавказья (в том числе татарами и калмыками из Понтийско-Каспийской степи) или прибалтийскими жителями, депортированными в Сибирь и Среднюю Азию в 1943–1945 гг. за предполагаемое сотрудничество с нацистской Германией. Потребовались долгие годы на то, чтобы депортированные народы получили политическую реабилитацию и разрешение вернуться на родину, где они столкнулись с серьезным сопротивлением славянского населения, которое, подпитываемое советской пропагандой, захватило их дома и поселилось там (Nekrich 1978; Comins, Richmond, 2002; Brandes и др. 2010; Burbank and Cooper, 2010: 432; Pohl, 2014; Annus, 2018: 36–39).

Действительно, это типично для дебатов времен холодной войны, возникает соблазн включить послевоенные сателлиты Центральной и Восточной Европы в советский список внутренних колоний, особенно с учетом «резкого ужесточения российского контроля над всем блоком» (Twitchett, 1965: 306). Однако это не кажется уместным. Отношения Советского Союза с Германской Демократической Республикой, Польшей, Чехословакией, Венгрией или Монголией — если добавить еще одного, часто забываемого сателлита на Дальнем Востоке — были гегемонистскими и имперскими по своей сути. Временное нахождение Финляндии, Прибалтийских государств и части Польши в составе Российской империи определило их более поздние отношения с Россией как неоколониальные, но не более того.

В то же время «контроль русских над казаками» был колониальным (Reinhard, 2011: 1). «Советские вторжения в Прибалтику», как Эпп Аннус уже неоднократно заявляла, напоминают раннюю экспансию России в другие части империи; государство вторглось не для колонизации, а для оккупации, а «оккупация позже переросла в период колониального господства» (Annus, 2012: 21), что позволяет «легко классифицировать советский режим в странах Балтии как колониальный режим» (Annus, 2018, 43; ср. Pohl 2014, 2–3).

Аналогичным образом, хотя Украина и является подлинной частью империи, ее вряд ли можно рассматривать как «внутреннюю колонию» Советского Союза, как когда-то думали исследователи теории модернизации (Biscoe, 1986).

Несмотря на эксплуатацию «Малороссии» и маргинализацию «Великой России», вопрос более сложен, учитывая культурную близость между двумя народами и историческую глубину их связи. Украина (буквально: «на краю», пограничье), также известная как Киевская Русь, в средние века была колыбелью русской государственности, культуры и экономики, прежде чем она уступила место более процветающим княжествам Московскому, Владимиро-Суздальскому и Новгородскому.

С другой стороны, Монголия, «не имеющая выхода к морю и находящаяся между двумя своими крупными соседями — Россией и Китаем» (Myadar, 2017: 8), никогда не была частью Российской империи, но оставалась в советской орбите и в ее криптоколониальной «тени» из-за растущего политического, военного, экономического и культурного влияния Москвы в двадцатом столетии.

Возвращаясь к вопросу о деколонизации, Советскому Союзу при поддержке Коминтерна, оказавшегося под влиянием Москвы (1919–1943), удалось убедить национальных лидеров деколонизированных стран Азии и Африки в своих добрых намерениях освободить их народы от колониального ига, одновременно прилагая много усилий к тому, чтобы скрыть ужасы коммунистического террора у себя дома (Baberowski, 1998; Schorkowitz 2018: 412–416, 439–440).

На протяжении десятилетий Советский Союз и коммунистический Китай воспринимались не как главные действующие лица, а как жертвы западного колониализма и империализма. Однако эта ситуация стала меняться, хотя и медленно, в середине 1950-х годов, когда «некоторые афроазиаты, по-видимому, начали различать коммунистический китайский и советский бренды «колониализма» (Twitchett, 1965: 313).

На Бандунгской конференции (1955) из-за китайско-российского конфликта того времени Москву обвинили в поддержании колониальных отношений со «странами Восточной Европы» (Chakrabarty, 2009: 269) и в «колониальной практике [...], в частности, когда она направлена против мусульманских нацменьшинств в Средней Азии» (Tarling, 1992: 76; ср. Burbank and Cooper, 2010: 441).

Никита Хрущев в своей речи в Организации Объединенных Наций в 1960 году вынужден был признать, что «колониальная политика царского правительства существенно не отличалась от действий западных держав в их колониях» (Weinerman, 1993: 452).

Литература

- Abdurakhimova, Nadira A. (2002). The Colonial System of Power in Turkestan. *International Journal of Middle East Studies*, 34(2): 239–262.
- Annus, Epp (2012). The Problem of Soviet Colonialism in the Baltics. *Journal of Baltic Studies*, 43(1): 21–45.
- Annus, Epp (2018). *Soviet Postcolonial Studies: A View from the Western Borderlands*. London: Routledge.
- Бабаджанов, Б. (2009). Андижанское восстание 1898 года и «Мусульманский вопрос» в Туркестане (взгляды «колонизаторов» и «колонизированных»). *Ab Imperio*, 2: 155–200.
- Бахрушин, С.В. (1955). Положительные результаты русской колонизации в связи с присоединением Якутии к русскому государству. Научные труды 3. Избранные работы по истории Сибири XVI – XVII вв., часть вторая: история народов Сибири в XVI – XVII вв., под ред. А.А. Зимин, Н.В. Устюгов, Л.В. Черепнин и В.И. Шунков. Москва. 236–253.
- Шунков, В.И. (1946). Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков. Москва: АН СССР.
- Brovkin, Vladimir N. (1989). On the Internal Front: Bolsheviks and the Greens. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 37(4): 541–568
- Babrowski, Jörg (1998). Stalinismus als imperiales Phänomen: die islamischen Regionen der Sowjetunion 1920–1941. *Stalinismus: Neue Forschungen und Konzepte*, edited by Stefan Plaggenborg, 113–150.
- Biscoe, Anna (1986). Internal Colonialism in the USSR: The Case of Soviet Ukraine. PhD diss., The University of Alberta.
- Brandes, Detlef, Holm Sundhaussen, and Stefan Troebst, eds. (2010). *Lexikon der Vertreibungen: Deportation, Zwangsaussiedlung und ethnische Säuberung im Europa des 20. Jahrhunderts*. Wien: Böhlau Verlag.
- Burbank, Jane, and Cooper, Frederick (2010). *Empires in World History: Power and the Politics of Difference*. Princeton: Princeton University Press.
- Caroe, Olaf (1953). Soviet Colonialism in Central Asia. *Foreign Affairs*, 32(1): 135–144.
- Carrère d'Encausse, Hélène (1999a). Organizing and Colonizing the Conquered Territories. *Central Asia, 130 Years of Russian Dominance: A Historical Overview*, edited by Edward Allworth, 151–171. Durham: Duke University Press.
- Carrère d'Encausse, Hélène (1999b). The National Republics Lose Their Independence. *Central Asia, 130 Years of Russian Dominance: A Historical Overview*, edited by Edward Allworth, 254–65. Durham: Duke University Press.
- Chakrabarty, Dipesh (2009). Legacies of Bandung: Decolonization and the Politics of Culture. *Enchantments of Modernity: Empire, Nation, Globalization*, edited by Saurabh Dube, 264–287. London: Routledge.
- Comins-Richmond, Walter (2002). The Karachay Struggle After the Deportation. *Journal of Muslim Minority Affairs*, 22(1): 63–79.
- Fieldhouse, David K. ([1965] 1982). *The Colonial Empires: A Comparative Survey from the Eighteenth Century*. London: Macmillan.
- Halbach, Uwe ([1989] 1994). 'Holy War' Against Czarism: The Links Between Sufism and Jihad in the Nineteenth-Century Anticolonial Resistance Against Russia. *Muslim Communities Reemerge: Historical Perspectives on Nationality, Politics, and Opposition in the Former Soviet Union and Yugoslavia*, edited by Edward Allworth, 251–276. Durham: Duke University Press.

- Happel, Jörn (2010). Nomadische Lebenswelten und zarische Politik: Der Aufstand in Zentralasien 1916. *Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa*, 76. Stuttgart: Steiner.
- Hayit, Baymirza (1965). *Sowjetrussischer Kolonialismus und Imperialismus in Turkestan als Beispiel des Kolonialismus neueren Stils gegenüber einem islamischen Volk in Asien*. Oosterhout: Anthropological Publications.
- Hofmeister, Ulrich (2006). Kolonialmacht Sowjetunion: Ein Rückblick auf den Fall Usbekistan. *Osteuropa*, 56(3): 69–93.
- Kendirbai, Gulnar (2008). Challenging Colonial Power: Kazak Cadres and Native Strategies. *Inner Asia*, 10(1): 65–85.
- Kolarz, Walter (1952). *Russia and Her Colonies*. London: George Philip & Son Ltd
- Landis, Erik C. (2008). Bandits and Partisans: The Antonov Movement in the Russian Civil War. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Leete, Art (2005). Anti-Soviet Movements and Uprisings Among the Siberian Indigenous Peoples During the 1920–40s. *The Northern Peoples and States: Changing Relationships* [Studies in Folk Culture V], edited by Art Leete and Ülo Valk, 55–89. Tartu: Tartu University Press.
- Loring, Benjamin (2014). ‘Colonizers with Party Cards’: Soviet Internal Colonialism in Central Asia, 1917–39. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 15(1): 77–102.
- Myadar, Orhon (2017). In the Soviet Shadow: Soviet Colonial Politics in Mongolia. *Inner Asia*, 19(1): 5–28.
- Myer, Will (2002). *Islam and Colonialism: Western Perspectives on Soviet Asia*. Richmond: Curzon Press.
- Nekrich, Aleksandr M. (1978). *Punished Peoples: The Deportation and Fate of Soviet Minorities at the End of the Second World War*. New York: Norton.
- Obertreis, Julia (2017). *Imperial Desert Dreams: Cotton Growing and Irrigation in Central Asia, 1860–1991*. Göttingen: V&R Unipress.
- Olcott, Martha Brill (1981). The Collectivization Drive in Kazakhstan. *The Russian Review*, 40(2): 122–142.
- Pianciola, Niccol (2008). Décoloniser l’Asie Central? Bolcheviks et colons au Semirech’e (1920–1922). *Cahiers Du Monde Russe*, 49(1): 101–143.
- Pohl, Otto J. (2014). Colonialism in One Country: The Deported Peoples in the USSR as an Example of Internal Colonialism. *Journal of Race, Ethnicity, and Religion*, 5(7): 1–27.
- Reinhard, Wolfgang (2011). *A Short History of Colonialism*. Manchester: Manchester University Press.
- Sabol, Steven (2003). *Russian Colonization and the Genesis of Kazak National Consciousness*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Sahadeo, Jeff (2007). *Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923*. Bloomington: Indiana University Press.
- Schorkowitz, Dittmar (2010). Geschichte, Identität und Gewalt im Kontext postsozialistischer Nationsbildung. *Zeitschrift Für Ethnologie*, 135: 99–160.
- Schorkowitz, Dittmar (2018). ‘... Daß die Inorodcy niemand rettet und das Heil bei ihnen selbst liegt ...’: *Quellen und Beiträge zur historischen Ethnologie von Burjaten und Kalmücken*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Seton-Watson, Hugh ([1966] 1973). Moscow’s Imperialism. *Crisis and Continuity in World Politics: Readings in International Relations*, edited by George A. Lanyi and Wilson C. McWilliams, 114–117. New York: Random House.
- Shunkov, Viktor Ivanovich (1946). *Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v XVII — nachale XVIII vekov* [Essays on Siberia’s Colonization History from the 17th to the Beginning of the 18th Centuries]. Moscow: Akademiia Nauk SSSR.

Sidorko, Clemens P. (2007). *Dschihad im Kaukasus: Antikolonialer Widerstand der Dagestaner und Tschetschenen gegen das Zarenreich (18. Jahrhundert bis 1859)*. Wiesbaden: Reichert.

Slezkin, Yuri (1994). The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. *Slavic Review*, 53(2): 414–52.

Teichmann, Christian (2016). *Macht der Unordnung: Stalins Herrschaft in Zentralasien 1932–1950*. Hamburg: Hamburger Edition.

Twitchett, Kenneth J. (1965). Colonialism: An Attempt at Understanding Imperial, Colonial, and Neo-colonial Relationships. *Political Studies*, 13(3): 300–323.

Weinerman, Eli (1993). The Polemics Between Moscow and Central Asians on the Decline of Central Asia and Tsarist Russia's Role in the History of the Region. *The Slavonic and East European Review*, 71(3): 428–81.

«ЖАНГАР»-ЫН ТУУЛИЙН ТҮҮХЭН ҮНДЭС ЭРИЛГЭЛЖ ӨРГӨТГЭЖ ГҮНЗГИЙРҮҮЛЭХ ДОРВИТОЙ НЭГЭН БҮТЭЭЛ

Д. Бату

түүхийн ухааны доктор

Баруун Хойтын Үндэстний их сургуулийн профессор, Ланьчжоу, БНХАУ

E-mail: batu602@hotmail.com

Н о м ы н ш ү ү м ж

Мөнхөө Б. Жангарын зохиогдсон газарзүйн орчин хийгээд нийгмийн түүхэн сурвалж.

A SIGNIFICANT WORK THAT SEEKS TO EXPAND AND DEEPEN THE HISTORICAL ROOTS OF THE JANGAR EPIC

D. Batu

PhD

Professor, Northwestern National University, Lanzhou, China

E-mail: batu602@hotmail.com

Book review

Munkhuu B. Historical background of the geographical environment and society of the creation of «Jangar».

«Nomadic civilization: historical research» (возрастная категория 16+) предоставляет возможность научному сообществу публиковать новейшие оригинальные результаты своих исследований в области кочевниковедения, привлекает внимание ученых, включая специалистов из смежных областей, а также преподавателей и аспирантов вузов, к перспективным и актуальным направлениям современной науки.

Журнал «Nomadic civilization: historical research»
включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Учредитель/Издатель:

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова» (КалмГУ)

Адрес редакции:

358000, Республика Калмыкия, г. Элиста,
ул. им. А.С. Пушкина, 11.

Главный редактор:

Екатерина Николаевна Бадмаева
E-mail: istkalm@yandex.ru

Научный редактор: Э.У. Омакаева

Переводчик: Э.У. Омакаева

Компьютерная верстка: Т.Е. Хахулин

Дата загрузки: 30 сентября 2021 г.

 **Мнение редколлегии журнала
может не совпадать с мнением авторов**